

ВЕРА ЧАПЛИНА

ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

Annotation

Известная детская писательница Вера Чаплина увлекательно рассказывает о своих воспитанниках — о львице Кинули, выросшей в городской квартире, о волчонке Арго, ставшим кинозвездой, о хитром лисенке Куцем, который умудрялся убежать из любой клетки, о могучем и коварном слоне Шанго, о свирепом тигре Раджи и его верной подруге — тигрице Баядерке, о Фомке — маленьком белом медвежонке, прилетевшем из Арктики в Москву на самолете, и о многих других животных — питомцах Московского Зоопарка.

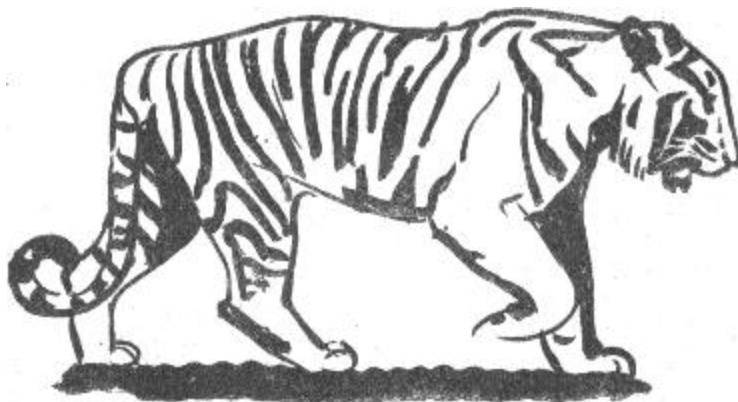
Для младшего школьного возраста.

- [В. Чаплина](#)
  -
  - [Вместо предисловия](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Кинули](#)
    - [Волчья воспитанница](#)
    - [Малышка](#)
    - [Память зверя](#)
    - [Фомка — белый медвежонок](#)
    - [Ная-выдрёнок](#)
    - [Куцый](#)
    - [Обыкновенная кошка](#)
    - [Нюрка](#)
    - [Чужой](#)
    - [Тюлька](#)
    - [Лоська](#)
    - [Арго](#)
    - [Раджи](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Крокодилы](#)

- [Тайна маленького геккона](#)
  - [Кондор](#)
  - [Росомаха](#)
  - [Кровожадный зверёк](#)
  - [Необычная клетка](#)
  - [Мусик](#)
  - [Волк вернулся в клетку](#)
  - [Крылатый друг](#)
  - [Как зоотехник перехитрил оленей](#)
  - [Медвежонок](#)
  - [Гнездо 13](#)
  - [Белла](#)
  - [Живой подарок](#)
  - [Догадливый лев](#)
  - [Галины питомцы](#)
  - [«Домовой» в зоопарке](#)
  - [Невыдуманный случай](#)
  - [Вайгач](#)
  - [Уголек](#)
  - [Случай с оленем](#)
  - [Шанго](#)
  - [Марьям и Джек](#)
-

В. Чаплина
Питомцы зоопарка
Рассказы

Вместо предисловия

Всю жизнь я очень любила животных, и сколько себя помню, всегда у меня воспитывались какие-нибудь птенцы, щенята, зайчата...

Мне нравилось, когда меня дома встречали раскрытые рты галчат, сорок, когда серенькие желторотые воробышки не улетали от протянутой руки, а зайчата смело прыгали ко мне на колени.

С четырнадцати лет я поступила в кружок юных биологов Зоопарка. Руководил этим кружком известный натуралист и большой любитель природы Пётр Александрович Мантейфель, Он учил нас любить животных, беречь и изучать природу.

Наш кружок был небольшой и очень дружный. Мы помогали служителям убирать клетки, кормить зверей и птиц, научным сотрудникам — наблюдать животных,

записывали в дневники их поведение, взвешивали звериных малышей и следили за их ростом.

В то время Зоопарк был совсем не такой, как сейчас. Помещения, в которых находились животные, были тесные, неудобные. Многие клетки пустовали, потому что зверей и птиц было очень мало.

Но вот с конца 1924 года Зоопарк начал пополняться животными. Их привозили большими партиями со всех частей света. Им уже не хватало места, и везде, где возможно, стали строить новые загоны, клетки, а старые расширять и делать удобней.

В то же время приступили к постройке Новой территории Зоопарка. Новой она была и по своему устройству. Для диких коз там делали большие загоны с искусственными горами, для хищников — просторные выгулы, где глубокий ров, наполненный водою, заменял решётку, а стены примыкали к высокому, похожему на скалу помещению, внутри которого находились клетки.

Все эти сооружения росли на наших глазах. Каждый камешек был знаком нам, членам кружка юных биологов, и в свободное время все мы старались хоть чем-нибудь помочь Зоопарку.

Конечно, мы не могли участвовать в постройке помещений, но зато немало сделали, чтобы озеленить все свободные площадки парка, засадить их деревьями и кустами.

Если вы сейчас пойдёте на Новую территорию Зоопарка, то увидите там небольшое болотце. Раньше на этом месте была низина, покрытая травой и редкими кустами. Потом нам предложили сделать из неё болото. Сделать болото! Это звучит даже странно. Мы привыкли слышать, что у нас в СССР осушают тысячи гектаров болотистой почвы, а тут вдруг сделать болото, да ещё в Москве! Однако нам не показалось это странным.

Через несколько дней мы уже собрались, взяли с собой мешки, лопаты, вёдра и поехали на Царицынские

пруды. Там осторожно, чтобы не потревожить корни, выкапывали кочки, заросшие осокой, камышом или плакун-травой, обёртывали их сырыми мешками, укладывали на машины и привозили в Зоопарк.

При посадке зелени на новом месте каждый из ребят имел свой участок. И вот на отмелях будущего болота мы начали устанавливать и укреплять кочки. Это было очень трудно, гораздо труднее, чем сажать самые нежные цветы.

Осторожно и терпеливо высаживали мы их на искусственно сделанные возвышенности, обкладывали дёрном и по несколько раз в день поливали водой. Потрудились мы немало. Зато сколько было радости, когда вся зелень прижилась и низину залили водой! Она стала выглядеть, как настоящее болото, и в этот, пожалуй, самый красивый уголок Зоопарка перевели длинноногих цапель, розовых фламинго, лысух и многих других птиц.

Когда Новая территория была достроена, её стали заполнять разными животными. Перевезли на Турью горку яков, туров, козерогов, на Полярный мир — белых медведей, песцов, а на Остров зверей — тигров, медведей, волков и других хищников.

Поместили хищников сначала в клетках, расположенных во внутренней части острова, — оттуда были выходы в просторные выгулы. Но прежде чем открыть Зоопарк, нужно было выпустить зверей и проверить, не могут ли они перепрыгнуть ров. Сделать это нужно было на рассвете, когда город спал.

В день выпуска зверей мало кто из сотрудников пошёл домой. Я же хотя и ушла, но волновалась — боялась проспать, и в три часа ночи пошла обратно. Пришла рано, но все уже были в сборе.

Первым открыли дверь тиграм. Пять огромных полосатых кошек осторожно сделали несколько шагов и сели. Они никогда не знали свободы. Рождённым в

неволе и выросшим на деревянном полу клетки, им было незнакомо ощущение земли. Как маленькие беспомощные котята, дрожали от страха эти сильные, большие звери. Но постепенно они освоились и стали искать выход. Поднимались на задние лапы, обнюхивали стены, пробовали прыгать через ров. Но перепрыгнуть его не могли. Попадали в воду, фыркали, спешили скорей выбраться на сушу: их пугала не только ширина рва, но и низкая температура воды. Оставив на всякий случай около тигров дежурных, мы пошли выпускать барсов.

Их было два. Обоих совсем недавно привезли из Средней Азии. Поймали барсов в капкан, и один из них остался хромым. Выгнать барсов из помещения оказалось очень трудно. Они забились в угол клетки и никак не хотели выходить.

Наконец после долгих усилий одного удалось выгнать.

Очутившись на открытой площадке, он весь съёжился. Увидев людей, зашипел, прижался к земле и вдруг легко, словно по дорожке знакомых гор, взбежал по крутой стене. Всё это случилось очень быстро. Так быстро, что никто не успел помешать зверю следующим прыжком очутиться на скале, где он скрылся в чердачном окне Острова зверей. Через несколько минут все окна были забиты. Поймали барса лишь на следующий день. Однако после побега его пришлось посадить в прежнюю клетку, а в загон барсов поместили волков.

Но вот наконец всё было готово. Клетки, загоны и выгулы заполнены животными. Свежим жёлтым песком посыпаны дорожки парка, по которым ещё не ступала нога посетителя. А вот и сами мы, гордые, счастливые помощники, широко распахиваем ворота Зоопарка и встречаем тех, кто пришёл сегодня к нам первым.

Так открылся новый Зоопарк и новые возможности для работы.

Ещё и раньше в Зоопарке велись большие научные работы. Но теперь Зоопарк не хранил их в тайне, как было принято до революции, а, наоборот, делился своими успехами с другими зоопарками и зверосовхозами. Ведь совсем недавно, самая богатая пушными зверями, наша страна была и самой отсталой. Зверей выбивали промышленники и продавали купцам, которые были заинтересованы лишь в мясе и шкуре животных, а не в их разведении и охране. Так был истреблён зубр, населявший леса Кавказа. Быстро убывали соболь, бобр, лось и многие другие животные. Теперь совсем не то. Сейчас не только сохраняют полезных зверей, птиц и рыб, но и расселяют их в те места, где они раньше не водились.

Так, например, Крым заселили нашей обыкновенной белкой. Уссурийского енота привезли с Дальнего Востока в нашу среднюю полосу. Вновь разводят на Кавказе выбитых там раньше зубров, а лосей теперь столько, что их совсем нередко можно встретить в лесах около самой Москвы.

Для того чтобы расселять или разводить животных, нужно хорошо знать их жизнь. Особенно это важно, если зверь или птица содержится в неволе. Ведь на воле условия жизни складываются так, что животные сами могут достать нужный корм и устроить необходимое жилище. В неволе дело другое. В неволе кормит их человек, а нужно знать, как правильно кормить животных.

Давать им всё время один и тот же корм нельзя. Получая однообразный корм, животные часто болеют, не размножаются. Чтобы этого не было, всё крылатое и четвероногое население Зоопарка получает самые разнообразные корма. Весной, летом, осенью и зимой — четыре раза в год — зоотехники составляют новое меню

для своих питомцев. Специальная лаборатория проверяет питательность кормов.

По Советскому Союзу разбросано много зверосовхозов. Зверосовхоз — это питомник пушных зверей. В длинных рядах клеток разводятся такие ценные звери, как соболь, серебристо-чёрная лисица, песец, норка... Но не всегда удаётся вырастить от них молодняк. Диких животных беспокоит всё: непривычный шум, люди... Они стараются унести своих детёнышей от «опасности»: берут малыша в зубы и бегают с ним по клетке, как бы ища место, куда его спрятать. Бегают час, два, три, пока не затаскают насмерть, а потом бросают и берут другого.

Вот почему зверосовхозы строят подальше от города и от непривычного для зверя шума. Ходить туда без дела нельзя. Чтобы не тревожить животных, их наблюдают с вышек, откуда хорошо видно, что делается в клетках, и люди на этих вышках дежурят круглые сутки.

В Зоопарке тоже проводят за животными наблюдения, но вышек там нет. В Зоопарке звери привыкли к людям и не так их боятся. Например, соболи: служители свободно заходят к ним в клетку, ловят их, взвешивают, измеряют. В Зоопарке мимо клеток с кормящими матерями проходят тысячи посетителей. Однако это не пугает соболей. Они привыкли к городскому шуму, к людям и выкармливают своих детёнышей не хуже, чем на воле.

В Зоопарке следят за развитием молодняка, и в этой работе немало помогают ребята из кружка юных биологов. Каждому из ребят даётся такая работа, которая его больше интересует. Одному нравится изучать рыб, другого интересуют птицы, их жизнь, повадки... Мне же всегда нравились хищники, воспитание их с самого маленького возраста и приручение.

Помню, сколько нового и интересного узнала я в Зоопарке: какими рождаются барсучата, соболята, дикобразы, как растёт весь этот молодняк, как изменяются повадки животных... И каких только у меня не было звериных малышей, начиная от маленького, чуть больше напёрстка, бельчонка и кончая львятами, тигрятами, росомахами! А как обрадовалась я, когда в 1933 году меня назначили заведующей молодняком Зоопарка!

Это было очень трудным делом. Можно было достать книгу, где написано, как выкормить телёнка, но как выкормить детёныша росомахи или рысёнка, не написано нигде. Приходилось нередко учиться на своих же ошибках.

Звериные малыши находились в самых разных концах Зоопарка. Надо было тратить много времени на беготню от одной клетки к другой. И вот тогда мне пришла мысль устроить в Зоопарке специальную площадку, на которой можно было бы не только воспитать здоровый и крепкий молодняк, но и сделать так, чтобы разные животные мирно уживались друг с другом.

Дирекция Зоопарка одобрила мой план и включила «площадку» в строительство. В этом деле мне очень помогли служители, зоотехник Липа Панёвина, практикантка Вита Останевич. Немало пришлось нам поломать голову, как устроить эту первую площадку. Немало волнений и тревог было пережито нами. Зато сейчас, когда все трудности и бессонные ночи далеко позади, сколько приятных и дорогих воспоминаний осталось у меня о тех звериных малышах, которые когда-то воспитывались на площадке молодняка Зоопарка!

Часть первая **МОИ ВОСПИТАННИКИ**

Кинули

Без матери

Кинули — это львёнок. Родился он в Зоопарке.

Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детёнышей, сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения трое львят погибли, а четвёртого, самого маленького, успела забрать я.

Львёнок был совсем холодный и не двигался. Можно было подумать, что он мёртвый, и только чуть заметное дыхание указывало на то, что он ещё жив. Надо было как можно скорее его отогреть. Но где и как, я не знала. Потом вспомнила: в страусятнике стоял заряженный инкубатор, в котором выводили цыплят. Я скорее побежала туда, освободила в инкубаторе небольшое местечко, постелила тряпочку и положила львёнка.

В этот день я домой не пошла: осталась дежурить у малыша, а чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала: «Ждите меня завтра со львёнком». Мама в ответ только ахнула, а соседка, которая взяла трубку, как узнала, что я хочу привезти домой льва, такой подняла крик, что сбежалась вся квартира. Потом все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и повесила трубку.

На другой день я отправилась со своим новым питомцем домой.

Шёл дождь. Было холодно. Чтобы не простудить львёнка, я положила его за пазуху и села в трамвай. От движения ли трамвая или оттого, что меховая подкладка моего пальто напоминала львёнку мать, не знаю, только он неожиданно завозился. Напрасно я старалась незаметно поглаживать малыша, чтобы его успокоить, — ничего не помогало. Он больно царапался острыми коготками, старался выкарабкаться и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул — если только можно так назвать этот протяжный, хриплый звук, похожий на скрип двери.

Все пассажиры мгновенно обернулись и с удивлением посмотрели на меня. Не желая, чтобы на меня обратил внимание кондуктор, я поспешила выйти на площадку.

Следом за мной на площадку вышел какой-то гражданин. Он помялся и нерешительно спросил, кто

это так странно кричал у меня за пазухой. Я показала ему львёнка, рассказала, откуда его взяла, попросила никому не говорить о львёнке, чтобы меня не высадили из трамвая. Однако, как видно, гражданин слово своё не сдержал, и пока я доехала до площади Пушкина, у меня перебивал весь вагон. Все хотели посмотреть львенка, а когда я слезала, высунулся кондуктор и закричал:

— Гражданка, что же вы мне-то льва не показали?

Пришлось показать и ему.

По дороге я зашла в аптеку, чтобы купить соску. Мне нужна была самая обыкновенная соска, из которой кормят грудных детей, только мягче. Долго искала я нужную. Одна была слишком жёсткая, другая — большая, третья — маленькая. Продавщица мне меняла их несколько раз. Но я никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, что если я сама не могу выбрать соску, пусть приходит мать. Пришлось объяснить, что мать — львица, сидит в клетке и прийти не может, что каждая потерянная минута может стоить львёнку жизни. В доказательство мне пришлось показать продавщице самого львёнка.

Я никогда не думала, что это произведёт такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не для ребёнка, а для звериного детёныша.

Уже общими усилиями мы выбрали подходящую соску, и я отправилась домой.

Дома нас ждала вся квартира, но в этот день я львёнка никому не показала. Нужно было приготовить ему местечко, согреть его, накормить. Ящичка у меня не было. Пока мой сынишка Толя выбрасывал из чемодана вещи, я отпарывала мех от своей шубы. Он напоминал шерсть львицы, и Кинули в нём лежала спокойно.

Тельце новорождённого выделяет недостаточно тепла. Наверно, каждый видел, как подпихивает под себя детёнышей собака, согревает их своим теплом. У львёнка матери не было, и чтобы согреть его, я клала бутылки с кипятком под мех, и львёнок в этом гнёздышке лежал, как будто около матери.

Слух о том, что у меня живёт лев, быстро облетел весь наш дом. К нам приходили какие-то незнакомые люди поодиночке и компаниями, долго извинялись и просили показать им льва. В комнату они входили осторожно. Смотрели на львёнка с некоторым разочарованием — уж очень он был мало похож на взрослого льва — и всё-таки подолгу и внимательно его разглядывали, потом благодарили и так же осторожно выходили. На прощание советовали быть осторожней и беспокоились, как бы львёнок не съел меня, когда вырастет.

Все жильцы очень полюбили Кинули, и только моя домашняя работница Маша с первого дня невзлюбила львёнка. Ей приходилось целыми днями открывать и закрывать двери за посетителями, наводить в комнате чистоту, так как Кинули вносила очень много беспорядка. Наша небольшая комната превратилась не то в ясли, не то в лабораторию: вата, вазелин, борная, соски, клизмочки — словом, всё, что нужно, чтобы выкормить младенца, находилось тут, а львёнку нужно было многое.

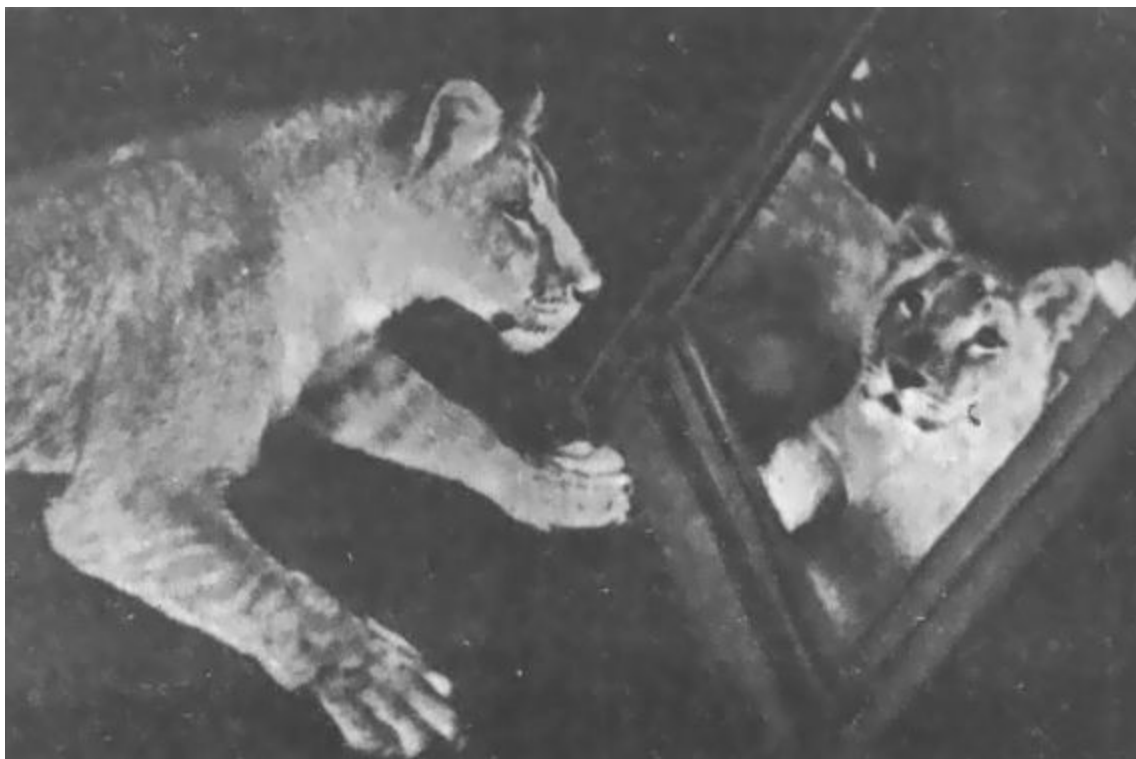
Кормила я его через каждый час. Как только Кинули просыпалась, я ей давала пузырёк тёплого молока. Пузырёк был крошечный, на две столовые ложки, и кормить Кинули приходилось очень часто, так как в день она выпивала молока целый литр. Чтобы молоко подходило по составу к львиному, я брала сливки и разбавляла их водой. Львёнок перебирал лапками и громко чмокал, высасывая свою порцию.

Возиться со львёнком приходилось круглые сутки.

Когда Кинули спала, вся квартира погружалась в тишину. Все ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом, а ребяташки оберегали покой львёнка не хуже взрослых. Не считалась с ним только Маша. Она нарочно гремела в кухне кастрюлями и ругалась: «Завели тут всякую дрянью». А «дрянь» спокойно лежала в чемодане и посасывала пустышку. Она так старательно сосала её даже во сне, что натёрла себе кружком нос. Пришлось соску отнять. Но Кинули так к ней привыкла, что совсем перестала спать, тыкалась всюду носиком, кричала.

Выручили ребяташки. Толя, Лёня, Славик, Галя и Юрик устроили около Кинули настоящее дежурство. Они составили даже расписание. Кормили её и следили, чтобы Кинули не кричала. Ребята очень гордились доверенным им делом и хвастались во дворе, что ухаживают за львёнком.

Тем временем я занималась поисками собаки. Одной мне было очень трудно, а собака могла облегчить мою заботу о львёнке. После долгих и упорных поисков я остановилась на Пери. Пери — это шотландская овчарка, жила она в Зоопарке. Молока у неё не было, но она была очень добрая и послушная: никогда не трогала животных, а однажды даже выкормила дикую австралийскую собаку.

К новому своему подкидышу Пери отнеслась недоверчиво. Он совсем не был похож на тех зверей, с которыми она встречалась. Когда я положила к ней львёнка, собака зарычала, старалась удрать. Пришлось держать её силой. Но постепенно Пери привыкла к своему необычному питомцу, стала его вылизывать, а это означало, что Кинули усыновлена. Теперь можно было не бояться, что Пери её обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие люди, она беспокойно ворчала, оберегая львёнка, боясь, как бы его не обидели. В собаке, у которой даже не было молока, вдруг проснулся материнский инстинкт.

Спала Кинули теперь в ящике от гардероба. Ночью я по-прежнему клала ей горячие бутылки; кормила уже реже.

Львёнок хотя медленно, но рос. Я уже не так боялась за его жизнь: самое опасное время прошло. На работу я ходила урывками. Маша по-прежнему сердилась, и, уходя, я оставляла около львёнка дежурить практикантов.

На шестой день у Кинули открылись глаза. Сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щёлки и слезились. Ушки у неё поднялись, а ярко-красные губы стали розового цвета. Меня Кинули узнавала сразу. Пила ли она молоко, спала или лежала около Пери, стоило мне только поднести к ней руку, как Кинули всё бросала и ползла ко мне.

Мой сынишка Толя следил за каждым движением львёнка: «Мама, мама, смотри: Мяученька мой палец лижет!», «Мама, она ползёт, повернула голову!» Толя даже обижался, что я назвала львёнка «Кинули». «Ведь мы его любим и совсем не кинули! — жаловался он. — Назовём его лучше «Мяученька» или «Синий глазок». А глазки у Кинули были действительно синие. Такие синие, что почти не было видно зрачка. Видела Кинули плохо. Идёт по комнате и на всё натывается. Уткнётся головой в ножку стула, а как обойти её — не знает. Постоит, постоит и повернёт обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у неё заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка.

Необыкновенная квартирантка

Со всех концов Союза я получала каждый день письма. Писали дети, старики, женщины. Люди разных специальностей и званий. Присылали конверты с обратным адресом, свои фотографии, стихи, посвящённые Кинули, и все просили написать ответ.

И чего только не писали!

Беспокоились, чтобы Кинули нас не съела. Спрашивали, как ведёт она себя дома и сколько времени думаю её держать. Просили чаще сообщать о ней по радио и обязательно написать книгу. Находились и такие любители, которые спрашивали, где можно

достать на воспитание ещё одного львёнка, а если нельзя, то какого я могу им посоветовать взять зверя.

Сначала я пыталась отвечать на эти письма, потом пришлось отказаться. Писем приходило так много, что наш почтовый ящик перестал их вмещать, а почтальон жаловался, что обслуживает только нас.

Не меньше интересовались львёнком и репортёры. Чуть ли не каждый день приходили они к нам. Снимали, как Кинули ест, пьёт, спит, как вылизывает её шерстку Пери.

Маша всё ещё ворчала на Кинули, но теперь уже меньше. Она даже стала мне помогать, а однажды вдруг заявила, чтобы я больше не звала практикантов. «Ребёнка доверила, а за всякую дрянь боишься. Не бойся, не хуже их управлюсь». И верно, Маша управлялась неплохо. Так же как когда-то Толю, она в строго назначенное время кормила Кинули. Её посуда блестела, а салфеточки, которыми вытирали львёнка, были всегда выстираны и выглажены. Когда Кинули пила молоко, она упиралась лапками в Машины руки и сильно царапалась. Глубокие царапины оставались на руках Маши, но Маша не сердилась. Она даже шила для неё пелёнки, перестала звать дрянью, а называла головастиком.

А голова у львёнка действительно была большая, ножки короткие, толстые, а туловище длинное. Крик у Кинули казался сначала одинаковым, потом я стала замечать разницу. По крику узнавала настроение львёнка: чего ему хочется, как он себя чувствует.

Однажды Кинули заболела. Я это заметила, когда она была ещё совсем весёлой. Домашние надо мной смеялись, говорили, что я мнительная, что мне это кажется. Но я оказалась права. На другой день Кинули лежала и ничего не ела. Проболела она десять дней. Всё это время я почти не спала по ночам, поминутно

вскакивала, прислушивалась к её дыханию, согревала больную горячими бутылками.

Утром тихо стучались в комнату соседи, спрашивали о здоровье львёнка.

Когда Кинули поправилась и подросла, я стала пускать её по всей квартире. Она спокойно разгуливала по коридору, ванной, кухне, а жильцы очень осторожно ходили, чтобы не наступить на львёнка. Кинули хорошо знала жильцов. У неё были даже свои симпатии и антипатии. Одних она любила, ходила к ним в гости, ласкалась, а на других шипела. Особенно на Марию Фёдоровну — возможно, потому, что у Марии Фёдоровны был громкий, резкий голос, и львёнку это не нравилось. Узнавала Кинули жильцов и по шагам. Одна соседка уехала, когда львёнок был совсем маленьким. Вернулась, когда ему исполнилось два месяца. Услышав её шаги, Кинули насторожилась, крадучись и беспокойно шевеля ушами, подошла к двери и долго, долго прислушивалась.

Меня Кинули узнавала по голосу, по шагам, по запаху. Как только я входила в комнату, она тут же бросалась ко мне и ласкалась.

Кинули была очень весёлой и любила играть. Бывало, придут к ней ребята, станут у дверей и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» А Кинули словно понимает: вскочит — и к двери. Поднимется на задние лапки, передней за ручку потянет, откроет и выскочит в коридор. А в коридоре уже никого нет: попрятались ребята. Ходит Кинули, ищет их. Ищет в тёмной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдёт и сама спрячется. Самое её любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, Кинули в нём едва умещалась. Знают ребята, где спрятался львёнок, да найти сразу нельзя — обидится: уйдёт и больше играть не будет. Ходят ребята, посмеиваются, а сами делают вид, что найти не

могут. Друг друга спрашивают: «Где Кинули? Куда делась Кинули?» И так до тех пор ищут, пока она сама не выскочит.

Самой интересной игрой считалась «охота на льва». Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна становилась в одном конце, другая — в другом, а посередине — Кинули. Притаится и ждёт. Вон Юра бежит быстро-быстро мимо львёнка. Прыгнет Кинули, словно кошка на мышь. Поймает за ноги — значит, охотник убит, заденет — ранен, а ушёл — проиграла сама. Только проигрывала она редко, а как стала побольше, не проскочит никто: обязательно поймают.

Весело было Кинули с ребятами. Зато как скучала она, когда разъехались ребята летом по дачам! Уехали и Толя с Машей. С дороги Толя писал: «Дорогая мама, не знаю, как быть: ехать дальше или вернуться обратно, потому что скучно без Кинули». Скучала и Кинули. Она привыкла целые дни возиться, играть. Теперь же, когда я уходила на работу, она оставалась с Пери, а Пери была собака спокойная и играть не любила. Тогда я решила взять для Кинули в товарищи рысёнка.

Таска

Как и Кинули, Таска родилась в Зоопарке. Её мать, большая жёлтая рысь, первые два месяца заботливо ухаживала за своими малышами: вылизывала их, кормила, а если кто-нибудь из посетителей слишком близко подходил к решётке, бросалась. Росли рысьята хорошо. Они уже начали есть мясо, вылезали из домика, играли. В такие минуты около клетки собиралось много народу. Всем хотелось посмотреть на игры зверюшек, подойти поближе, и, возможно, поэтому их стала таскать мать. Она взяла рысёнка и всё бегала с ним по

клетке. Напрасно кричал и вырывался малыш — ничего не помогало. Не помогли и крики публики. Когда прибежал служитель, уже было поздно: рысёнок лежал мёртвый, а рысь таскала другого. С большим трудом отняли его у матери.

Передняя лапка его была сломана, а повреждённый глаз затянуло плёнкой. Из всех оставшихся рысят он был самый слабый — такой маленький, худой, скучный. Спрячется в домик и сидит там целый день.

Рысёнок был настолько плох, что я решила взять его домой. На другой же день спросила разрешения у директора, завернула малыша в халат и повезла. Приехала, поднимаюсь по лестнице, а сама волнуюсь: как-то меня дома встретят? Отпираю дверь, вхожу в комнату, а муж смотрит, что это я такое принесла. Вынимаю я рысёнка, а он как закричит: «Это что за гадость? Тебе что, льва мало? Или завтра ещё слона приведёшь?» Тут уж я не стерпела: «Во-первых, это не гадость, а рысь; во-вторых, была бы комната больше, я и слона бы привела». Ничего не ответил муж, только рукой махнул. Впрочем, он тут же вернулся и стал мне помогать устраивать рысёнка.

Мы посадили рысёнка в ящик, поставили туда блюдечко с молоком, положили мяса и закрыли досками. Жильцам о новом питомце ничего не сказали: к Кинули они привыкли, любили, а кто знает, как отнесутся к рыси.

Что же касается мужа, то он всё расспрашивал о рысях, потом заявил, что рысёнка возьмёт себе. Сам назовёт его, сам будет ухаживать, приручать — конечно, если я не обманываю и если это действительно рысь. Утром Шура вскочил чуть свет и помчался к своему детищу. Вернулся он очень разочарованный. Маленькая рысь оказалась совсем не такой ласковой, как он думал: за ночь она обгрызла весь ящик, разлила молоко, а мясо лежало нетронутым. Когда Шура

просунул руку, чтобы её приласкать, рысёнок забился в угол и заворчал. Не лучше обстояло дело и с именем. Оказалось, что его придумать нелегко. Спорили долго и горячо. Муж хотел назвать рысёнка Муркой, Муськой, а я — Таскали, потому что её таскала мать. Помирились на Таске. «Северяночка Таска».

Неудачное знакомство

Ящик с незнакомыми звуками и запахами сильно заинтересовал Кинули. Она даже стала хуже есть. Ходила вокруг ящика, вынюхивала, а когда я поднимала доски, чтобы поставить рысёнку корм, Кинули старалась туда заглянуть. Кинули была много больше рысёнка, я боялась за него и откладывала их знакомство. Но мои опасения оказались напрасными.

Однажды я забыла закрыть ящик. Не успела отойти, как тут же появилась Кинули и просунула в открытую дверцу голову. Рысёнок испугался. Он спрятался в угол, заворчал, но Кинули даже не обратила внимания. Рысёнок фыркал, шипел, ворчал, а она всё продолжала лезть. Тогда доведённый до отчаяния, с круглыми от ужаса глазами рысёнок вдруг прыгнул и всеми лапами и зубами вцепился в морду львёнка. А Кинули? Она так растерялась, что даже не пробовала сопротивляться. С рёвом выскочила из комнаты и без оглядки помчалась по коридору. Опомнилась она уже в кухне, ходила из стороны в сторону, била хвостом и нервно мяукала. А рысёнок опять забился в свой угол и сидел, как будто ничего не случилось.

В этот же день к вечеру привезли из Зоопарка клетку и пересадили в неё рысёнка. Новое помещение Таске не понравилось: в ящике она могла уйти в тёмный угол, спрятаться от людей, здесь же была вся на виду. Таска грызла зубами решётку, старалась разорвать её и

выйти. Всю ночь она громко и резко кричала, а утром ничего не знавшие соседи спрашивали, какой у меня ещё завёлся зверь.

Следующую ночь Таска кричала ещё сильнее. Даже на улице было слышно. Чтобы заглушить звуки, пришлось накрыть клетку ковром, потом ещё добавить одеяло, матрац, подушки. Словом, была использована вся моя постель, и всё-таки крики Таски были слышны и мешали спать. Тогда я перенесла клетку с рысёнком на балкон. На балконе было спокойнее, и никто туда не ходил. Но Таска всё равно боялась. Вздрагивала от каждого шороха, звука, старалась спрятаться, а если чистили клетку, кидалась на руки, царапалась, кусалась.

Чего только я не делала, чтобы приручить дикарку! Кормила из рук, проводила с ней всё свободное время, а когда уходила, нарочно включала радио, чтобы Таска привыкала к незнакомым звукам.

Скоро она стала меньше пугаться, не бросалась на протянутую к ней руку и даже позволяла себя трогать.

На свободе

Мы выпускаем Таску. Что-то будет? Никто не знал, что станет делать трёхмесячная дикарка, попавшая из клетки Зоопарка в дом. Выйдет ли она осторожно и спрячется или начнёт метаться и искать выхода? Я страшно волновалась. У меня даже руки дрожали, когда я открывала клетку. Открыв дверцу, я отошла в сторону и стала ждать. Таска продолжала сидеть не шелохнувшись, только взгляд её стал острее да вся как-то подобралась. Потом потянулась, встала и, крадучись, подошла к дверце. Долго не решалась Таска перешагнуть порог. Протягивала то одну лапу, то другую, прислушивалась, осматривалась. Даже смешно

было смотреть со стороны. Тут бы выскочить, убежать, а она всё медлит! Я уже хотела её выгнать, когда вдруг Таска сделала первый шаг. Сделала — и отскочила. Можно было подумать, что мягкая лапка коснулась раскалённой печи, а не ковра — так испугалась Таска. Всё здесь было для неё ново, страшно. Она осторожно сделала несколько шагов по ковру и остановилась. Дальше начинался паркет — блестящий, скользкий, незнакомый. Несколько раз ступала и отскакивала обратно Таска. Она была необыкновенно осторожна, эта маленькая рысь. Можно было подумать, что она находится в дремучем лесу, а не в комнате и что её всюду поджидает опасность.

Освоилась она не сразу. Но свобода сделала своё дело, и вскоре Таску нельзя было узнать.

И куда она только не лазила! Казалось, не было места, недоступного ей. Она прыгала по шкафам, залезала на картины, а однажды ухитрилась вылезть из форточки на карниз соседнего окна. Одним словом, вела себя так, будто жила не в комнате, а в лесу. Скоро она перегнала по росту своих братьев в Зоопарке. Лапки у неё стали красивыми, прямыми, глазки прояснились, а шкурка блестела чистотой. Даже характер и тот изменился. Бывало, войду в комнату, а она фыркнет — и под шкаф. Теперь же бежала навстречу, тёрлась о, ноги и мурлыкала. Мурлыкала совсем как кошка, только громче.

Кормила я её манной кашей, яйцами, мясом. А как она любила мясо! Это было самое любимое её кушанье. Таска хорошо знала то время, когда его получала. Уже заранее беспокоилась, вертелась у двери, кричала, а как только я входила, бросалась к ногам, на лету ловила брошенные ей кусочки, ловко подхватывала лапкой, потом зубами и всегда уносила под шкаф.

Прежде же чем съесть мясо, она обязательно с ним играла: подбрасывала или гоняла перед собой

передними лапками, и кусочек становился в её лапах как живой.

Таска подолгу оставалась одна и заметно скучала. Бегала за мной, как собачонка; а когда я уходила из комнаты, тонко и резко кричала. Теперь это был уже не прежний, потерявший мать, озлобленный зверёк, а маленькая рысь, и, как все малыши, она нуждалась в товарище. Тогда я решила попробовать помирить её с Кинули.

Не сошлись характерами

Кинули вошла в комнату так, словно рысёнка в ней никогда и не было. Прямой, уверенной походкой прошла на ковёр и легла. Помня первое неудавшееся знакомство, кончившееся дракой, я на всякий случай приготовила тряпку, но тряпка не понадобилась. Из-под шкафа выглядывала круглая плутоватая мордашка Таски, и глазёнки, совсем не злые, с любопытством следили за львёнком. Интересно они держались, эти похожие и в то же время разные звери. Лежит Кинули, только глазами поводит, а Таска то мимо пробежит, то лапкой ударит, а шелохнётся львёнок — она сразу под шкаф.

С тех пор я стала пускать их вместе каждый день. Кинули, видно, обиду ещё помнила. Держалась так, как будто не замечала рысёнка, а рысёнок хотел познакомиться ближе. Но познакомились они не скоро. Много прошло дней, прежде чем начали мои питомцы играть. Сначала осторожно, не дотрагиваясь друг до друга, на расстоянии. Выскочит Таска из-под шкафа, словно ураган налетит на львёнка, вот-вот, кажется, сшибёт, но в последний момент останавливается и издаёт звук, напоминающий отрывистое «гм». Обозначал он ласковый окрик. Таким звуком мать

перекликается со своими детёнышами, а Таска предупреждала Кинули, что не хочет ей сделать больно.

Бывало, находясь со своими питомцами, я приглядывалась к их движениям, прислушивалась к звукам, старалась их понять, разобраться в них. Иногда мне это удавалось.

Почему так шумно подбегала к львёнку Таска? Почему обязательно со стороны морды? Может быть, она иначе не может? Нет, лапки Таски умеют скользить тихо, неслышно для самого тонкого слуха, и на врага нападает она сзади. Но ведь это не враг! Однако и не товарищ! Они ещё мало знакомы друг с другом, не доверяют. Львёнок может испугаться, ударить, надо его предупредить. И Таска предупреждает. А я сижу, смотрю и думаю: «Пригодятся эти наблюдения в жизни. Если нужно будет познакомиться со зверем, поступлю так же». Да, иногда есть чему поучиться и у животных! Я продолжаю наблюдать, продолжаю учиться.

С каждым днём они подходили друг к другу всё смелее и ближе. Играли обычно так. Таска нападала на Кинули. Ловкая и подвижная, она прыгала вокруг львёнка, как резиновый мяч. Ближко-близко. И вдруг однажды не рассчитала. Подпрыгнула — да прямо на Кинку. Впрочем, нет! Я знаю Таску. Промахнуться она не могла. Сколько раз, когда я катала футбольный мяч, спрыгивала она на него со стола! Ещё в воздухе широко расставляла лапки, и не было случая, чтобы она не рассчитала прыжка. А тут не рассчитала! Я уверена, что сделала она это нарочно... А как они испугались! Как будто обожглись, отскочили друг от друга. Глазёнки сразу стали испуганными, круглыми, злыми. Думала я, что сейчас подерутся. Но зверушки постояли, успокоились и стали играть. Держались они теперь свободней. Иногда кто-нибудь, будто нечаянно, задевал

другого, оба насторожённо замирали, пытливо смотрели друг на друга и снова продолжали игру.

Так началось их знакомство. Знакомство, но не дружба, потому что характерами они так и не сошлись. Я чувствую, мой читатель удивлён. Звери — и вдруг не сошлись характерами! Да разве это может быть? Да, может! Я знала много зверей, совсем разных, и они уживались вместе.

В Зоопарке было четыре волка, жили они с козой, вместе ели, играли, спали. Между собой они иногда дрались, но с козой — никогда. А Кинули с Таской характерами не сошлись.

Кинули была спокойная, даже немного вялая. Она любила повозиться, но так, чтобы было за что ухватиться, помять, побороться. Рассердить её было очень трудно, а помириться ещё трудней. Надолго запоминала Кинули обиду. Уйдёт, бывало, и не подходит. По нескольку дней злилась. А вот Таска — нет: Таска вспыхнет, бросится, укусит — и всё прошло... Она была полна всяких неожиданностей. Никто никогда не мог сказать, что сделает она в следующую минуту и даже секунду. В противоположность Кинули, Таска не любила ласкаться. Правда, они всё-таки играли между собою хорошо, но друг друга понимали плохо, и из-за этого происходили частые ссоры.

Однажды я дала Таске мясо. Таска его схватила, отнесла и положила около Кинули. Перед едой она хотела поиграть. Но Кинули намёка не поняла. Если дают корм, то, значит, его нужно съесть. Она взяла мясо, поудобней улеглась и принялась за завтрак. Услышав хруст костей, Таска заволновалась. Вся её острая фигурка выражала удивление. В чём дело? Почему так случилось? Ведь она принесла мясо поиграть. Таска бегала вокруг Кинули, заглядывала ей в рот, прислушивалась к хрусту. Попробовала даже взять обратно, но Кинули прижала уши и так рывкнула, что

Таска отскочила. Глаза стали сразу злые, неприятные. Я схватилась за тряпку — и вовремя. Обиду Таска не стерпела. Она вся как-то взъерошилась и с похожим на собачье рычание звуком бросилась на Кинули. Пришлось мне вмешаться.

В другой раз Кинули лежала на диване. Хвост её свесился вниз. Таска приняла его за бахрому дивана и больно укусила. Опять ссора. И так бывало по нескольку раз в день.

Вместе тесно, врозь скучно

Виновницей всегда была Таска. Покоя львёнку не давала: то дёргала за хвост, то начинала вокруг него прыгать. Закружится бедная Кинули. Под стул забьётся, а Таска уже сверху её лапой достать старается. Иногда Кинули обижалась и уходила к себе. Но тут же следом за ней прибегала и Таска. В комнату, где находилась Кинули, Таска входила не сразу. Сначала появлялась её тень — узкая, длинная, потом острое ухо, круглый глаз. Затем всё это скрывалось, а через несколько минут Таска выпрыгивала на середину комнаты и как ни в чём не бывало издавала приветливое «гм».

У себя в комнате Кинули держалась смелее. Она не боялась так рысёнка, не жалась по углам, а если Таска слишком приставала, не стеснялась дать ей оплеуху. Такое отношение Таске заметно не нравилось. Плутовка старалась заманить львёнка к себе. И чего она только не проделывала! Иногда, наигравшись, она делала вид, что уходит. Поднимала столбиком куцый хвостик и решительно направлялась из комнаты. Кинули бросалась за ней. Забегала вперёд, старалась задержать рысёнка. А маленькая плутовка манила её к своей двери, и всё это для того, чтобы лишний раз поцарапать. Приходилось разнимать их тряпкой.

Загоняли в комнату рысь, уводили Кинули. Тогда они скучали. Таска царапалась в дверь, грызла её острыми зубами и так кричала, что было слышно во всей квартире. Крик Таски заметно волновал Кинули. Она ходила по комнате, прислушивалась, просилась обратно к Таске. Я пускала их вместе, и вскоре опять начиналась драка.

Смерть Таски

С каждым днём всё труднее и труднее становилось держать в комнате рысь. Она грызла и рвала всё, что попадалось. Везде прыгала, пачкала, лазила. Мы уже давно убрали всё, что было возможно, и всё-таки это не мешало ей грызть ножки и спинки стульев, рвать диван, и даже резные украшения этажерки носили следы её острых зубов. Пришлось думать о перемещении Таски в Зоопарк. Шура сначала не соглашался, просил оставить её, а отдать Кинули. Но когда Таска разорвала новую занавеску и ухитрилась напачкать на картину, он согласился её отдать.

В Зоопарке ей приготовили клетку. Клетка была большая, просторная. Её чисто-начисто вымыли, посыпали песком, а чтобы было где Таске попрыгать, поставили большой сук. Вскоре за ней должна была приехать служительница, чтобы отвезти в Зоопарк. Но отвезти Таску не пришлось.

Утром, когда я вошла в комнату, Таска не бросилась, как всегда, мне навстречу, не откликнулась, когда я её позвала.

В комнате было непривычно тихо. Так тихо, что я испугалась. «Не прыгнула ли в окно?» — мелькнуло у меня в голове. Я сделала несколько шагов и... увидела: неестественно свернувшись клубком, лежала около дивана Таска, а вокруг шеи плотным кольцом обвилась

бахрома. Задохнулась ли она в бахrome, нечаянно зацепив её, пробегая мимо или играя, не знаю, но так внезапно оборвалась коротенькая жизнь маленькой Таски.

Опять одна

Кинули, оставшись одна, сильно скучала. Не с кем было повозиться, не с кем поиграть. Кинули просилась к Таске, кричала, ходила около закрытой двери и буквально долбила её лбом. Но в комнату я её не пускала. Нужно было прежде вымыть, убрать, проветрить. Опять поставили статуэтки, повесили занавески, гардины, и комната приняла свой прежний, уютный вид. Ничто не напоминало в ней Таску. И всё-таки я не могла забыть её, и когда заходила туда, мне всё представлялась её длинная, узкая тень. Помнила рисёнка и Кинули. Через три недели, когда я впустила Кинули первый раз в комнату, она влетела так, словно не было этих трёх недель, как будто за каждым углом её поджидала озорная Таска. Но Таски не было. Кинули искала её под шкафом, столом, кроватью. Искала везде, где только мог спрятаться рисёнок, но так и не нашла. Кинули осталась одна.

Потеряв подругу, Кинули затосковала. Плохо ела, весь день лежала, уткнувшись головой в лапы, и вставала очень редко.

Мы всячески старались её развлечь. Купили новый мяч, игрушки. Соседка пожертвовала старые туфли, а сосед притащил свой патефон. Лев и патефон — это не совсем обычно. Когда он заиграл, Кинули испугалась, вся сжалась, забралась в самый дальний угол и никак не хотела выходить. Но любопытство взяло верх.

Долго разглядывал львёнок незнакомый ему предмет. Ходил кругом. Обнюхивал. Отнёсся к нему, как

к живому существу, и пробовал напугать. Подойдёт, рыкнет, лапой ударит об пол и ждёт, испугается патефон или нет. Но патефон не пугался, не убежал и по-прежнему оставался на месте. Кинули успокоилась.

Интересно было наблюдать, как относилась она к разным мотивам. Определённо их различала. Одни нравились, другие нет. Когда поставили фокстрот «Жизнь», Кинули подошла ближе, легла. Но вот запел мужской голос. Она оглянулась и зашипела.

Внимательно прослушала вальс и убежала, как только запел многоголосый хор. Хоровые песни её пугали, и она всегда убегала от них на балкон.

Балкон был самым любимым местом Кинули. Если её оттуда выгоняли и закрывали дверь, она вставала на задние лапы и передними дёргала до тех пор, пока дверь не открывалась. Ещё бы, ведь там было так интересно! Можно было влезть на кресло и смотреть, как бегают во дворе ребята, следить за въезжающими автомобилями, лошадьми. С высоты третьего этажа всё казалось маленьким-маленьким, гораздо меньше, чем на самом деле. Вот въезжает машина, ну совсем как Толина игрушечная, с которой она привыкла играть. Кинули срывалась с места, бросалась за ней по балкону.

Но машина удалялась. Кинули разочарованно смотрела вслед, а внизу уже смеялись ребята: «Э-э-э, Кинули, прозевала!»

На новом месте

Вскоре уехал в отпуск мой брат Вася. Жил он в той же квартире, где и мы. Комната у него большая, светлая, с балконом, и на время мы решили перебраться туда. Кинули и Пери отнеслись к переезду по-разному. Пери сразу легла под стол и уснула, а Кинули ходила по комнате, всё нюхала, всё высматривала. Наконец

успокоилась и легла. Мы положили для Кинули у двери коврик, но ей там не понравилось, и она устроилась около балкона. Несколько раз я гоняла её оттуда: боялась, что простудится, но Кинули не слушалась, и это место так и осталось самым её любимым.

Вставала она очень рано, раньше нас. Я спала на балконе, и при первом же звуке моего голоса Кинули бросалась ко мне: мяукала, царапалась когтями за выступы двери, подтягивалась, старалась заглянуть через стеклянную дверь на балкон.

Впрочем, она скоро приспособилась: научилась пододвигать кресло. Кресло было очень тяжёлое, даже я двигала его с трудом, а Кинули догадалась. Отойдёт и с разбегу ударит лапами. Отойдёт и опять ударит. Пододвинет вплотную, залезет и смотрит. Хорошо, удобно ей на меня смотреть. Шуру Кинули боялась и к нему никогда не лезла. Зато ко мне сразу прыгала на постель, терлась о мою голову, ласкалась, приглашала поиграть.

Сколько раз бывало, чтобы подольше полежать, я притворялась спящей: и глаза закрою и сделаю вид, что сплю, всё равно ничего не помогало. Притвориться не успеешь, а Кинули уж тут как тут, с кровати одеяло тащит. Одно мучение!

Днём, когда балкон заливало солнышко, Пери выходила погреть свои старые косточки, а Кинули — посмотреть на публику, принять солнечную ванну. Ложилась она на самом припёке, обязательно животом вверх, а голову прятала в тень.

Когда тень отодвигалась, двигалась вместе с ней и Кинули. Лежала долго, по нескольку часов, и я очень радовалась, потому что солнышко полезно и для звериных ребят.

Я теперь целые дни проводила на службе. Прибегала домой только во время перерыва, чтобы накормить Кинули.

Ещё в тот момент, когда я вставляла в замочную скважину ключ, узнавала она, что это я. Встречала меня в дверях: прыгала, ласкалась, тёрлась головой. Иногда ложилась у ног, обнимала их лапами и лизала. Она даже ревновала меня к Пери. Ни за что не подпустит и погладить не даст. Только я руку протяну, а Кинули между нами встанет и старается загородить Пери. Пери была собака выдержанная, умная и всегда уступала. Повиляет хвостом издали и отойдёт. А вот Кинули нет. Она и есть не станет, если её не погладишь. Бывало, на работу торопишься, время перерыва кончается, а тут изволь её ласкать да поглаживать! Потом решила: чем мучиться мне так, договорюсь-ка я с соседкой Ксенией Степановной, чтобы она поглядывала без меня за Кинули и её кормила.

Ксения Степановна жила у нас в квартире давно. Ей было семьдесят шесть лет, и все звали её бабушкой. Звала так и я. Старушка она была добрая, всегда всем поможет. Недаром её все любили. Привязалась к ней скоро и Кинули: уже на второй день, как только бабушка садилась на стул, лезла к ней на колени, играла. Случалось, что нечаянно рвала чулок или фартук, но бабушка не сердилась. Даже больше — скрывала от меня: вдруг да попадёт её любимице! Очень любила она Кинули. И молока лишний раз даст, и посуду хорошо помоеет.

И всё-таки, уходя на службу, я волновалась. А вдруг Кинули откроет на балкон дверь, выйдет и разобьётся? Прутья на перегородке были редкие, и лвьёнок мог свободно провалиться. Уходя, я по нескольку раз проверяла дверь, закрыта ли она. Помню, как однажды я испугалась. Вхожу в комнату, а Кинули нигде нет и дверь на балкон открыта. У меня даже руки и ноги задрожали, а вниз посмотреть боюсь — вдруг Кинули упала. А она, оказывается, притаилась за дверью. Видно, в прятки поиграть захотелось, да ненадолго

терпения хватило: повернулась я спиной, а она как прыгнет ко мне! Тычется мордочкой, ласкается...

После этого мы на всякий случай затянули балкон сеткой:

Словно по часам знала Кинули время моего прихода с работы. Волновалась, прислушивалась, ждала. Из-за неё я и съездить никуда не могла. Поехала как-то раз на дачу, приезжаю дня через два, а дома переполох. Кинули два дня не ела. Зато как она обрадовалась мне! Целый день от себя не отпускала. Я к двери — Кинули за мной. За ноги схватит лапами и держит. Смотрит бабушка и головой качает: «Эх, озорная ты, озорная! Всё бы за мамку цеплялась!» Да как же не цепляться, если без меня и повозиться не с кем! Раньше хоть с ребятами играла, а теперь они разъехались, и ей было скучно. Правда, оставалась ещё Пери, но Пери в игроки не годилась: круглые сутки спала она под столом. Уж Кинули её оттуда и за хвост пробовала тянуть и лапкой достать старалась, а Пери поворачивалась на другой бок и опять спала.

Прогулки

Когда Кинули исполнилось три месяца, я решила выводить её на прогулки. Сшила из ремня ошейник шлейкой и надела. Я никак не думала, что лвьёнок так разозлится, когда ошейник, хотя и слабо, стянет ему шею. Кинули страшно перепугалась. Она рявкнула, рванулась вперёд, потом вцепилась в ремень зубами, стала его дёргать, а чем больше дёргала, тем сильнее он стягивал шею. Кинули обезумела. Каталась по полу, рычала, била лапами. С трудом удалось мне снять ошейник, и уже без него она ещё долго металась по комнате и никак не могла успокоиться. Через час я надела шлейку опять. Осторожно, почёсывая ей

брюшко, тихонько застегнула пряжку. Кинули попробовала освободиться, но застёгнутая шлейка мешала ей меньше, и она успокоилась. Через несколько минут Кинули, Пери и я шли по улице.

Ну и испугалась же Кинка! Из окна нашей комнаты всё казалось таким маленьким, далёким, а теперь всё большое, страшное. От испуга бедняжка сначала притихла, потом стала вырываться, царапаться, кричать, стараясь освободиться. Она то ложилась на спину, не хотела идти, то вдруг бросалась в сторону и тащила за собой меня. Чтобы не пугать и без того перепуганного львёнка, я старалась дать ей больше свободы. Шла, куда тянула меня Кинули, успокаивала её ласками. Не меньше хлопотала и Пери. Умная собака старалась по-своему помочь. Тихонько, не забегая вперёд, шла она около львёнка бок о бок, как будто на привязи, а если Кинули слишком волновалась или останавливалась, заботливо лизала ей морду, подталкивала носом.

Так постепенно, изо дня в день, приучали мы Кинули к прогулкам. Я нарочно водила её по улице, чтобы она привыкла к шуму, к людям и не росла такой дикаркой. Скоро Кинули действительно привыкла к уличному шуму. Она шла со мною, как большая послушная собака. Шла так спокойно, что даже не каждый прохожий обращал на неё внимание.

Зато какой поднимался переполох, если кто-нибудь узнавал в ней льва! В одно мгновение нас окружали любопытные. Выручал обычно милиционер. Он появлялся неизвестно откуда, пробирался к нам и, насмотревшись вдоволь на невиданного зверя, приступал к исполнению своих прямых обязанностей. Но это оказывалось делом нелёгким. Приходилось нас прятать в какой-нибудь подъезд, и только тогда публика расходилась. Случалось, что во время прогулок нам попадались собаки. Вели они себя по-разному. Одни бросались к Кинули и злобно лаяли, другие сразу убегали, но все одинаково боялись её тронуть. Как-то раз мы встретили женщину, а рядом с ней бежала собачка. Это была маленькая курносая болонка на

коротеньких ножках, с длинной шелковистой шёрсткой. Она важно шла впереди своей хозяйки, с голубым бантом на шее.

Но вот собака увидела Кинули. Наверно, она приняла льва за большую собаку. Зарычала, остановилась и вдруг с яростным лаем сорвалась с места и бросилась на Кинули. В том, что перед ней не собака, она разобралась слишком поздно.

Бедная маленькая болоночка! Что с ней случилось! Вместо боевого задора, с которым она кинулась на нас, она выпучила от ужаса глаза и с визгом налетела по инерции на Кинули. Упала, но тут же вскочила и бросилась бежать. С поджатым хвостом мчалась она посередине улицы, а за ней, напрасно стараясь её догнать, бежала хозяйка.

Долго и удивлённо смотрела Кинули вслед мелькавшему голубому банту, пока он не скрылся где-то за поворотом улицы, потом лениво повернулась, зевнула и по-прежнему медленно и степенно продолжала прогулку. Гуляла Кинули недолго. Пройдёт час-полтора, и она уже просится домой. Дверь нашего парадного входа Кинули знала хорошо. Знала и нашу квартиру. Быстро взбегала по лестнице и царапалась в дверь.

После прогулки Кинули лучше ела. Получала она на завтрак яйца. Кинули сама приносила в зубах свою миску и давала мне в руки. Я разбивала в миску яйца и ставила её Кинули. Пери тоже получала завтрак. Они устраивались рядышком и ели каждая из своей миски. Кинули кончала раньше. Своим шершавым, как тёрка, языком она тщательно вылизывала пустую посуду, но ни разу не пыталась отнять еду у Пери. Пери ела медленно и долго. Окончив, так же медленно подходила к львёнку и вылизывала его вымазанную яйцом мордашку. Потом обе ложились спать. Ложились они рядышком, тесно прижавшись друг к другу.

Четвероногая „артистка“

Знакомые часто спрашивали меня, снимают Кинули или нет. «Вы знаете, — говорили они, — это, может быть, единственный случай воспитания и содержания львёнка в комнате! Как жаль, что его не снимают в кино!» Жалела, конечно, и я. Было так много интересного, так хотелось бы всё это заснять. Но фотоаппарата у меня не было, а снять в кино — я не знала, кого просить. Случай подвернулся сам. В Зоопарке режиссёр Союзтехфильма снимал картину. Он узнал, что у меня дома живёт лев, и предложил его снять. Нужно ли говорить о том, что я с радостью согласилась!

Режиссёр написал сценарий, а в выходной приехал с оператором снимать. Оператор — звали его Андрей, будем так называть его и мы — тащил киноаппарат, режиссёр — треножник и ещё какой-то ящик. Нагруженные с головы до ног, появились они первый раз в нашей квартире. Разгрузились и отправились знакомиться с «артисткой».

Встретила новых людей Кинули недоверчиво. Долго обнюхивала одежду и ноги пришельцев, прежде чем дала себя тронуть. Но снимать её в этот день не пришлось. Чтобы Кинули держалась просто и не пугалась, нужно было дать ей сначала привыкнуть к новым людям. И вот, просиживая часами на полу, подманивая кусочками мяса, оператор и режиссёр старались завоевать доверие четвероногой «артистки». Это было трудно, очень трудно; при мне Кинули не обращала на них внимания, без меня не подходила близко и даже не брала из чужих рук мяса. И всё-таки они своего добились: Кинули перестала дичиться, и можно было начинать съёмку.

Аппарат приготовили заранее. Поставили и загорюдили его стульями, завесили одеялом. Туда же спрятался Андрей. Иначе нельзя: Кинули хоть и ручная, а осторожность у неё была как у дикого зверя. Когда всё было готово, в комнату впустили Кинули и Пери. Пери нужна была для спокойствия, без неё Кинули не стала бы играть. По ходу картины Кинули должна была спокойно лежать на диване. На диван она прыгнула охотно, но как только затрещал аппарат, встрепенулась, И тут-то начались наши мучения. Кинули ни за что не хотела сниматься: пугалась звука аппарата и убегала. Не было никакой возможности заставить её подойти. Ничто не помогало: ни окрики, ни ласка. Нужно было как-то заглушить пугающий её треск аппарата.

Но как это сделать? Тут я вспомнила, как нравилась Кинули музыка, как лежала она часами около патефона и ни на что не обращала внимания. Так мы и сделали. Поставили у аппарата патефон, и музыка заглушила треск. Знакомые звуки танцев не пугали Кинули, она себя чувствовала прекрасно: играла, ела, пила, лежала на диване и делала всё, что от неё требовали. Оператор был в восторге. Он снимал, а режиссёр заводил патефон и менял пластинки.

Солнца в комнате было мало, а снимать без солнца нельзя. Бывало, уходит солнце, и мы со столами, стульями и с «артисткой» за ним двигаемся. А тут ещё — то Кинули не так легла, то аппарат не так поставлен... Горе одно, да и только! Не лучше было и с Пери. Кинули снималась хоть под музыку, а Пери — никак. Однажды её снимали с магнием и сильно напугали вспышкой. С тех пор она, как только увидит аппарат, ложится на спину, закрывает глаза и лежит как дохлая, не шевелясь.

Однако хотя и медленно, но дело подвигалось вперёд. Сняли Кинули за едой, её игру с Пери, как она

носит свою миску, как пьёт из соски молоко. Сняли, как гуляет на дворе и играет с ребятами. Хорошо, что успели снять с соской, а то через несколько дней Кинули её проглотила.

Последняя соска

Возвращаюсь я как-то с работы домой, а в дверях меня встречает бабушка, вся в слезах:

— Вера Васильевна... голубушка... соска!

Ничего понять не могу.

В чём дело? Какая соска? Наконец с трудом разобрала. Кинули сорвала с бутылки соску и проглотила. «Я и ахнуть не успела...» — плакала, рассказывая, бабушка.

Несмотря на проглоченную соску, Кинули себя чувствовала превосходно. Возилась, играла. И всё-таки я волновалась. Как знать, чем кончится дело? Много случаев знала я, когда от проглоченной резины погибали звери. Резина не переваривается. В кишечнике она разбухает, может закупорить его, и животное погибнет. То же могло случиться и с Кинули.

К тому же лакать молоко из блюдечка Кинули не умела или, вернее, не хотела. Она прекрасно лакала с Пери из миски суп, ела кашу, а вот молоко без соски никак не пила.

Пришлось бежать за соской. Но из новой соски Кинули тоже не пожелала пить. Взяла было её в рот, но тут же бросила, обнюхала и отошла.

Я рассердилась, схватила на руки капризулю и стала пихать ей соску в рот. Не помогло и это. Кинули вырывалась, выплёвывала соску, не хотела даже держать её во рту. Я понимала: старая соска по ощущению, запаху, вкусу была совсем другой. Кинули к ней привыкла, а к новой отнеслась так, как отнеслась

бы к новой матери. И чего только я не делала: кипятила в воде, чтобы сделать мягче, в молоке, чтобы отбить запах, — ничто не помогало. Кинули от голода кричала, не ела мяса и молоко из новой соски не пила.

Прошло три дня. Три дня ничего не ел львёнок. И только на четвёртый, не на шутку проголодавшись, Кинули начала пить молоко из новой соски. Впрочем, прослужила она недолго. На другой же день Кинули проглотила и её. Это была последняя соска, потому что с тех пор я больше ей сосок не покупала. И постепенно Кинули начала пить молоко из мисочки.

Перемирие

В начале сентября вернулись с юга Толя, Маша и мой брат Вася. Мы переехали опять в свою комнату и хотели взять Кинули, но она так привыкла к Васиной комнате, что ни за что не хотела переселяться. Придёт в нашу комнату, поиграет и просится обратно — царапается в дверь, кричит. Пришлось просить Васю оставить Кинули у себя. Вася согласился. Животных он любил и против львёнка ничего не имел. Зато львёнок был против. Уж очень Кинули незнакомых людей не любила! А тут незнакомый человек к ней в комнату переехал. (Ведь комнату Кинули считала своей!) Своим приездом Вася нарушил её покой, и Кинули крепко его невзлюбила. Выражала она это по-своему. Её раздражали даже вещи брата.

В первый же день приезда пострадал чемодан. Вася оставил его на полу и пошёл к нам. Приходит, а чемодан лежит раскрытый, вещи из него раскиданы. Кинули одну рубаху порвала, другую начала рвать. Хотел отнять Вася, да не вышло.

Не отдаёт Кинули, рычит, лапой по протянутой руке ударить старается и когти выпустила, а когти у неё

большие, страшные.

Не лучше было и ночью. Лёг Вася спать, а Кинули вокруг ходит: то одеяло стащит, то подушку — никак спать не даёт. Собрал Вася постель в узел, сел на него и сидит. До утра сидел, а в следующую ночь на стол спать переехал. Но не помогло и это. Захожу я однажды в комнату и узнать её не могу. Кругом пух, перья летают. На полу разорванная перина лежит, а в углу Кинули последнюю подушку рвёт. Что делать? Придёт Вася, сердиться будет. Скорей схватила я иголку, нитки и давай шить... Сшила скоро, а вот пух-то насилу собрала. Ловлю его по комнате, в наволочку сую, а он опять вылетает. Измучилась я, а Кинули хоть бы что: бегают за мной, мешают, везде нос суёт. Всё ей интересно.

Чинил как-то брат радио. Поставил приёмник на стол и вышел, а Кинули уж тут как тут. На стол влезла и лапой его оттуда смахнула. Пришёл Вася, а вместо приёмника одни щепки валяются.

Немало она испортила вещей: пальто разорвала, занавески. Ничего оставить нельзя! Бывало, Васю к телефону зовут, а он с собой постель тащит. Смеются жильцы: «Что, Вася, выжила квартирантка?» Но Вася на квартирантку не сердился. Он терпеливо и ласково относился к лъвёнку, старался приручить его. С первого дня полюбил он маленькую злюку. Осторожно, чтобы не испугать, старался лишний раз её погладить, приласкать.

Я нарочно ходила к ней реже, а Вася сам за ней ухаживал и кормил. Недели через две Кинули стала к нему привыкать. Сама, правда, не ласкалась, но не огрызалась и позволяла себя трогать. Ласкаться она стала много позже. Сначала просто подходила, ложилась рядом, потом как будто нечаянно тёрлась головой о его ноги.

Но вот однажды Вася уехал на дачу и домой не пришёл. Сильно разволновалась Кинули, бегала по

комнатам, мяукала, прислушивалась.

Пришёл Вася на другой день утром. Ещё в передней услышала его шаги Кинули. Открыла дверь, бросилась к нему, обхватила лапами ноги и долго ласкалась,

Кинули и Вася стали неразлучными друзьями. Вася даже к знакомым почти перестал ходить и всё свободное время сидел дома. И чего он только не делал, чтобы Кинули позабавить! И в мяч-то с ней играл, и в прятки. Прятаться было некуда, так он в шкафу откроет дверцу, залезет туда и зовёт: «Кинули, где я? Кинули!» Ходит Кинули, прислушивается или тоже притаится где-нибудь и ждёт. Высунет Вася голову, а она уж тут как тут; прыгнет к нему, лапами обхватит, ласкаться лезет. Вася её и на кресле кататься научил. Залезет Кинули в кресло, к спинке привалится. Вася по комнате её возит, а она сидит и важно так по сторонам поглядывает.

В то время Вася работал на заводе. Вставал он рано, в семь часов. Будила его всегда Кинули. Осторожно, не выпуская когтей, тормошила его лапами, лизала волосы, лицо. Язык у неё был шершавый, как тёрка. В том месте, где она им проводила, оставался красный след. И всё-таки Вася терпел, а уходя на службу, никогда не забывал ее приласкать.

Лев на улице

Весь сентябрь стояла плохая погода. Шёл дождь, а солнышко если и появлялось, то только на минуты. Кинули гулять не выводили. Она сидела дома и скучала — не с кем порезвиться и поиграть. Пери почти всё время лежала под столом, а если вылезала, то, как только Кинули начинала к ней приставать, пряталась опять под стол. Но вот наступили долгожданные солнечные дни. Мы решили ими воспользоваться и заснять Кинули на улице.

Встали в этот день рано. Я волновалась. Моё волнение передалось и Кинули. Она отказалась от мяса, беспокоилась, мяукала. В десять часов утра все собрались. Пришли режиссёр и оператор.

Решено было, что к месту съёмки Вася, я и Кинули с Пери поедем на машине, а остальные — на метро.

Такси ждало нас во дворе. Увидев, что я веду львёнка, шофёр вскрикнул и быстро захлопнул дверцу. Он не был предупреждён и никак не ожидал такого пассажира. Не дав ему опомниться, Вася быстро открыл другую дверцу, усадил меня, Кинули и Пери, а сам подсел к шофёру. Шофёр так растерялся, что даже не возражал. Он согнулся над рулём и, с опаской поглядывая на метавшегося львёнка, осторожно выехал со двора. От непривычного движения и шума мотора Кинули сначала испугалась. Бросалась к окну, к дверце, старалась вырваться и удрать. Потом успокоилась и стала смотреть в окно. Успокоился и шофёр. Всю дорогу он расспрашивал меня про Кинули, про её жизнь дома, про характер, привычки. «Книжку бы написали», — посоветовал он. А когда узнал, что пишу, заинтересовался ещё больше.

Так незаметно в разговорах доехали мы до условленного места на улице Кропоткина. Там ещё никого из наших не было, и нам пришлось немного подождать. Кинули спокойно лежала на сиденье. Снаружи её не было видно, и нас никто не беспокоил. Подошёл только один гражданин, чтобы нанять такси, увидел Кинули и быстро, без оглядки ушёл. Мы из машины вышли, когда приехали остальные и всё было готово к съёмке, Львёнок около метро сразу привлёк внимание прохожих, и через несколько минут мы очутились в плотном кольце любопытных.

Кинули на улице произвела настоящий фурор. Высовывались из трамваев кондукторы, вожатые,

выскакивали пассажиры. Бежала со всех сторон детвора.

Но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас на Петровке.

Не успела остановиться машина, как вокруг собралась толпа. А что делалось, когда мы вышли! Даже милиция и дворники не помогли. В одну минуту запрудила толпа тротуары, улицу. Люди выгладывали из окон, выходили на балконы, а мальчишки кричали: «Лев идёт! Лев!»

Остановилось всё движение. Стояли автобусы, такси, автомобили. Шофёры даже не пытались проехать. Неизвестно откуда, около нас появились репортёры и отдельные фотолюбители. Щёлкали их аппараты, а мы никак не могли заснять Кинули.

Четыре раза мы делали вид, что уезжаем, четыре раза объезжали вокруг переулками и возвращались обратно, и всё-таки ничего не выходило. С большим трудом засняли маленький кусочек прогулки Кинули по улице и отправились домой.

На следующий день в газете была заметка. Начиналась она так:

«На днях на Петровке можно было наблюдать интересное зрелище — киносъёмку молодой львицы Кинули». Потом следовало описание съёмки. И под конец: «Съёмка Кинули вызвала большой интерес у прохожих. Автомобиль, увозивший Кинули, сопровождали велосипеды, мотоциклы и автомобили, доехавшие до самого дома сотрудницы Зоопарка В. Чаплиной, у которой воспитывается Кинули со дня рождения».

На празднике

К Октябрьским торжествам картина, где снималась Кинули, была уже готова. На просмотр пригласили всю нашу семью. Конечно, пригласили и Кинули с Пери. За это время Кинули несколько раз ездила в машине, поэтому, когда прислали автомобиль, она влезла туда сама. Уселась на сиденье и важно поглядывала по сторонам. А шофёр машину гонит и шею на всякий случай шарфом обмотал: уж очень страшная пассажирка.

Когда мы приехали в кино и вошли в зал, публика вся повскакала с мест: «Лев пришёл! Лев пришёл!» Кричали, волновались. А Кинули хоть бы что. Залезла на диван и улеглась поудобнее.

Но вот погасили свет, затрещал аппарат. Испугалась наша Кинули незнакомого звука, рыкнула, обернулась на шум. Потом глянула на экран, увидела себя и насторожённо замерла. Пери тоже сначала смотрела, потом свернулась клубочком и уснула. А Кинули переживала всё, что видела на экране. Вдруг она увидела на экране свой мяч! Мяч! Не стерпела тут Кинули, с места сорвалась и в несколько прыжков очутилась около экрана, прыгает на него, любимую игрушку достать старается... Насилу её уняла. Остальную часть картины Кинули смотрела внимательно, не отрываясь, а когда зажгли свет, ещё долго не спускала глаз с полотна. Потом потянулась и сладко-сладко зевнула.

В этот день она спала особенно крепко, а во сне шевелила лапами и вздрагивала. Наверно, ей снился сон, что мяч она всё-таки достала.

Потом Кинули пригласили с Толей ещё на детский утренник.

Не обошлось без происшествия и тут. Когда приехали за Кинули, она оказалась запертой в комнате. Случилось это так: услышав мой голос, она, как всегда,

хотела открыть английский замок лапой, но на этот раз защёлкнула предохранитель. Пришлось ломать замок.

Встретили ребята Кинули на детском утреннике радостными криками. Кинули страшно испугалась, бросилась назад по лестнице, чуть не сшибла меня с ног. Больших трудов стоило мне ввести её обратно в комнату. Но теперь уже ребята сидели тихо, и Кинули успокоилась. Я села на стул, Кинули и Пери легли рядом, а вокруг устроились дети. Они рассматривали каждый волосок львёнка, его глаза, сильные лапы, полукруглые уши. Кинули держалась на редкость спокойно и даже позволила детям себя трогать. Установилась очередь, и ребята тихонько, ласково гладили пушистую шерсть зверя.

На другой день мы катали Кинули за хорошее поведение в машине по Москве. Возили по самым интересным улицам, показывали украшенный по-праздничному город, иллюминацию. Всю дорогу Кинули смотрела, не отрываясь, в окно. В одном месте нашу машину перегоняла другая. Сидели в ней иностранцы. Увидев львицу, они долго ехали рядом и всё старались объяснить знаками, что они знают Кинули.

Приехали домой мы поздно. Ещё в дороге Кинули начала волноваться, и не успела машина остановиться у подъезда, как, открыв лапой дверцу, Кинули бросилась домой. Пери и я едва поспевали за ней. Мне казалось, что Пери не меньше меня удивлена таким поспешным бегством своей питомицы. А питомица как сумасшедшая уже ворвалась в квартиру, чуть не сшибла в коридоре соседку, вбежала в комнату и... уселась в свой песок. Она была очень чистоплотна.

Больная

Осенью Кинули заболела. Болела она долго и тяжело. Лежала скучная, ничего не ела, а когда пробовала встать, тут же падала на пол и громко рычала от боли. Успокаивалась она только тогда, когда её обогревали электрической печкой. Кинули поворачивалась к ней то одним боком, то другим и даже ухитрилась пододвигать её к себе лапой, не обжигаясь, С каждым днём Кинули становилось всё хуже и хуже.

Пригласили врача. Не сразу решился он войти в комнату к львице. Уж очень больная-то страшная, всё-таки зверь, вдруг бросится! Пришлось перегораживать комнату стульями. И только после этого вошёл врач. Кинули была так больна, что совсем не обратила на него внимания. Она даже не открыла глаз. Лежала на боку и тяжело дышала. Врач издали с опаской посмотрел на неё и посоветовал дать касторки. Он даже не осмотрел её и поспешил уйти.

Мы приглашали и других врачей. Каждый советовал разное, но все они говорили одно: Кинули всё равно не выживет.

О том, что Кинули больна, писали даже в газетах. Сколько писем я получила тогда, сколько вопросов, советов! Больше писали детишки: «Как здоровье Кинули?», «Поправится ли она?», «Что сказали врачи?» Многие приезжали на квартиру проведать её. Совсем незнакомые люди вместе с нами переживали её болезнь. Даже во дворе ребята не так шумели в это время. Часто можно было слышать, как останавливали они слишком расшумевшегося товарища. Поминутно бегали к нам и спрашивались о здоровье Кинули.

Чего мы только не делали, чтобы спасти львёнка! Дежурили постоянно. Я забыла, что такое сон. От усталости кружилась голова, и всё-таки я не могла уйти отдохнуть. Стоило мне сделать движение к двери, как Кинули тянулась за мной и мяукала так жалобно, как будто выговаривала: «Ма-а-ма!» И каждый раз

приходилось возвращаться обратно. Ночи тянулись такие длинные-длинные... В комнате тихо, только слышно тиканье часов да неровное дыхание Кинули.

Целых три недели болела Кинули. Три недели боролась она со смертью. Три недели кормили её насильно. Каких трудов стоило запихать ей в рот кусочек мяса, заставить проглотить! Кинули не хотела есть: отворачивала голову, выплёвывала. Приходилось иногда уговаривать. Упрашивали всей семьёй: Вася, Шура и даже маленький Толик.

— Кошечка, съешь, — просил он её. — Съешь хоть кусочек! — И тихонько добавлял: — Совсем маленький. Ну что тебе стоит проглотить!

Не знаю, действовали ли на Кинули уговоры или мы ей просто надоедали, только она хотя и мало, но всё-таки ела.

Впрочем, нам помогала ещё муха. Это была самая обыкновенная муха, она проснулась от тепла и питалась около Кинули. Она ползала у самой морды львицы и грелась около её электрической печки. Кинули ненавидела эту муху. Стоило той прилететь, как Кинули злобно рычала, старалась ударить, а чтобы не досталась врагу пища, хоть и немного, но всё же ела. Понятно, что мы были очень довольны такой помощницей.

Вскоре Кинули стала поправляться. Правда, медленно. Она по-прежнему плохо ела, не могла подняться, но пыталась уже играть. Играла больше деревянной ложкой или мячом. Мяч катала носом, а ложку зажимала между лапами и, лёжа на спине, подолгу держала её перед собой. Трудно сказать, почему ей нравилось играть именно этими предметами. Стоило сказать «мяч», как у Кинули загорались глаза, а при слове «ложка» она сразу ложилась на спину. Признаки выздоровления львёнка первая заметила Пери. Когда Кинули болела и, рыча, билась от боли,

собака её боялась, пряталась под стол, не подходила. А тут она опять перебралась к ней спать, заботливо выискивала блох, лизала морду львицы. А когда однажды прибежал к нам в комнату Вася и сказал, что Кинули разорвала его новые брюки и оставленную на столе книгу, все были очень рады, потому что это значило, что Кинули поправилась совсем.

Кинули становится взрослой

После болезни мы сшили Кинули новый ошейник, и я решила выйти с ней погулять. Я боялась, что после такого большого перерыва она будет слишком пуглива. Но оттого ли, что Кинули выросла и люди ей не казались такими большими, или оттого, что повзрослела, только держалась она на редкость спокойно и шла по улице не хуже Пери.

Зашла я с ней во двор. Встретили там Кинули не как обычно: боязливо тянулись к ней руки отдельных храбрецов, а мамыши, подхватив малышей, отбегали в сторону. С улицы в наш маленький садик за нами пришли любопытные. Расспрашивали про Кинули ребят, жильцов дома. В публике слышались отдельные возгласы удивления и даже зависти к управдому, что он имеет такого «жильца».

А «жилец» и на самом деле сильно вырос и изменился. Морда у Кинули вытянулась, стала как у взрослой. Отросшие усы придавали ей другое выражение, и только две маленькие родинки да маленькое пятнышко на носу напоминали прежнюю Кинули. Даже странно было смотреть: неужели это та самая крошка, которая почти вся умещалась на ладони! А «крошка» перегнала в росте Пери, едва пролезала под столом и уже не помещалась в кресле.

Несмотря на рост, привычки у неё остались прежние. Так же бурно, как и маленьким котёнком, бросалась она мне навстречу, прыгала, ласкалась. Разница была только в том, что я заранее прислонялась к стене, иначе от ласк такого «котёночка» можно было свалиться на пол. Очень осторожно играла Кинули с моей рукой: забирала всю в пасть, лизала, и не было случая, чтобы она сделала мне больно. Если же иногда слишком увлекалась, то стоило мне чуть повисить голос, как сразу отпускала руку.

Кинули была на редкость чувствительна к интонациям. Бывало, натворит что-нибудь, разобьёт. Услышит Васины шаги — и под стол. Спрячется и ждёт, что дальше будет. Если Вася войдёт злой, начнёт браниться, она оставалась там, а если добрый, то бросалась к нему на грудь, ласкалась или ложилась и тёрлась головой об ноги. Она очень любила лежать, уткнувшись головой в мои или Васины ноги. Это была её самая любимая поза.

Вечером, когда все приходили с работы, мы устраивали в Васиной комнате настоящий цирк. По бокам ставили стулья, рассаживали знакомых. На столе, как на более безопасном месте, была ложа, галёрка впереди. В программу входило: «Лев, играющий в футбол», «Борьба, катание на кресле» и «Голова в пасти льва». Последний номер считался особо опасным. Исполнял его Вася. Вася ложился на пол, при этом, как и в цирке, замолкала музыка, а Кинули осторожно обнимала его лапами, лизала ему голову.

Это было гвоздём программы, имевшим всегда одинаковый успех. Вася поднимался, я включала радио, зрители шумно аплодировали, а Вася, кивая облизанной головой, ласково похлопывал Кинули.

Вася очень любил Кинули, и она платила ему тем же: вечно тёрлась о его ноги, ласкалась. Но случалось, что Вася её прогонял. Тогда Кинули обижалась и шла

жаловаться на него мне: ложилась и как-то особенно протяжно мяукала.

Она жаловалась и Васе на меня, а если попадало от нас обоих, шла к Пери. За это Вася её прозвал сплетницей и даже нарочно обижал, чтобы Кинули лишний раз пожаловалась. Уж очень забавно у неё это получалось!

Умела Кинули и ругаться. Квакала, как лягушка, и сразу уходила на место. Приходилось просить прощения.

— Кинули, кошечка, я не буду, — упрашивал её Вася, а Кинули упрямилась, отворачивалась, но всё-таки в конце концов подходила.

Она была на редкость покладиста и ласкова. И мясо не станет есть, пока не приласкают. Зато к посторонним заметно изменилась. Стала огрызаться, а если поворачивались к ней спиной, то иногда кидалась. Правда, делала она это играя, любя. Начали её побаиваться и жильцы. Особенно после того, как Кинули опрокинула бабушку.

Случилось это совсем неожиданно даже для Кинули. Просто она не рассчитала свои силы. Старушка мыла пол, нагнулась. Кинули прыгнула, и вдруг бабушка упала. Впрочем, Кинули и сама испугалась, рывкнула да скорей в комнату.

Зато в другой раз Кинули нас выручила. Случилось это в мой выходной день. Дома оставались девочка Галя и я, остальные жильцы разошлись. Вдруг слышим — звонок. Галя открыла дверь. Вошёл мужчина лет сорока, с мешком. На наш вопрос, кого нужно, ответил, что пришёл по делу: морить клопов. Напрасно я доказывала, что клопов нет, что жильцы придут поздно, и просила уйти. Ничто не помогало. «Клопомор» уселся и решительно отказывался выйти. Я прямо не знала, что делать. Уйти, оставить его одного, нельзя, а стоять так весь день тоже невозможно.

Выручила Кинули. Вошла тихо, крадучись, увидела незнакомого ей человека и насторожённо замерла. Глаза хищника остро и внимательно остановились на лице незнакомца. Человек повернул голову и вдруг встретился с неподвижным, тяжёлым взглядом зверя. Кинули потянулась, замерла, на секунду сверкнули зубы полувзрослой львицы. «Клопомор» вздрогнул и сделал робкое движение к двери. Дверь была заперта.

— Вы не бойтесь, — ответила на его движение Галя, — это лев.

— Лев? Да что же вы меня не выпускаете? — вдруг закричал он.

Не дожидаясь ответа, он вырвал у меня ключ и, прыгая через ступеньки, бросился вниз.

Больше мы «клопомора» не видели.

Впрочем, после этого у нас был ещё один случай.

Случай с жуликом

В этот день я вернулась с работы рано. Подхожу к квартире — парадная дверь отперта, а Кинули ходит по коридору.

Я удивилась. Как же так? Кто же мог её выпустить из комнаты? Хотя комнату мы не запирали, но все знали, что у нас живёт лев, и когда из домашних никого не было, туда никто не заходил. «Кто же, — думаю, — Кинули выпустил?» Захожу в комнату и вижу: на буфете сидит незнакомый мужчина. Лицо всё красными пятнами покрыто, глаза по сторонам бегают, сам дрожит как в лихорадке.

К нам часто приходили незнакомые посмотреть льва, и поэтому я чужому человеку не удивилась. Но на всякий случай спросила:

— Как вы попали сюда, гражданин?

А «гражданин» только зубами стучит от страха:

— Д... д... да меня зверь ваш загнал сюда.

— Ну ладно, — говорю. — Посидели, теперь слезайте.

Где там слезать! Смотрю, он ещё ближе к стене прижался.

— М... ми... милицию! — говорит. — Позовите милицию!

Я ему говорю: «Слезайте», а он своё: «Милицию!»

Пришлось его просьбу исполнить и вызвать по телефону милицию. Приехали из милиции. Не успели милиционеры войти в дверь, как мой «гражданин» прямо к ним бросился. За них прячется, просит, чтобы забрали его скорей.

Прошло несколько дней. Я успела уже забыть об этом случае, как вдруг в газете «Известия» появилась заметка.

Напечатана она была в отделе происшествий и подробно описывала случай с жуликом. Текст этой заметки я привожу целиком, без изменений:

«В своё время в «Известиях» уже сообщалось, что заведующая отделом молодняка Московского зоопарка В. В. Чаплина воспитывает у себя на квартире львёнка Кинули.

Ныне Кинули — красивая, молодая львица, ростом с доброго дога. Она свободно открывает двери комнат лапой, притягивая к себе дверную ручку, а когда проголодается, приходит на кухню, держа в зубах свою миску.

На днях, вернувшись домой с работы, В. В. Чаплина обнаружила, что Кинули очень возбуждена. Она лежала на пороге комнаты и озлобленно била хвостом по полу. Её кожа нервно подёргивалась. При этом львица смотрела куда-то вверх. Проследив за этим взглядом, т. Чаплина увидела на высоком шкафу незнакомого мужчину. От страха он весь дрожал и дико озирался по сторонам.

Ни за что не желая покинуть своего убежища, незнакомец, не слезая со шкафа, поведал свою историю. Он забрался в дом, чтобы совершить кражу, спокойно обошёл комнаты пустой квартиры и наконец открыл дверь комнаты, где была Кинули. И только тогда, когда вор был посередине комнаты, он заметил, что находится в обществе львицы.

Преступник невольно попятился к двери, но Кинули уже преградила дорогу и грозным рыком загнала его на стол, куда затем забралась и сама. Тогда незадачливый домушник вскарабкался на высокий шкаф и просидел там более двух часов, старательно охраняемый грозным зверем».

Газета с этой заметкой вышла очень рано, и я ещё спала, когда меня разбудил телефонный звонок. Я взяла трубку. Говорил один знакомый:

— Вера Васильевна? Вы живы?

— Жива, — отвечаю. — А в чём дело?

— Как — в чём? Разве вы газету не читали? Нет? Так прочтите. Там написано, как к вам жулик забрался, а Кинули его на шкаф загнала и чуть не съела. Мы с женой очень беспокоились, решили проверить, что с вами, и позвонили.

Пришлось мне рассказать всю историю с начала до конца. Но не успела я повесить трубку, как опять раздался звонок.

Одним словом, знакомых, желающих узнать, что со мной случилось, оказалось так много, что я не успевала отойти от телефона, как опять раздавался звонок. Телефон звонил не переставая. Измученные квартиранты бранились, перестали брать трубку, а я через несколько часов убежала из дому.

Но этим днём мои мучения не кончились. В газете ведь была указана не только моя фамилия, но и адрес, где я живу.

По адресу посыпался поток писем, появились новые посетители. С утра до вечера Маша открывала им двери. Днём ещё ничего, а вечером ни поработать, ни отдохнуть — только успевали открывать да закрывать двери.

Выручала сама Кинули. Она имела привычку обнюхивать вошедшему ноги. Или ещё делала так: обнимала посетителя лапами за ноги и тихонько трогала зубами. Зубы у Кинули большие, страшные, а ведь не мог же знать чужой человек, укусит она его или нет. Пожмётся, бедняга, пожмётся и скорее откланяется. Так постепенно всё меньше и меньше заходили к нам любители посмотреть льва.

Любовь победила

Несмотря на то что Кинули была уже взрослой львицей, квартиранты любили её по-прежнему. Для них она была, как и раньше, маленькой Кинули, которую кинула мать. Дора Рафаиловна, Мария Фёдоровна, Мария Ивановна — все любили её. Все, кроме Галиной бабушки, Антонины Васильевны. И чего она только не делала, чтобы выжить львёнка!

Приходит однажды и за собой человек десять ведёт. Позвала меня, в сторонку отошла и усмехается. Оказалось, привела врачебную комиссию. Врач ко мне с вопросом:

— Скажите, гражданка, это у вас лев проживает?

— У меня, — отвечаю. — А в чём дело?

— Дело, — говорит, — в том, что поступило заявление жильцов, будто вы в комнате льва держите, грязь от него. Вот и пришли проверить.

Тут жильцы все возмутились:

— Какая жалоба? От кого? Да Кинули чище домашней кошки!

Ну, я спорить не стала.

— Что ж, — говорю, — посмотрите.

Открываю дверь, а комиссия — в сторону... Друг за другом встали и смотрят.

Кинули навстречу мне вышла, ласкается. Пери тоже подошла. Видит комиссия, что страшного ничего нет, поближе подошла, и врач про комнату забыл, львицей любуется. А Кинули словно рисуется: то на спину ляжет, то головой потрётся, руку мою в пасть берёт, да так осторожно, ну совсем как кошка домашняя. И в комнате чисто, ни соринки. Даже запаха от львицы не было. Так и записали.

Впрочем, старуха на этом не успокоилась. Написала ещё заявление и подала, как будто это от всех жильцов квартиры. Я не знала, что и делать. Каждый день — новая комиссия! Одних бумажек штук двадцать прислали, всё льва выселить требуют. А старуха ходит, хвастает:

— Всё равно львице тут не жить. Выживу.

А жильцы как узнали, что заявление от их имени она подала, возмутились:

— Не дадим Кинули в обиду, ни за что не дадим! Всей квартирой пойдём, докажем, что не мешает нам она.

И написали заявление в милицию:

«Мы, жильцы квартиры такой-то, в доме таком-то, по Большой Дмитровке, заявляем, что ничего не имеем против львёнка, находящегося в нашей квартире. Львица совсем ручная и находится в постоянно запертой комнате. Ни в коридоре, ни в местах общего пользования она не бывает, а комната, в которой живёт, содержится в чистоте и порядке. Никакого шума, беспокойства львица у нас, жильцов квартиры, не вызывает».

Под этим заявлением подписалась вся квартира, а одна из жилищек сделала ещё приписку:

«Имея троих детей — семи, десяти и одиннадцати лет, — я ничего для них опасного в том, что львица живёт в квартире, не вижу. Тем более, что зверь ручной и находится под постоянным наблюдением».

Так встала на защиту Кинули вся квартира.

Дело о выселении львицы дошло до прокурора. События приняли другой оборот. Вечером пришли управдом, дворник и с ними начальник милиции. «Ну, — думаю, — не иначе как выселят». Веду их в комнату, а у самой сердце, того и гляди, выскочит.

— Что, — спрашиваю, — выселять?

— Нет, — говорят, — узнать, в чём дело. Тут нам заявление от санинспекции поступило, будто жильцы на вашу львицу жалуются. Пишут, что под страхом живут, из комнаты выйти боятся, а если и выходят, то палки и другие предметы защиты приходится брать. Вот и пришли проверить.

Я их позвала в комнату, всё рассказала, показала и заявление жильцов. Тут ещё соседка за газетой пришла и спрашивает:

— Что, опять от старухи комиссия?

Смеётся начальник.

— А вы, — говорит, — лучше скажите: мешает вам лев или нет?

Соседка даже руками замахала.

— Что вы, — говорит, — что вы! Да разве наша Кинули может мешать?!

Пришла Мария Ивановна:

— Убрать нашу Кинули не дадим! Хоть не мы выкормили, а сколько пережили, пока выросла!

Зашли и к Кинули. Большая жёлтая кошка лениво поднялась навстречу. Подошла ко мне и ласково уткнулась в колени.

В передней начальника ждали остальные жильцы. Все возмущались поступком старухи, а Толин приятель, Юра, забыв, как однажды Кинули стащила с него

трусики, заставив пробежаться голым по всей квартире, дал слово, что Кинули всё равно не отдаст.

Уходя, начальник крепко пожал мне руку.

— Теперь вы можете быть спокойны, гражданка, — сказал он. — Картина мне ясна. Вас больше не побеспокоят, а если будут попытки, позвоните мне.

Он уже вышел, а мы ещё долго стояли у открытых дверей и кричали вслед:

— Спасибо, товарищ начальник! Спасибо от всех, всех, всех!

На другой день я получила письмо:

«В связи с выяснившимися обстоятельствами, что имеющаяся у вас львица не опасна и в настоящее время больна, госсанинспекция района, во изменение своего прежнего предписания о передаче львицы в Зоопарк в трёхдневный срок, заявляет, что львица может быть вами оставлена на квартире до полного выздоровления и наступления подходящих температурных условий для перевозки её в Зоопарк».

Кинули получила право на жительство в нашей квартире, и больше нас никто не беспокоил.

День рождения

Рано утром меня будит звонок. Я вскакиваю с постели, накидываю халат и спешу открыть дверь. Кто же это может быть? Почему так рано?

Но вот дверь открыта. Передо мной стоит почтальон. Он ласково улыбается и протягивает мне письмо. На конверте аккуратно выведено детской рукой: «Москва, Большая Дмитровка, Кинули Чаплиной». Сначала я ничего не могу понять. Нет ни номера дома, ни квартиры. Странно! И вдруг вспоминаю: сегодня 20 апреля. Кинули исполнился год, и маленькие доброжелатели торопятся поздравить

свою любимицу с днём рождения. От этого мне становится очень весело. Я смеюсь, смеётся и почтальон. Уходя, он просит передать Кинули поздравление и от него, а спускаясь по лестнице, долго кивает мне головой.

Когда я вбежала в комнату к Васе, Кинули ещё спала. Вставала она, правда, рано, вместе с Васей, но как только он уходил на работу, ложилась опять. Вот и сейчас. Пери уже ласкается, а Кинули и не собирается вставать.

— Кинули! — кричу я. — Кинули, лентяйка! Ведь сегодня твой день рождения, тебе исполнился год, а ты валяешься!

Кинули лениво потянулась и зевнула. «Вставать или нет?» — казалось, говорили её сонные, полузакрытые глаза. Но тут подошла Пери, и Кинули сразу вскочила. Ей не нравилось, если ласкали кого-нибудь, кроме неё, и, ревниво отталкивая собаку, она тёрлась о мои ноги.

В этот день было много хлопот. Во-первых, купить продукты, приготовить специально для Кинули обед из любимых её блюд, во-вторых — купить большой футбольный мяч. Подарить Кинули мячик придумал Толя. Он давно накопил денег, а тут, как назло, в самый последний момент мячей в магазинах не оказалось. Пришлось ехать искать. К вечеру всё уже было готово. Стоял накрытый стол. Маша жаривала котлеты, а на диване лежали купленные для Кинули подарки. Среди них — новая миска, заводной автомобиль и три больших, готовых лопнуть, крепко надутых мяча: один Толин, два других прислали с поздравлениями незнакомые нам люди.

Скоро пришли гости.

Обедала в этот день Кинули с нами. Сидела на диване и осторожно лакала из миски лапшу. Миска стояла на столе. Но Кинули ела так аккуратно, что на белой скатерти не было ни одного пятнышка. Когда

Кинули кончила, она вытянула лапу и, тихонько стуча по столу, попросила ещё. Но супу ей больше не дали, потому что в этот день Маша приготовила ей ещё котлеты и большую яичницу. После обеда прочли присланные ей письма с поздравлениями. Почти все они были от ребят и начинались так: «Милая Кинули, мы очень тебя любим и поздравляем с днём рождения».

Сначала Кинули слушала внимательно, потом ей надоело. Уж очень было много писем, да и яичница была съедена уже вся. Кинули соскочила с дивана и... прямо перед собой увидела мячи. Мячи лежали красивые, жёлтые, новые. Свой старый она разорвала давно, теперь же одним прыжком рванулась к мячам, схватила их лапами, стараясь удержать. Мячи отскакивали, а Кинули, годовалая львица, забыв про всё на свете, гонялась за ними, как маленький котёнок. Невозможно было смотреть без смеха на её игру. Мячи разлетались по комнате, закатывались под стулья, столы, диван. Можно было подумать, что мебель ожила. Всё двигалось по комнате, и даже кровать, когда закатился под неё мяч, переехала на спине Кинули в другой конец комнаты.

Кинули так разыгралась, что её невозможно было унять. Хотели отнять мячи, но Кинули легла на них, обняла лапами и никак не хотела отдать. Догадалась Маша. Она позвала Пери и сделала вид, что хочет вывести её погулять. Кинули сразу бросила мячи и помчалась за собакой. Она не любила оставаться одна.

Сколько было постоянных мучений, когда нужно было вывести собаку погулять! Пери — из комнаты, а Кинули за ней. Отталкивает её лапой, не пускает. Приходилось хитрить. Я отвлекала Кинули ласками, Вася занимал место у двери, чтобы вовремя её закрыть, а Маша хватала Пери и бежала с ней по коридору. Но похищение удавалось не всегда. Иногда Кинули вырывалась, мчалась за Машей, отнимала Пери и

возвращалась на место, волоча за шиворот собаку. Называлось это «похищение Пери». Пери уже привыкла к такому обращению, покорно висела в зубах львицы и не сопротивлялась.

В Зоопарке

Незаметно прошла зима, весна, наступило лето, а вместе с ним и пора отдавать Кинули в Зоопарк. И вовсе не потому, что она нам надоела или мешала. Совсем нет. Даже наоборот. Подрастая, Кинули становилась как-то послушнее, смиреннее. Лучше чем когда-нибудь рассчитывала она силу своей лапы, остроту когтей величиною с палец. Играя, чуть-чуть дотрагивалась лапой, и не было случая, чтобы порвала хотя бы чулок. Не портила и вещи. Теперь Маша свободно оставляла на столе посуду, мясо, и Кинули ничего не трогала. Одним словом, держалась, как большая послушная собака.

Не изменилось её отношение и к Пери. Для собаки она осталась по-прежнему маленьким котёнком. Пери по пятам ходила за Кинули, как и раньше облизывала после еды морду львицы, заступалась за неё, ухаживала. Тем же платила ей и львица. Не было случая, чтобы она съела всё мясо, не оставив куска для собаки. Поэтому, когда кормили Кинули, Пери спокойно лежала в стороне. Иногда Кинули вспоминала и про нас. Брала измусоленную, изгрызенную кость, приносила мне или Васе и старательно пихала грязной костью в лицо, предлагая погрызть гостинец.

Не удивительно, что нам было очень жаль с ней расставаться. А расставаться было нужно. Милиция больше не разрешала держать львицу в квартире — всё-таки большая, народу много, вдруг кого-нибудь укусит!

И вот в Зоопарке, около площадки молодняка, начали строить для Кинули специальный домик. Когда он был готов, туда поставили стол, стулья, отгородили маленький дворик и большую площадку, где бы Кинули могла резвиться и играть.

Наступил и день отъезда. В этот день мы встали очень рано. Решили везти Кинули на машине, но никто не знал, как отнесётся она к этому. Ведь теперь это был взрослый, сильный зверь. Приготовиться решили заранее, до приезда машины. Надо было надеть ошейник, который сшили специально для переезда, проверить крепость ремня. И вот тут случилось то, чего никто из нас не ожидал. Не успела я даже поднести ошейник к шее львицы, как Кинули рыкнула, выбила его из рук лапой и отскочила. Оказывается, он был смазан дёгтем, и незнакомый запах испугал львицу. Чего мы только не придумывали! Смазывали ремень мясом, маслом — ничего не помогало. Даже когда надели ошейник на Пери и она хотела подойти к Кинули, та не подпустила её к себе. Пришлось срочно бежать за широким бинтом в аптеку и, сложив его в пять раз, сшить шлейку. Шлейку Кинули дала надеть сразу.

В десять часов приехала машина. Шофёр остановил её во дворе, и мы повели Кинули. Бедная кошка! Она так разволновалась, что даже не заметила, как поверх шлейки надели ещё ошейник. Вели втроём — Вася, Шура и я. Впереди шёл Толя с Пери. Ведь если кто-нибудь из нас отставал, Кинули ни за что не хотела идти дальше.

Так вышли мы из квартиры и спустились вниз, но вдруг Кинули внезапно испугалась, бросилась назад. Не выдержав рывка, лопнул ремень, и большая жёлтая львица, как трусишка котёнок, кинулась домой. Сорвать с крючка и открыть дверь было для неё делом минуты, так что когда мы прибежали, она уже лежала в комнате под столом.

С большим трудом нам удалось её вывести и заманить в машину. Вася, Шура, я, маленький Толя и даже Пери — все залезли в машину. Звали оттуда Кинули, манили. Долго ходила она вокруг и жалобно мяукала, прежде чем решилась войти. Войдя же в машину, сразу забралась на сиденье. Задними лапами придавила Васю, передними устроилась у меня на коленях и всю дорогу лежала спокойно.

В Зоопарке Кинули ждала залитая солнцем площадка и ранние посетители, знавшие о её переезде. Очувтившись в новом, незнакомом месте, Кинули растерялась. Прижалась к земле, прятала свою большую голову под Пери и мелко-мелко дрожала.

Эту ночь я провела с ней в клетке. Кинули то беспокойно металась по клетке, стараясь открыть лапами дверь, то вдруг насторожённо прислушивалась к незнакомым звукам ночного Зоопарка. Прошла ночь... Наступило утро.

Утром я пошла домой. Кинули было рванулась за мной, долго билась головой о решётку и вдруг, поняв, что всё равно не выйти, вся как-то съёжилась и легла.

Долго не поднималась с места и не ела Кинули. Смотрела вверх решётки, сквозь деревья, дома, заборы, куда-то вдаль ничего не видящими глазами. Всегда живые и выразительные, они теперь потускнели и напоминали скорее глаза мёртвого, чем живого зверя. Этот взгляд, полный какого-то тупого безразличия, пугал меня больше всего. Она, казалось, не узнавала даже меня. Иногда после долгих уговоров, как будто машинально, брала из рук кусочки мяса. Изредка глотала, а большей частью кусочек повисал между клыками, потом падал, и Кинули даже не поворачивала головы.

На десятый день она начала подниматься. С трудом передвигалась она на ослабевших лапах, но уже начала интересоваться окружающими её животными, людьми.

Мы навещали её каждый день. Как никогда, радовалась Кинули приходу Васи, Шуры, Толи. Тёрлась об их ноги, ласкалась.

Рано утром, когда парк ещё был закрыт, я выводила её на прогулку. Выводила без ошейника. После переезда в Зоопарк Кинули ни за что не давала его на себя надеть. Приходилось выводить без привязи. Ходила она рядом, как большая послушная собака. Зато как удивлялись увидевшие её животные! Насторожённые, готовые сразу умчаться, провожали её испуганными взглядами олени; легко перепрыгивая с камня на камень, исчезало за горой стадо туров, а слонёнок бросился сначала на Кинули, а потом, словно испугавшись собственной храбрости, прижался за домиком. Кинули проходила мимо и ни на кого не обращала внимания. Не обращала внимания и на звавшую её публику.

Около клетки Кинули всегда стояли посетители. Терпеливо, часами, ждали они, когда покажется львица из своего домика. Многие ходили каждый день, следили за её здоровьем.

Никогда не забуду, как рано утром (не успел ещё открыться парк) к клетке Кинули прибежали три девочки. Первая, задыхаясь от сильного бега, спросила:

— Как Кинули?

А когда узнала, что та поправляется, обернулась к отставшим подругам и весело крикнула им:

— Кинули поправляется!

Последний раз они видели Кинули больной, очень беспокоились и перед экзаменами прибежали её навестить.

Были и такие, которые беспокоились за меня. Если меня почему-либо не было на площадке, спрашивали у служителя, не случилось ли чего. Интересовались, не боюсь ли я Кинули, не загрызёт ли она меня. Я отвечала

им, что если и загрызёт, то после этого сама пропадёт от тоски.

И правда, несмотря на то что Кинули жила теперь в клетке, она нисколько не изменила своего отношения ко мне. Оставалась по-прежнему ласковой, ручной. Также как и раньше, по приказанию ложилась, давала себя чесать гребешком, чистить щёткой. Я поднимала её за лапы, переворачивала на бок и даже таскала за хвост. Кинули терпела всё, лишь бы я подольше оставалась с ней в клетке. Иногда, если она не слушалась, я делала вид, что ухожу. Тогда Кинули бросалась за мной, ловила меня лапами и не давала уйти. Большие и острые когти у Кинули, но она никогда не делала ими больно. Осторожно выбирая из моих пальцев, брала она кусочки мяса, а когда я уходила, подолгу смотрела вслед, потом поднимала голову, и из её пасти вырывался уже настоящий львиный рык.

Прошло лето, наступила зима, стало холодно. Кинули и Пери перевели в зимнее помещение. Кинули теперь уже была совсем большая львица, и её посадили в клетку рядом с другими львами. Около её клетки всегда стояли любопытные. Все удивлялись, как такая большая львица живёт вместе с собакой. А жили Кинули с Пери очень дружно. Когда Кинули давали мясо, она всегда оставляла часть своей порции для Пери. А пока собака ела, львица охраняла её и не давала служителю вынимать остатки до тех пор, пока Пери не наестся.

Однажды Пери заболела. Она была уже старая собака, у неё болели ноги, и Пери не могла подниматься. Кинули страшно разволновалась. Почему Пери не встаёт? Почему не ест мясо? Кинули брала в зубы свою порцию, подносила её к Пери, мяукала, старалась приподнять собаку лапой. Но Пери не вставала. Тогда позвали врача. Врач хотел осмотреть Пери, но для этого нужно было её вынуть из клетки. Однако Кинули никак не хотела отдавать своего друга:

каждый раз, когда хотели брать Пери, она рычала и бросалась на решётку, как дикая львица. Больших трудов стоило её переманить в другую клетку, и только тогда удалось взять Пери.

Когда Кинули увидела, что Пери взяли, она стала биться о решётку, старалась выскочить из клетки. В этот день Кинули ничего не ела, не притронулась к корму и на следующий день. Стала скучная, вялая, злая и никого к себе не подпускала. Она часто ревела, и её рёв не раз тревожил жителей Зоопарка. Слышала его и Пери. Она узнавала голос Кинули среди всех львиных голосов Зоопарка, настораживала свои острые уши и тихо, совсем тихо скулила.

Прошло два месяца. За это время Пери поправилась, окрепла и уже совсем хорошо стояла на ногах. Пора было её сажать обратно к Кинули. Кинули увидела Пери ещё издалека. Насторожила уши и долго внимательно вглядывалась в неё. А как они обрадовались, когда снова очутились вместе! Кинули бросилась к Пери, мяукала и так тёрлась головой, что мы думали, она раздавит собаку. А собака, забыв о своих больных ногах и о своей старости, прыгала, как щенок, вокруг львицы. В этот день Кинули и Пери ели хорошо, ночью спали, прижавшись друг к другу, и никто больше не слышал тоскующего рёва Кинули.

Разлука

Подошёл июнь 1941 года. Началась война.

Теперь Зоопарк нельзя было узнать. Словно глубокие морщины, траншеи перерезали гладкие дорожки парка. Дощечки, на которых раньше было указано, как пройти к помещению со зверями, заменила краткая чёрная надпись: «Убежище». В городе начались воздушные тревоги. Звери насторожённо

прислушивались к завыванию сирены, волновались, метались по клеткам, кричали. Особенно волновались львы. Их громкий рык смешивался с гулом первых вражеских самолётов, прорвавшихся к Москве.

В эту первую памятную ночь никто домой не ушёл, дежурили у зверей, гасили загоревшиеся помещения. К счастью, это были помещения не с животными, а то, вырвись звери на свободу, они могли бы наделать много бед. Надо было немедленно вывозить всех опасных зверей из Москвы.

Из львов решили оставить одну Кинули, потому что она была самая ручная и безопасная и, если бы даже выскочила из клетки, никого не тронула бы.

Несмотря на тяжёлое время, о ней по-прежнему заботились юные москвичи. Спрашивали, куда её прячут во время бомбёжки, советовали водить в метро. Когда зверей отправили в другие зоопарки, часть из них попала в Свердловск. Осенью я рассталась с Кинули и поехала в Свердловск, где продолжала работать в зоопарке. Всё свободное время проводила я в госпитале, дежурила, ухаживала за ранеными. В госпитале скоро узнали, что я работаю в зоопарке.

Нашлись и такие, которые слышали о Кинули. Просили рассказать о ней. Стоило мне начать что-нибудь делать, как начинались просьбы: «Сестрица, расскажите ещё что-нибудь про львицу». С такими просьбами приходили раненые и из других палат. Из-за этого даже происходили споры.

— У вас свои сёстры есть, пускай вам и рассказывают, а нашу не беспокойте! — говорили раненые моей палаты.

Даже тяжелораненые интересовались жизнью Кинули, спрашивали, где она находится и что с ней.

В каждом письме из Москвы мне сообщали о Кинули, писали, что Кинули чувствует себя хорошо и что, хотя посетителей в Зоопарке почти не стало, около её

клетки всегда кто-нибудь стоит. Потом написали, что болеет Пери, потом сообщили, что её не стало и Кинули теперь одна.

Встреча

И вот через полтора года я опять в Москве... В Зоопарке... Вот и помещение, где находится Кинули. Она лежала в углу клетки, ела мясо. Тут же было несколько посетителей.

Я подошла и стала рядом с ними. Стоявший около меня мужчина начал мне рассказывать о Кинули: о том, что она воспитывалась в доме, загнала на шкаф вора и ещё что-то из её жизни, но что именно, я даже не слушала. Я стояла рядом с Кинули и не решалась её окликнуть. Совсем не потому, что боялась быть неузнанной, совсем нет! Я ревниво думала: вдруг Кинули не захочет отойти от мяса, не сразу подойдёт ко мне, не будет так ласкаться, как раньше?

И вот я стою перед клеткой, смотрю на большую жёлтую львицу, на два таких знакомых пятнышка около её носа и совсем тихо, шёпотом, зову Кинули. Кинули услышала меня сразу. Она перестала есть, насторожилась и долго, пристально смотрела на меня. Потом встала, сделала несколько нерешительных шагов в мою сторону и остановилась.

Тут уж я не вытерпела:

— Кинули! Кинули! Кошечка!

Но не успела я произнести эти слова, не успела просунуть к ней в клетку руки, как Кинули бросилась ко мне. Она с такой силой ударилась о решётку, что из носа и губ у неё пошла кровь. Но она не обращала внимания на боль, всё ласкалась и ласкалась ко мне. Больше часа пробыла я с Кинули. Уже в конторе меня нагнал служитель львятника.

— Вера Васильевна, к Кинули зайдите, — просил он, — она вся избилась, кричит. Я ей мясо дал, а она не ест, всё на двери смотрит.

Пришлось вернуться. Кинули действительно не ела. Она то металась по клетке, то вдруг останавливалась, билась о решётку, кричала. Около её клетки собрались посетители. Все ласково уговаривали её успокоиться, а больше всех старался тот самый мужчина, который рассказывал о Кинули.

Как только Кинули меня увидела, она бросилась сначала ко мне, потом к мясу. Схватила его в зубы и всё старалась просунуть мне сквозь решётку. Мне очень хотелось зайти в клетку и приласкать её, но сделать это было нельзя.

Позволили мне зайти к Кинули только через несколько дней и то с условием соблюдения всех предосторожностей. Для этого Кинули с утра перегнали в наружную клетку львятника. Приготовили крейцера, железные прутья, верёвочные петли, принесли резиновый шланг и включили воду.

Одним словом, когда в назначенный час я пришла, вокруг клетки лежали все приспособления, а Кинули металась по клетке и нервно рычала. Однако, увидев меня, она ласково, протяжно замяукала, и не успела я приоткрыть клетку, как Кинули рванулась ко мне. Больших усилий стоило мне удержаться на ногах, так бурно ласкалась Кинули.

Теперь уже никто не сомневался, что Кинули меня никогда не забудет, а больше всех была в этом уверена сама я.

Волчья воспитанница

В чужой клетке

В одной клетке сидела волчица, а в соседней — собака из породы овчарок.

Обе сидели в клетках, разделённых между собой решёткой, и у обеих скоро должны были родиться щенята. Родились они у них почти одновременно. Обе мамы заботливо ухаживали за своим потомством, и вот тут произошёл случай, о котором я хочу рассказать.

Однажды, когда овчарка с аппетитом грызла кость, один из её щенков, самый маленький и резвый, отполз в сторону. Он упорно кружился, пока не оказался около решётки в том месте, где прутья были чуть-чуть разогнуты. Но и этой щели оказалось достаточно, чтобы щенок протиснулся и очутился в клетке волчицы.

Служитель увидел это и хотел достать малыша. Он схватил металлическую клюшку, которой убирают клетки, просунул сквозь решётку и стал ею пододвигать к себе щенка. Всё это время волчица напряжённо вглядывалась в малыша. Несколько раз порывалась она кинуться к нему, но каждый раз привычный страх перед клюшкой останавливал её.

Щенок был почти у решётки, когда вдруг волчица вскочила и схватила его в зубы. Служитель испугался. Он думал, что волчица сейчас задушит щенка, и, стараясь спасти его, стал кричать, стучать клюшкой, чтобы заставить волчицу его бросить. Но волчица щенка не бросила. Она отнесла малыша в угол клетки и осторожно положила к волчатам.

Так и остался жить среди волчат щенок овчарки.

Маленький, юркий, чёрного цвета, он резко отличался от своих молочных братьев и сестёр, но хотя был много меньше их ростом, развивался гораздо скорей.

Он первый находил сосцы своей приёмной матери, первый начал вставать на ещё слабые лапки, первый начал есть мясо.

А когда волчата подросли и стали играть, он всегда отличался среди них своей ловкостью и смекалкой.

Рос он совсем диким. Так же как и волчата, забивался в угол клетки, если в клетку входил служитель, и молча скалил свои маленькие зубки, если к нему протягивалась рука человека.

Оправданная кличка

Волчатам исполнилось два с половиной месяца. Они почти перестали сосать свою мать, хорошо ели мясо. Вскоре их перевели на площадку молодняка, где находились лисята, медвежата, два козлёнка, динго и уссурийские еноты. Вместе с волчатами попал на площадку и щенок овчарки.

Служительница вынимала из корзинки присмиревших волчат, брала их по очереди за шиворот, внимательно осматривала и давала кличку. Записывала все их приметы в тетрадь и только после этого пускала волчат на площадку. Волчата покорно висели в её руках — большеголовые, с полуоткрытой пастью и поджатыми хвостиками. Выпущенные на свободу, они некоторое время лежали на земле, словно неживые, а потом поспешно улепётывали в укромный уголок.

Совсем не так повёл себя щенок овчарки. Не успела служительница взять его за шиворот, как он пронзительно взвизгнул, ловко извернулся и вцепился ей в руку. От неожиданности служительница его даже

уронила. Она хотела опять схватить его, но он быстро вскочил и помчался по площадке.

Служительница посмотрела вслед убежавшему щенку, потом вытерла кровь с руки и в графе тетради, где написано «кличка», вывела: «Куська». Эта кличка как нельзя лучше подошла к щенку. Сначала служители и дежурные пробовали приручить маленькую дикарку, но Куська упорно избегала людей и так сердито щёлкала зубами на того, кто хотел её погладить, что скоро все оставили её в покое.

В играх с остальными животными Куська с каждым днём проявляла всё больше ловкости и смекалки.

Она умела на всём бегу свернуть неожиданно в сторону и тут же напасть на преследователя, вывернуться из крепких объятий уже подросткового медвежонка и так окружить его нападением с разных сторон, что тот спешил спастись от неё на дерево. Нередко игра Куськи переходила в настоящую охоту. Она с таким азартом гонялась за животными, что приходилось вмешиваться дежурным.

Дежурные Куську не любили: из-за неё нельзя было ни на минуту отлучиться с площадки. Надо было постоянно следить за тем, чтобы она кого-нибудь не обидела. Пришлось даже убрать с площадки обоих козлят, которых она чуть не задушила. Три месяца терпели несносную собаку, но осенью, после того как она загрызла двух лисиц и сильно поранила медвежонка, решили от неё избавиться.

Несмотря на эти проделки, Куська мне нравилась. Она не была особенно красивой собакой, но её ловкость и подвижность очень меня привлекали. Интересная у неё была раскраска: всё тело чёрное, а лапы и подпалы на щеках рыжие. Эти подпалы делали её морду очень выразительной. Выражение злобы и радости сменялось у неё с удивительной быстротой. Когда она смеялась, то растягивала рот так, что подпалы уходили к самым

ушам, отчего глаза становились немного косыми и искрились весельем. Нравилась она мне и своим неукротимым характером.

Одним словом, когда я узнала, что от Куськи желают избавиться, то попросила отдать её мне. Нельзя сказать, чтобы мои домашние были особенно этому рады. Они много слышали о Куське и не очень-то хотели иметь её у себя.

Когда я пришла за Куськой, она бегала по площадке. Поймать её там было трудно, и поэтому решили заманить Куську в клетку. Открыли дверь и бросили туда мясо. Ничего не подозревая, Куська вошла туда сразу. Вошла за ней и я и быстро захлопнула дверь. Увидев незнакомого человека, да ещё так близко, Куська сначала в страхе заметалась по клетке, потом так же внезапно изменила своё поведение. Шерсть её поднялась дыбом, она вся сгорбилась и, оскалив зубы, медленно отошла в угол. Сначала я думала взять её лаской, но при первой же моей попытке её глаза сделались такими злыми, что от этого пришлось отказаться сразу. Тогда я взяла ремень и попробовала накинуть ей на шею петлю. В первый раз это удалось, но затянуть петлю я не успела. Куська ловко вывернулась и бросилась на меня. Она бросалась много раз, молча лязгая, как волк, зубами, в какой-то упорной злобе стараясь схватить меня за лицо. Но петлю на неё я всё же накинула. В какую она пришла ярость, когда почувствовала на своей шее ремень! С бешеным визгом рвалась она из петли, хватала зубами всё, что попадало на пути, потом вдруг вцепилась себе в бок, в лапу, рвала сама себя, как чужую. Чёрная блестящая шерсть Куськи окрасилась кровью, а она продолжала кататься по земле и всё кусала себя, кусала...

С большим трудом удалось мне схватить её за шиворот и прижать к земле. Потом так же быстро я

вытащила второй ремень, завязала ей морду и лапы. Теперь она лежала совсем беспомощная и только одни глаза её горели таким бешенством, что я невольно отвернулась. Но, несмотря на всё это, волчья воспитанница мне определённо нравилась.

Вместе с зоотехником вынесли мы Куську из клетки, положили в машину и поехали. Жила я в то время на Новой территории Зоопарка, в маленьком отдельном домике. Недалеко от него, около большого дерева, подготовила я место для Куськи, поставила ей конуру. Надела на Куську широкий, крепкий ошейник, пристегнула к длинной цепи, потом развязала лапы, морду и отошла подальше.

Освобождённая от ремней, Куська некоторое время лежала не шевелясь, потом вдруг вскочила и бросилась в сторону. Она так рванулась, что цепью её отбросило назад. Она опять вскочила, стала рваться, визжать, но вскоре угомонилась, забилась в конуру и весь день оттуда не вылезала. В этот день она не ела. А ночью было слышно, как она опять рвалась, визжала и долго по-волчьи выла. Утром, когда я вышла, Куська спряталась в домик. Корм её остался нетронутым, а кровавая пена на земле говорила о напрасной попытке перегрызть цепь.

Зверь становится собакой

Долго не могла к нам привыкнуть Куська.

Целыми днями лежала она в конуре и даже не трогала при ком-нибудь из нас корма. Ела, когда уходили. Осторожно оглядывалась, приближалась к миске, съедала и опять уходила на место. По ночам выла и никогда не лаяла. Чтобы она никого не покусала, я запретила всем домашним подходить к ней. Особенно детям. Меня очень интересовало, когда в этой волчье

воспитаннице пробудится собака. Ждать пришлось долго, и всё-таки я дождалась. Началось с того, что Куська перестала относиться равнодушно к моему уходу. Заметив, что я собираюсь идти, она настораживала уши, высовывалась из конуры, потом вылезала и внимательно смотрела мне вслед. Иногда я нарочно пряталась за угол дома. Постою немного и неожиданно выйду. Куська смущённо поджимала хвост и медленно отходила в сторону. Зато на моих детей, Толю и Люду, совсем не обращала внимания и, казалось, не отличала их от чужих детей.

Но это только казалось, потому что однажды она доказала обратное.

Мимо нашего дома проходили ребята. Один из них нёс мяч, другой, балуясь, выбил его у товарища из рук. Мяч отлетел в сторону и закатился в конуру к Куське. Ребята пробовали достать его палкой, но Куська с такой яростью вырвала её у них из рук, что от этого способа пришлось отказаться. Тогда они стали просить меня достать мяч. Я могла это сделать, вытащив собаку за цепь, но мне не хотелось нарушать доверие, которое она начала питать ко мне. Я уговорила ребят прийти на другой день и уже повернулась, чтобы уйти, когда увидела Люду. По-детски просто и смело подходила она к Куське. Я хотела крикнуть, броситься к ней, но было слишком поздно. Людочка уже нагнулась к мячу, и тоненькая шейка пятилетнего ребёнка была на уровне морды собаки-зверя. Словно загипнотизированная, стояла я, боясь шелохнуться. Малейший шум или движение с моей стороны могли побудить Куську броситься на Людочку. Вот Люда тянет к мячу ручонки... вот чуть-чуть отодвинулась Куська... вот Люда берёт мяч... взяла... отходит... отошла... Я хватаю её на руки и целую, целую без конца. И ещё мне хочется сделать что-нибудь приятное Куське за то, что она не тронула ребёнка. Я бегу домой. Прямо из супа достаю мясо и

хочу из рук дать Куське. Но Куська не подпускает меня ближе положенной границы, скалит зубы и предупреждающе рычит... Я положила мясо и ушла.

С этого дня я не стала запрещать детям подходить к Куське, а только просила не слишком к ней приближаться. Но Толя и Люда не послушались. Они стали широко пользоваться моим разрешением. Около Куськи — самое любимое место их игр. Люда строит там из песка куличики, домики, какие-то башенки. Куську это заметно интересует. Она вылезает из конуры, садится в сторонке и наблюдает за детьми.

Теперь Куська уже знает всю нашу семью. С каждым днём всё ближе и ближе разрешает мне подходить к ней. Иногда она даже сама делает попытку подойти ко мне, но мешает цепь. Малейший рывок или движение по-прежнему пугают её. Заметив это, я решаюсь Куську спустить. Меня все отговаривают, убеждают, что она уйдёт. Но какая-то уверенность говорит мне обратное. Я беру острый нож, привязываю его к палке и осторожно перерезаю ошейник. Тяжело вместе с цепью падает он на землю.

Куська свободна. Она может уйти. Уйти куда хочет, убежать совсем — теперь её ничто не держит. Но Куська не уходит. Она не уходит ни в этот, ни в следующие дни. Что-то её удерживает, и это «что-то» крепче цепи.

Каждое утро, когда я ухожу на работу, она провожает меня до выхода с территории. Каждый вечер выбегает навстречу. Она больше не спит у себя в конуре. Вырыла под крыльцом глубокую нору и ночует там. Воеет реже, и вскоре мы услышали её лай. Случилось это ночью. Ночами Куське нравилось рыскать по заброшенной территории парка, и как-то раз она наткнулась на сторожа. С поджатым хвостом, острой мордой и стоячими ушами, она всеми повадками напоминала волка. Так же как и волк, увидев человека,

бесшумной походкой ушла в темноту. Приняв её за убежавшего из клетки зверя, сторож пошёл за ней.

Куська трусливо уходила от него до тех пор, пока не поравнялась с нашим домом. Заметив свет, сторож подошёл к окну, и тогда... тогда Куська поступила совсем не по-волчьи. Внезапно повернувшись, бросилась она на человека. Вот тут-то мы и услышали её первый лай — отрывистый, прерываемый щёлканьем зубов. Сначала я не поверила своим ушам, но когда к лаю присоединились крики о помощи, поспешила выскочить.

Бедный сторож! Он с трудом отбивался от Куськи. А она, словно вьюн, вертелась вокруг него, стараясь схватить за ноги.

Я думала, что отогнать её будет трудно. Но оказалось совсем не так. Стоило мне окликнуть Куську, как она тут же перестала кидаться. Послушно отошла от сторожа и спокойно дала ему уйти.

Заметно интересовала Куську и наша жизнь. Если мы оставляли открытой дверь, она подходила, садилась у порога и подолгу внимательно следила за тем, что мы делали. Вечером, когда дверь была закрыта, она часто становилась передними лапами на подоконник и заглядывала в освещённую комнату.

Зато гладить себя разрешила Куська много позже. Случилось это после того, как меня несколько дней не было дома. Я нарочно не приходила домой, чтобы узнать, как отнесётся к моему отсутствию Куська. О том, что она делала и как себя вела, мне докладывал Толя. Он говорил, что Куська ко времени моего прихода бегает встречать меня к воротам территории, подолгу смотрит на улицу, выискивая меня среди прохожих, грустит и плохо ест. Пришла я днём, когда Куська не ждала. Она лежала около дома, но, увидев меня, бросилась навстречу. Я протянула руку, и Куська не отскочила, как раньше; она ткнулась в мою ладонь

носом и остановилась, неумело помахивая хвостом. Воспользовавшись доверием, я осторожно положила ей на голову руку и стала гладить. Сначала тихо, потом всё смелей, смелей гладила её чёрную атласную голову, до которой так долго мечтала дотронуться. Куська стояла не шевелясь. Как будто замерла она под моей рукой, потом вдруг вывернулась и, уже совсем как собака, стала ласкаться. Прыгала мне на грудь, виляла хвостом, лизала руки, лицо. Так из злого, недоверчивого зверя она стала собакой, верным другом человека.

Трудно представить собаку преданней Куськи. Я не могу назвать её особенно храброй. В ней оставалось ещё много дикости и звериной осторожности. Но когда ей казалось, что мне или детям грозит опасность, она смело бросалась на защиту.

Как-то раз я пришла на склад. Склад находился на Новой территории, близко от нашего домика, но Куська туда никогда не ходила. Пять огромных псов, охраняющих склад, были её постоянными врагами. Она проводила меня до калитки, осталась ждать, а я вошла внутрь. Но не успела я ступить во двор, как на меня бросились собаки. Увидев, что я в опасности, Куська смело ринулась в неравный бой. В одно мгновение пять огромных свирепых псов подмяли её под себя. В рычащей массе было трудно что-нибудь разобрать. С большим трудом удалось вместе с подоспевшим кладовщиком оттащить одну собаку. С другими справиться не могли. Каждый раз, когда их оттаскивали, они вырывались и снова бросались на Куську. Я думала, что они её задушат, но Куська дралась, как настоящий зверь.

Наседавшие со всех сторон собаки кусали её, но она им не уступала.

Первым вышел из боя молодой пёс, за ним последовали два других. Остался самый злобный и опытный в боях, по кличке Барсук. Куська была гораздо

меньше его ростом и возрастом. Однако, несмотря на это, она вовсе не собиралась уступать более сильному противнику. Без всяких попыток уклониться бросалась она на Барсука, хватала его за морду. Барсук остервенел. Он, наверно, загрыз бы Куську, но из прокусанного во многих местах носа шла кровь. Он много раз хватал Куську за горло, валил её, но тут же, захлёбываясь собственной кровью, отпускал. А Куська, полузадушенная, шатаясь от слабости, опять поднималась, шла на него и опять кусала за морду.

Не знавший себе равных в боях, Барсук отступил. Отступил, испуганный настойчивостью и хваткой этой непонятной ему собаки. А Куська! Куська с трудом подошла ко мне и сразу легла. Она лежала у моих ног такая искусанная, что, казалось, на её теле не было ни одного живого местечка. Я хотела взять Куську на руки, но её даже нельзя было нести. Тогда я осторожно помогла ей подняться на ноги и, тихонько поддерживая, отвела домой.

Долго проболела Куська, но этот случай не остановил её в другой раз так же энергично вступить за Толю.

Когда Куське исполнился год, её зарегистрировали в клубе служебного собаководства. В то время

регистрировали всех овчарок, а Куська хоть и была волчьей воспитанницей, но всё-таки овчаркой, и пришлось её записать.

Куську осмотрели и признали к дрессировке не годной. Уж очень в ней ещё много было звериного. Записали всё это в карточку, а мне дали справку, что от неё можно брать только щенят, а сама она мобилизации не подлежит. Но на беду, я эту справку потеряла. Поэтому, когда из питомника за Куськой пришли проводники, я напрасно их убеждала, что Куська никуда не годится и даже не умеет ходить на привязи.

— Не таких водили! — уверенно ответили они.

Когда я пристегнула к её ошейнику широкий, крепкий ремень, Куська стояла спокойно, но стоило взять ремень посторонним, как она заволновалась. Как только они потянули за собой Куську, тут-то и показала она свой характер! Сначала кинулась на державшего её человека. Но это были опытные люди, и они быстро утихомирили её буйный нрав. Тогда Куська стала вырываться. Она то бросалась из стороны в сторону, то ложилась на землю и ни за что не хотела идти. С большим трудом её вытащили на улицу, но и там Куська опять начала вырываться, визжать. Собралась толпа. Все жалели собаку, и когда её опять потащили, Куська вдруг вывернулась из ошейника и бросилась со всех ног домой.

Нужно ли говорить о том, как ругали её проводники! Теперь поймать Куську на огромной территории было почти невозможно. Однако в этот же день вечером они пришли за ней опять. На этот раз с ними была ещё собака, которую взяли специально для ловли. Куська лежала в конуре. Один из проводников быстро закрыл выход, а другой надел толстые рукавицы, которые не могла прокусить собака, оторвал крышку конуры и смело просунул туда руки. Получился маленький просвет, но и он оказался достаточным, чтобы этим

воспользовалась Куська: ведь недаром её воспитала волчица. Не успел человек наклониться над приподнятой крышкой, как Куська ринулась в это отверстие. Сильным ударом отшибла она ничем не сдерживаемую крышку, разбила в кровь лицо проводнику и, прежде чем тот опомнился, скрылась за поворотом.

Правда, за ней бросилась собака, но она вернулась очень скоро, вся искусанная беглянкой.

Раздосадованные неудачей, проводники решили не уходить без Куськи. В их практике ещё не попадались такие собаки, и они решили во что бы то ни стало её перехитрить. Они привязали в стороне свою собаку, потом у выхода из Куськиной конуры расставили петлю, спрятались за угол нашего домика и стали ждать. Ждали они очень долго. Уже давно пробило полночь, а они всё сидели и караулили собаку. Несколько раз я выходила сама и искала Куську, но Куськи не было. Я уже волновалась, что она пропала. А утром, когда озябшие и раздосадованные неудачей проводники ушли, сладко потягиваясь, вылезла из-под дома Куська, как раз позади того места, где караулили её люди.

И всё-таки через несколько дней её взяли. Она была на цепи и на этот раз уйти не могла. Её связали и увезли на машине. Сильно скучали мы без Куськи. Особенно Толя и Люда. А когда я пошла узнать, где она находится, мне сказали, что до места её не довезли. По дороге она перегрызла привязь, спрыгнула на ходу из вагона и ушла. Пожалели, что пропала, и добавили, что если найдётся, больше не возьмут.

Тогда я принялась за поиски. Ездила к той станции, около которой ушла Куська, расспрашивала местных жителей. Но никто не видел небольшой чёрной овчарки, никто ничего не мог о ней сказать.

Мы решили, что Куська пропала, как вдруг совсем неожиданно она вернулась сама. Худая, грязная, с

обрывками ремня на шее, пришла она домой. Откуда прибежала Куська, сколько прошла километров и как нашла свой дом, осталось неизвестным, но больше за ней никто не приходил, и Куська осталась жить в парке. Ночами она охраняла территорию, а днём спокойно спала в конуре. Так нашла своё место в жизни волчья воспитанница Куська.

Малышка

Самая смышлёная

Долгое время я работала в Зоопарке со львами, тиграми, но случилось так, что меня перевели работать в обезьянник.

Очень не хотелось мне там оставаться. Обезьян я совсем не знала и не любила. Стою перед клеткой с обезьянами резусами; их там целая стая — штук сорок — бегают. Смотрю и думаю: «Как же я их различать буду? Уж очень они друг на друга похожи. Одинаковые глаза, мордочки, руки и даже роста как будто одного». Но это мне только вначале так казалось, а как пригляделась к ним — вижу, что хоть и одной они породы, а друг на друга не похожи. У того, которого звали Вовкой, голова гладкая, словно причёсанная, не то что у Бобрика. У Бобрика вихры во все стороны торчат, ну совсем как у Стёпки-растрёпки.

Но больше всех отличалась Малышка. Из всех обезьян она была самая маленькая, оттого её так и прозвали. Мордочка у Малышки остренькая, а сама она ловкая, шустрая. Как войду я в клетку, все обезьяны разбегутся, а Малышка чуть-чуть отойдёт в сторону и поглядывает на моё решето, в котором я приносила фрукты.

Вот эту-то Малышку и решила я приручить. Нелёгкое это было дело.

Долго не решалась ко мне подойти трусишка. Стоило только к ней протянуть руку, как она быстро отскакивала и убегала. Но я терпеливо просиживала в клетке часами и время от времени бросала ей самые вкусные кусочки.

С каждым днём Малышка привыкала ко мне всё больше и больше: Не убегала, когда я подходила, а однажды так расхрабрилась, что чуть не вырвала у меня печенье, которое я хотела дать другой обезьяне. Как-то даже пыталась залезть ко мне в карман. Уже протянула руку, но тут же сама испугалась своей храбрости и удрала. С тех пор я стала нарочно класть сладости в карман. И делала это так, чтобы Малышка видела. Я уже знала, что она большая сластёна.

Обезьянка внимательно наблюдала, как я кладу в карман грушу или кусочек сахара, а потом вытягивала трубочкой ротик и жалобно кричала. И всё-таки в карман она залезть решилась. Чтобы не испугать воришку, я нарочно отвернулась, как будто ничего не

замечаю. А Малышка быстро вытащила у меня из кармана кусочек сахара и, воровато оглядываясь, на всякий случай уселась подальше.

После этого её робость как рукой сняло. Не успевала я войти в клетку, как она прыгала мне на плечо и устраивала настоящий обыск. Быстрые тонкие ручонки ловко обшаривали карманы. Ключи, деньги, платок — всё тащила Малышка. Один раз она даже утащила зеркальце. Забралась на самый верх и стала его разглядывать. Вертит во все стороны, смотрит, понять не может, куда же девается та, другая обезьянка, которую в зеркальце видно. И чего она только не делала, чтобы своё отражение поймать! За зеркало заглядывала, старалась руками схватить и даже пробовала укусить. Тут уж я испугалась: Малышка могла разбить стекло и порезаться. Хотела отнять зеркальце, да не тут-то было! Обезьянка бегала с ним по клетке и никак не хотела отдать. Пришлось звать на помощь тётю Полю.

Тётя Поля ухаживала за обезьянами давно, и они её слушались. Она вошла в клетку и погрозила Малышке щёткой. Щётки Малышка боялась и сразу бросила зеркальце.

Наказанная жадность

Как и все обезьяны, Малышка была очень жадная. Меня она совсем перестала бояться, и когда я входила в клетку с кормом, она щипала мне руки, если я давала не ей. А щипалась Малышка очень больно, и у меня руки часто были в синяках. Она не боялась даже Гришки.

Гришка — это тоже обезьяна. Но он был вожак. На воле многие обезьяны живут стаями; из них самая большая и сильная обезьяна бывает вожаком. Она охраняет от опасности всю стаю, защищает её. Своего

вожака обезьяны слушаются и боятся. Так и тут, в клетке, Гришку тоже слушались и боялись. Когда обезьян кормили, ни одна не смела раньше его взять корм. Все ждали, пока наестся Гришка. А Гришка неторопливо выбирал самое вкусное и, наевшись, медленно и важно взбирался на свою любимую полочку. Тогда, осторожно оглядываясь на него, слезали остальные обезьяны. Они торопливо совали себе за щёки всё, что попадало под руки, и спешили разбежаться по местам. Держал всех Гришка в страхе. Он мог безнаказанно бить и кусать обезьян, но другим драться не позволял. Горе тому, кто попытался бы обидеть обезьяну из его стаи! Тут уж Гришка не разбирал, какой враг был перед ним, и первый бросался на защиту. Зато когда Гришке было холодно, он собирал обезьян в кучу, заставлял их себя греть или искать у него блох.

Одна Малышка не слушалась Гришку. Она никогда не искала у него блох, не грела его, как остальные обезьяны. Ловкая и быстрая, она вовремя успевала убежать от опасности или, чувствуя во мне защитника, таскала у него из-под самого носа корм. Набивала за щёки орехи, яблоки и неуклюже ковыляла в сторону, чтобы поесть.

Долго терпел это Гришка. И вот однажды, когда Малышка, как всегда набрав корм, медленно взбиралась вверх, Гришка бросился на неё. От неожиданности у Малышки всё выпало из рук. Она взвизгнула, хотела бежать, но было поздно. Гришка крепко держал её за хвост, бил, кусал и царапал. Напрасно мы с тётёй Полей кричали на него, грозили щёткой, напрасно цеплялась руками, ногами за решётку и старалась вырваться Малышка — ничего не помогало. Гришка затащил её на самую верхушку клетки, всё отнял и даже вытащил тот кусок сахара, который она спрятала за щёку.

Так была наказана Малышка за свою жадность.

Резиновый товарищ

Кто-то бросил в клетку к обезьянам конфету. Конфета была крашеная, в бумажной обёртке. Малышка её съела и заболела. Целыми днями сидела Малышка на полочке, такая печальная: вся съёжилась, как будто замёрзла. Ввалились похудевшие бока, а всегда блестящая шёрстка стала тусклая, взъерошенная.

Теперь никто не прыгал ко мне на плечо, не щипал руки и не устраивал обыска.

Позвали врача. Врач внимательно осмотрел больную и прописал ей касторку и грелку на живот.

Касторку пришлось давать силой. Малышка никак не хотела её принимать, а с грелкой получилось ещё хуже. Четыре раза пробовали привязывать ей грелку на живот, и четыре раза сбрасывала её Малышка.

Тогда пришлось действовать хитростью.

Малышку перевели в такую тесную клетку, что она едва могла в ней поместиться, а на пол положили резиновый пузырь с горячей водой. Ой, как испугалась его Малышка! Он лежал перед ней, такой незнакомый, страшный, похожий на медузу.

От страха Малышка забилась в самый угол клетки и с ужасом в глазёнках следила за пузырьём. Так, не шевелясь, просидела она несколько часов. За это время мы несколько раз меняли воду, а Малышка всё боялась даже шевельнуться. Потом осторожно, не спуская глаз с пузыря, подошла ближе и тихонько тронула его рукой. Пузырь был приятно тёплый и не кусался. Тогда, осмелев, она прижалась к нему всем своим маленьким, худеньким тельцем, крепко обняла лапками и уснула.

С этого дня Малышка с пузырьём не расставалась. Придерживая его рукою около живота, перебегала с

ним с места на место и даже пыталась искать на нём блох. Блохи на пузыре, конечно, не водились, но искать их означает у обезьян самое большое расположение. А сколько трудов стоило отнять пузырь у Малышки, когда она поправилась! Обезьянка никак не хотела расставаться со своим резиновым другом. Она прижимала его к груди и так кричала, словно у неё отнимали детёныша.

Почти месяц прошёл после того, как Малышку вернули обратно к её подругам, но если проносили мимо клетки пузырь, она подбегала к решётке, вытягивала губки трубочкой и жалобно кричала.

Разоблачённая хитрость

Для отправки в другой зоопарк нужно было поймать обезьяну. Поезд отходил в этот же день вечером. Решено было отдать Малышку. Из всех обезьян она была самая ручная, и ловить её было легче, чем других. Но это только казалось, а на самом деле получилось совсем не так. Не успел зоотехник войти в клетку, как все обезьяны очутились наверху. Они хорошо знали зоотехника. Ему часто приходилось ловить обезьян, и они его прекрасно запомнили. Бывало, издали увидят и такой шум поднимут, что все сразу знают, кто идёт.

Увидев, что Малышку так просто не поймать, зоотехник решил взять её хитростью. Он надел тёти Полины кофту, юбку, покрыл голову платком и даже походку изменил, чтобы обезьяны его не узнали, и вошёл в клетку. Увидели его обезьяны — понять не могут: как будто на тётю Полю похож, а словно и не она. Крутятся вокруг, а подойти не решаются. Зоотехник кому грушу бросит, кому яблоко, а сам к Малышке подбирается. Яблоко ей протягивает.

Смотрю я на него, а у самой сердце замирает: «Поймает мою Малышку, обязательно поймает!» Только вижу — не поддаётся Малышка. К яблоку тянется, а сама так подозрительно на ноги зоотехника поглядывает. Смотрю я тоже и вижу — торчат из-под юбки большущие сапоги. Глядит на них Малышка.

Сапоги к ней шагнут ближе, а она от них отодвинется дальше. Отодвигается, а сама всё на сапоги смотрит. Смотрела, смотрела да вдруг как завизжит! В один миг все обезьяны очутились наверху.

Потом Гришка-вожак крикнул «кра», и все, как по команде, кинулись на зоотехника. В одну минуту был сорван платок, разорваны юбка и новая кофта тёти Поли. Напрасно пытался защищаться и отмахиваться зоотехник. Сорок пар ловких обезьяньих рук хватали и рвали одежду, щипали лицо.

На шум прибежала тётя Поля и кинулась на помощь зоотехнику. Но отбить его от разъярённых обезьян оказалось делом нелёгким: они никак не хотели расставаться со своей жертвой. С большим трудом, загоразивая руками лицо и голову, весь оборванный и исцарапанный, выскочил наконец зоотехник из клетки.

А обезьяны ещё долго не могли успокоиться, волновались, делали в его сторону угрожающие движения, кричали.

Вот как была разоблачена хитрость зоотехника и осталась в Зоопарке Малышка.

Побег

Когда наступали тёплые, солнечные дни, обезьян переводили из зимнего помещения в большую, просторную вольеру.

Целыми днями бегали по ней и гонялись друг за другом обезьяны. Словно акробаты, прыгали они с

трапеции на трапецию, ходили по туго натянутому канату, взбирались по гладкому шесту.

Одна Малышка не играла. Мы даже удивлялись: всегда такая весёлая, она сидела часами около решётки, смотрела на деревья, которые росли совсем рядом. Иногда ветер склонял какую-нибудь веточку чуть ближе, и тогда Малышка просовывала через решётку руку и старалась её достать. А потом опять сидела и часами смотрела на закрытую дверь. И вот однажды, когда тётя Поля чуть пошире открыла дверь, чтобы войти в клетку, Малышка ловко проскочила около служительницы и, прежде чем та успела вскрикнуть, очутилась на самой верхушке дерева. Напрасно её звала и манила самыми вкусными вещами тётя Поля. Напрасно плакала и просила слезть. Маленькая беглянка даже не повернула головы, а когда прибыла помощь в лице коменданта и его помощника, она ловко перепрыгнула с одного дерева на другое, перескочила через забор и быстро скрылась из виду.

Через несколько минут звонили по всем телефонам Зоопарка:

— Алло! У вас ушла обезьяна? Она на Пресне.

— Говорит милиция. Это ваша обезьяна скрылась в сторону Тишинской улицы?

Комендант Зоопарка не успевал класть трубку, как опять раздавались звонки: говорят с Георгиевской площади, с Больших Грузин, с Курбатовского... Одним словом, звонили со всех улиц, где пробегала Малышка.

Мы с тётей Полей бросились на поиски. Прибегаем к Курбатовскому переулку, смотрим — у дома стоит толпа, а Малышка по карнизу третьего этажа мечется.

Металась, металась да как прыгнет в открытое окно — только горшки с цветами посыпались.

Тут мы с тётей Полей скорей в этот дом кинулись. Бежим по лестнице, а навстречу из квартиры какая-то женщина выскочила. Сразу догадались мы, где наша

Малышка. Вошли в комнату, а там перепуганная обезьяна из угла в угол мечется. Насилу её поймали.

Завернули мы Малышку в халат, чтоб по дороге она не удрала, и скорей в Зоопарк побежали.

В Зоопарке посадили Малышку в прежнюю клетку. Как обрадовались обезьяны, когда увидели беглянку! Окружили её, ласкали и что-то лопотали на своём обезьяньем языке, а Малышка сидела на полочке и ела самое большое яблоко, которым её угостила тётя Поля.

Память зверя

Однажды к нам в Зоопарк привезли гепарда. До этого я ни разу не видела гепардов, а только читала о них в книгах... Читала, что это ловкий, красивый хищник. Что он хорошо привыкает к человеку и что его даже учат охотиться.

Когда транспортный ящик приставили к клетке и открыли дверцу, оттуда вышел пятнистый, похожий на леопарда, зверь. Впрочем, это было только первое впечатление. Приглядевшись, можно было увидеть его тонкие, стройные, как у борзой собаки, ноги и такое же стройное туловище.

Гепард вышел не спеша и сразу подошёл к поёнке. Долго и жадно лакал воду, потом, не притронувшись к мясу, не обнюхав новое помещение, улёгся в самый дальний угол клетки. Мне показалось это странным. Обычно зверь прежде всего знакомится с новым местом, а этот сразу лёг. Уж не болен ли он? К сожалению, мои опасения оказались не напрасны. Когда, утром пришёл служитель, гепард продолжал лежать на прежнем месте, а мясо так и осталось несъеденным.

Пришлось вызвать врача. Врач в Зоопарке был старый и опытный. Много разных зверей прошло через его руки, многих вылечил он. А ведь лечить дикого зверя совсем не легко. Вот и сейчас надо осмотреть гепарда, выслушать его, а он лежит и даже не приподнимается. Однако по тому, как тяжело и порывисто вздымались бока зверя, врач предполагал, что он простудился в дороге и у него воспаление лёгких.

Надо было срочно дать больному лекарство, но и это оказалось не просто. Пищу зверь не принимал, а когда ему подмешали лекарство в воду, не стал и пить.

Гепард слабел с каждым днём. Глаза у него ввалились, шерсть взъерошилась, а когда он вставал, то было видно, как от слабости дрожали его лапы.

Около больного зверя дежурили круглые сутки. На ночь ставили к решётке электрический обогреватель, чтобы согреть зверя, и по многу раз предлагали ему то еду, то питьё. Воду гепард пил, а от еды продолжал отказываться. Такая продолжительная голодовка беспокоила и нас — работников секции и, конечно, врача.

— Надо что-то предпринять, — сказал однажды он. — Зверь погибнет, если его не накормить.

Накормить! Легко сказать — накормить больного зверя! Уж кто-кто, а я-то хорошо знала, как это трудно.

Попробуйте что-нибудь дать, если он не только не ест, но даже не встаёт. А когда ему подносили мясо к самой пасти, отворачивался и всё равно не ел.

Мне было очень жаль гепарда. Ведь действительно, если не принять какие-то меры, он может погибнуть. И тут мне пришла в голову мысль: а что, если просто войти в клетку и попробовать его покормить из рук. Когда я поделилась своими мыслями с врачом, он только замахал руками:

— Что вы, что вы, разве можно так рисковать!

Напрасно я убеждала, что риска никакого нет. Да и какой риск, если гепард так ослаб, что еле держится на ногах. И вообще, по всему его поведению видно, что он совсем не дикий и не злобный. К тому же я совсем не собиралась заходить к нему, не предохранив себя от возможной опасности.

Однако все мои доводы оказались напрасны. Зайти в клетку больного зверя мне не позволили. Тогда я решила действовать самостоятельно — ведь, в конце концов, я была заведующей секцией и могла поступить так, как считала нужным.

Но это совсем не значило, что я действовала опрометчиво. Совсем нет. Прежде всего я позвонила в зооцентр, откуда к нам прибыл гепард. Там я узнала, что он прислан для цирка и у нас находится временно. Значит, я не ошиблась, что зверь почти наверняка ручной. Правда, и ручного хищника, который меняет хозяина, надо прежде узнать, надо с ним познакомиться. Но вот на это «познакомиться» у меня и не было времени. Его заменяло какое-то внутреннее убеждение, что зверь меня не тронет.

Этому внутреннему чувству я очень верила. И нужно сказать, что за многие годы работы со зверями оно меня ни разу не обмануло. И всё-таки, когда наконец все ушли, я, прежде чем войти в клетку к гепарду, сделала некоторые приготовления. Просунула в клетку шланг и

положила его так, чтобы в нужный момент он оказался под руками. Потомпустила небольшую струю воды и, направив её в сторону стока, вошла в клетку.

Гепард повернул в мою сторону голову, но не попытался встать. Он даже не приподнялся, когда я подошла к нему вплотную. Присев рядом, я ровным, спокойным движением взяла из миски кусочек мяса и поднесла к самой морде зверя. Гепард чуть-чуть оскалил зубы и отвернулся. Однако по тому, как он это сделал, я поняла, что он не злится, а просит оставить его в покое. Но оставить его в покое было нельзя. Так же спокойно я предложила ему опять мясо, теперь уже с яйцом, потом просто яйцо, потом мясо с молоком. Гепард от всего отказался и только в одном случае провёл языком по моей руке, случайно смоченной молоком.

Уловив это движение, я тут же обмакнула в молоко руку и поднесла к гепарду, но он понюхал и отвернулся. Ага, догадалась! Значит, он хочет пить не молоко, а воду. Надо этим воспользоваться. Я обмакнула в воде кусочек мяса и предложила его гепарду. На этот раз он не отвернулся. С жадностью стал он слизывать воду и как-то незаметно для себя проглотил этот маленький кусочек мяса. Следующий кусочек я тоже обмакнула в воду, и гепард тоже его съел. Так он проглотил их несколько, потом тяжело вздохнул, устало опустил голову на лапы и закрыл глаза. Осторожно, но уверенно я положила руку на его голову. Гепард вздрогнул, чуть приоткрыл глаза и закрыл снова. Значит, доверяет. На первый раз достаточно.

Хотя внутри у меня от этой маленькой победы всё пело и ликовало, из клетки я вышла так же сдержанно и спокойно, как и вошла. Зверь, даже ручной, не любит резких и порывистых движений, особенно если человек ему ещё незнаком. Но стоило мне очутиться вне клетки, как уже, не сдерживая своей радости, я помчалась на

ветеринарный пункт. Было уже поздно, но я всё же надеялась кого-нибудь там застать.

Я не ошиблась. Наш милый, старый доктор Айболит, ну конечно, он здесь! Здесь, со своим неизменным и таким же старым чемоданчиком. Сколько переработанных часов! Сколько бессонных ночей, проведённых в Зоопарке! Вот и сейчас стрелка часов подо двенадцати ночи, а Владимир Петрович ещё здесь и, если понадобится, останется до утра.

— Ест! Ест! Ест! — без передышки выпалила я, вбегая в кабинет.

— Кто ест? Что ест? — ворчливо спрашивает доктор.

Он уже привык к таким бурным вторжениям и относится к ним с добродушным спокойствием. Узнав же, что ест гепард, вскочил, зачем-то спрятал, а потом надел очки и поспешил за мной.

Как приятно делиться радостью с человеком, который тебя понимает. Мы стоим около клетки гепарда, и я рассказываю подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи. Владимир Петрович слушает внимательно, не перебивая. Все эти маленькие подробности ему нужны. Нужны, чтобы лучше обдумать, как лечить четвероногого пациента. Потом он лезет в чемоданчик, достаёт какие-то порошки и протягивает их мне.

— Надо постараться дать их гепарду не реже трёх раз в день, — говорит он, — Перед этим не поить. Ну, а как давать, знаете?

Знаю ли? Конечно, да. Нужно снять с мяса плёнку, завернуть в неё порошок, а полученную капсулу вложить в кусочек мяса и дать зверю. Не давать перед этим пить — тоже знаю почему. Ведь съел же гепард смоченное водою мясо, ну и опять съест, только уже с лекарством.

Утром я снова вошла в клетку к гепарду. Он встречает меня как знакомую. Не вздрагивает, когда я кладу на его голову руку, осторожно берёт мясо и съедает несколько кусочков. Среди них и тот, с лекарством, которое дал врач. Теперь можно надеяться, что зверь поправится. И действительно, как только гепард начал есть, его глаза вскоре оживились, заблестели. А однажды, когда я зашла в клетку с очередной порцией мяса, он вдруг поднялся со своего места и пошёл мне навстречу.

От такой неожиданности я чуть не выронила миску, но вовремя опомнилась. Показать зверю свою растерянность опасно. Словно ничего не произошло, я присела на корточки и протянула гепарду мясо. Гепард, как и прежде, взял из рук кусочек мяса и потянулся за другим.

Он съел почти всю порцию. Потом облизнулся и, словно кошка, громко мурлыча, стал тереться о мои ноги. Не скоро ушла я в этот день из клетки, уж очень не хотелось расставаться с ласковым зверем. Он уже улёгся, а я ещё долго сидела рядом и гладила его бока, такие исхудавшие за время болезни.

После этого раза я уже совсем смело заходила в клетку к гепарду. Мне очень нравился этот ласковый, приветливый зверь. Да и он тоже привык ко мне. Бывало, ещё издали увидит меня или услышит мой голос, сразу бросается к решётке. Прижмётся лбом к прутьям и следит за мной — подойду к нему или нет.

Назвали гепарда Люкс. Эту кличку ему дали потому, что так его назвал служитель. Да и гепард на неё откликался.

Когда Люкс окончательно поправился, его решили перевести из клетки в комнату. Особенно на этом настаивал врач. Время было зимнее, а помещение, где находился гепард, посещала публика. Дверь постоянно открывалась, и ослабевший зверь мог заболеть снова.

Поместили гепарда в одну из свободных комнат попугайника. Комната была тесноватая, но зато тёплая и светлая. Ухаживать за Люксом пришлось мне. Перегона в комнате не было, а ко мне он так привык, что я ходила к нему без опаски.

В этой комнате Люкс прожил всю зиму и всю весну. Наступило лето, и вот, когда я уже надеялась, что гепард останется в Зоопарке, за ним вдруг приехали из цирка. Напрасно директор, врач и я уговаривали оставить гепарда в Зоопарке. Никакие наши уговоры не помогли: ручной, ласковый зверь был нужен и дрессировщику.

Тяжело было мне расставаться со своим любимцем, но делать нечего. Еле сдерживая слёзы, я сама посадила гепарда в транспортную клетку. Зверь, очевидно, почувствовал разлуку. Крепко, как никогда, прижался он головою к моим рукам, долго лизал их, потом вскочил и нервно заметался по тесной клетке.

Но вот несколько человек подняли клетку и поставили ее на грузовик. Машина как бы предупреждающе фыркнула и медленно тронулась. Она уже скрылась за воротами, а я всё стояла и смотрела ей вслед. Как-то не верилось, что это разлука. Казалось, что обязательно встретимся — ведь бывает же так!

Однако, сколько я потом ни читала афиши цирка, сколько ни была там, надеясь увидеть в выступлениях гепарда, — всё было напрасно.

Прошло четыре года. И вот однажды я узнала, что в Зоопарк привезли для киносъёмки зверей из цирка, и пошла их посмотреть.

Одни животные находились в транспортных клетках, другие были помещены в свободное здание, где зимою находились животные. Около транспортных клеток стояла женщина.

— Что, нашими зверьями интересуетесь? — спросила она, а узнав, что я сотрудница Зоопарка, добавила: — У

нас ещё гепард есть, только он после болезни ослеп. Вот и держим его отдельно. В доме сидит. Хотите, покажу?

Гепард! Неужели Люкс? Я быстро вошла в помещение. Там в одной из клеток лежал и ел мясо гепард. До этого мне казалось, что если я увижу Люкса, то обязательно узнаю. А вот теперь стояла и мучительно думала — он это или не он. Видно, за четыре года в моей памяти стёрлось «лицо» зверя, и сколько я ни вглядывалась, вспомнить его не могла.

— Скажите, — наконец обратилась я к служительнице, — его зовут Люкс?

— Каем зовут, — охотно ответила служительница.

Кай! Значит, не он. Я хотела уже отойти, но тут вдруг заметила, что гепард перестал есть и как-то напряжённо прислушивается. Потом нервно и резко мяукнул и замолчал, глядя куда-то мимо меня. Я обернулась. Сзади никого не было.

— Что это он так смотрит? — спросила я.

— Да кто его знает. Слепой, а словно зрячий на вас уставился.

Действительно, слепой зверь определённо «смотрел» на меня. Но почему? Неужели...

— Люкс! Люкс! — позвала я.

Гепард вскочил и бросился к решётке.

— Не Люкс, а Кай, — поправила меня служительница.

Но я уже знаю, что это Люкс, и открываю дверь клетки.

— Осторожно! Что вы... укусит!.. — кричит служительница.

Но я не слушаю. Не успеваю сделать и нескольких шагов, как гепард уже тычется слепой мордой, стараясь нащупать мои руки. Но вот нашёл, прижался всей головой и замер. Молчит изумлённая служительница. Молчу и я. Да и что говорить!

Так через четыре года разлуки, с другой кличкой и ослепший, узнал меня зверь.

Фомка — белый медвежонок

Четвероногий пассажир

Попал Фомка в Москву не поездом, не пароходом, а прилетел на самолёте. Маршрут его: остров Котельный — Москва. Управлял этим самолётом знатный лётчик Илья Павлович Мазурук. Это ему, Илье Павловичу, преподнесли жители острова Котельного такой подарок, и экипаж самолёта решил взять его с собой в Москву.

Фомку — так звали медвежонок — поместили на самолёте в ящике. Ящик сколотили большой, крепкий, затянули одну сторону сеткой. Сначала Фомка сидел в нём очень спокойно. Но не успел самолёт оторваться от земли, как Фомка вцепился в сетку, стал рвать её зубами, лапами и поднял такой крик, что даже шум мотора не мог его заглушить.

Напрасно пробовали успокоить крикуна. Напрасно совали ему в клетку тюленьё мясо, рыбий жир и другие медвежьё лакомства. Медвежонок охрип от крика, но по-прежнему продолжал орать. Тогда решили его выпустить и открыли клетку.

Осторожно, как будто кругом его поджидала опасность, вышел из неё Фомка. Насторожённо оглядываясь по сторонам, обошёл он кабину, всё обнюхал, всё осмотрел, потом влез на широкое кожаное кресло и с любопытством стал смотреть в окно. Кожаное кресло стало его любимым местом. На нём Фомка спал, ел и проводил почти всё время. На остановках его выпускали погулять. Фомка уже понимал, когда приземляется самолёт, соскакивал с кресла и занимал место около двери. А как он спешил

выскочить, когда открывали её! Кубарем скатывался он с крутой лесенки на землю, и вот тут-то начинались его игры. Фомка без удержу катался по траве, переворачивался на спину, на живот или ловил свою заднюю лапу, обхватывал её и боролся сам с собой.

Он возился с таким азартом, что даже не замечал собравшихся вокруг людей. Но как бы он ни был занят, как бы ни был увлечён игрой, стоило кому-нибудь крикнуть: «На самолёт!» — или зашуметь пропеллеру, как Фомка моментально прекращал игру и во всю свою медвежью прыть мчался к самолёту.

Он так смешно и неуклюже карабкался по лесенке, так спешил попасть первым в кабину, что можно было подумать, что он боится отстать. Так прилетел в Москву белый полярный медвежонок Фомка.

В Москве Илья Павлович решил подержать его у себя на квартире. Да не тут-то было! Представьте себе белого полярного мишку, одетого в тёплую шубу. Такую тёплую, что искупаться в самый лютый мороз для него одно удовольствие. И живёт этот мишка не на Дальнем Севере, среди простора вечных льдов, а в самом центре Москвы, в квартире, в тепло натопленных комнатах.

От жары Фомка не находил себе места. Одно спасение — ванная. Налют ему полную ванну воды, залезет он в неё, барахтается, ныряет, лапами по воде шлёпает.

От медвежьего купания только брызги во все стороны летят и на полу — лужи.

Накупается Фомка, вылезет и начнёт по натёртому полу, словно по льду, кататься. А то ещё на диван или на постель мокрый залезет. Никакого сладу с ним нет. Терпел Илья Павлович, терпел, потом уж сил совсем не стало. Позвонил он в Зоопарк и стал просить, чтобы медвежонок забрали: «Приезжайте! Выручайте! Не умеет белый медведь себя в квартире вести».

За Фомкой послали меня.

Когда я приехала, Фомка спал. Он лежал на полу, посередине большого кабинета. Все четыре лапы его были раскинуты в разные стороны, и он был похож на маленький коврик.

Спал Фомка так крепко, что даже не проснулся, когда я взяла его на руки.

Очнулся он уже внизу, на улице, от крика какой-то старушки:

— Батюшки! Да, никак, медведя тащат!

Фомка рывкнул, вырвался и... бросился в стоявший около тротуара чей-то автомобиль. Наверно, он его принял за самолёт. Схватился за дверцу лапами, дёргает, а там пассажиры сидят. Увидели они — белый медведь к ним лезет, перепугались, в другую дверцу выскочили и стали кричать. Тут Фомка ещё больше испугался. Как заревёт! Да за ручку как дёрнет! Не выдержала дверца напора, открылась. Я и ахнуть не успела, как он уже в машине, на сиденье, очутился. Сел и успокоился сразу. Фомка-то успокоился, а владельцы машины ещё больше кричат, ругаются, медведя убрать требуют. Легко сказать — убрать, если он из машины вылезать не хочет. Я его тащу, а он упирается, кричит, царапается.

На шум прибежал милиционер. Внимательно всё выслушал и неожиданно сказал:

— А вы, граждане, чем тут шум поднимать, лучше помогли бы до Зоопарка зверя доставить!

Слова милиционера подействовали. Хозяева машины успокоились и даже любезно предложили мне свою машину, а сами согласились ехать в нашей, зоопарковской. Однако пришлось поменяться не только машинами, но и шофёрами, потому что их шофёр ни за что не соглашался ехать с медведем.

Всю дорогу Фомка сидел спокойно и внимательно глядел в окно, а прохожие останавливались, подолгу

смотрели нам вслед и удивлялись, откуда это белый медведь в машине взялся.

До Зоопарка мы доехали благополучно. Правда, Фомка никак не хотел вылезать из машины, но тут к нам на помощь пришёл зоотехник. Выбрав удобный момент, он схватил Фомку за шиворот и, прежде чем тот успел опомниться, водворил его в клетку.

Секрет болезни

На новом месте Фомка ничуть не смутился. Обошёл клетку, обнюхал её, залез в домик и сразу уснул. Пока Фомка спал, служительница молодняка тётя Катя старательно готовила ему угощение. У нас ни разу не было на площадке белого медвежонка, и нам всем хотелось его накормить повкусней.

Наконец договорились сделать молочную кашу и дать кусок тюленьего жира, а тётя Катя ещё решила добавить от себя морковь и яблоко.

Одним словом, когда всё было готово, Фомка уже проснулся. Нужно было видеть, с какой гордостью мы несли ему первый обед! Впереди шла практикантка Липа и несла кашу, за ней важно шагала с морковкой и яблоками тётя Катя, последней шла я и несла тюлений жир, который имеет такой ужасный запах, что пришлось свободной рукой затыкать себе нос.

Первой вошла в клетку Липа. Она ещё не успела поставить миску с кашей, как Фомка перевернул её, понюхал и тут же подбежал к тёте Кате. Тётя Катя выложила перед ним морковь и яблоко и откуда-то из кармана ещё достала печенье. Но Фомка и на эти лакомства не обратил внимания. Он уже стоял около решётки и жадно смотрел на меня. Я открыла дверь, и тюлений жир, словно большая медуза, шлёпнулся к ногам медвежонка. Липа, тётя Катя и я — все думали,

что теперь-то Фомка наверное будет есть. Однако наши надежды не оправдались. Медвежонок жадно схватил тюлений жир и тут же его выбросил. Тогда мы принесли ему из кормовой всё, что было приготовлено для других зверей, принесли всё без разбора и поставили перед Фомкой.

Но не помогло и это. Фомка всё нюхал, переворачивал и ничего не ел. Сначала мы решили, что он просто сыт, но когда к вечеру он во весь голос заорал от голода и по-прежнему отказывался от пищи, пригласили врача. Пришёл врач. Он хотел осмотреть медвежонка, но тот так кричал, так бушевал, что заходить к нему врач не решился, да и на больного он совсем не был похож. Все были в недоумении от такого поведения медвежонка и решили подождать до следующего дня.

Всю ночь орал и бесновался Фомка, а утром опять не стал есть. Пришлось ехать к Илье Павловичу. Кто знает, может быть, Фомка не ест потому, что скучает по своему хозяину?

Илья Павлович принял меня очень приветливо. Он так расспрашивал о своём питомце, что мне даже не хотелось его сразу огорчать. Но сказать о том, что Фомка не ест, всё же пришлось. Илья Павлович внимательно всё выслушал и вдруг совсем неожиданно рассмеялся. В это время зазвонил телефон. Илья Павлович взял трубку — его куда-то срочно вызывали. Обещав зайти в Зоопарк, он уехал.

Своё слово Илья Павлович сдержал. Приехал он в этот же день к вечеру. В руках он держал небольшой чемоданчик и прямо с ним пришёл к клетке Фомки. Что было в чемоданчике, мы не знали. Илья Павлович поставил его около себя, сказал, что будет сейчас лечить Фомку, и вынул из кармана большой складной нож. Нас это очень удивило, и мы даже спросили у Ильи Павловича, зачем ему нож и не лучше ли позвать врача.

Но Илья Павлович только загадочно усмехнулся, открыл чемоданчик и вынул оттуда банку, на которой было написано: «Сгущённое молоко». Илья Павлович открыл её ножом и дал Фомке. Фомка жадно схватил её передними лапами и своим длинным красным язычком так старательно вылакал молоко и облизал всю банку, что она стала блестеть, как начищенная.

Пока Фомка ел, Илья Павлович объяснил нам секрет его «болезни». Секрет заключался в том, что медвежонка кормили на самолёте только сгущённым молоком, и он так к нему привык, что отказывался от другой пищи.

Больших трудов стоило потом нам отучить Фомку от этого лакомства. Он упорно от всего отказывался, капризничал, и чтобы заставить его поесть, приходилось ко всему добавлять сгущённое молоко. Добавляли в кашу, в суп и даже в рыбий жир. Так постепенно приучали мы Фомку к другой пище, вылечили от его «болезни» и перевели на обычную для белого медведя еду.

Фомка знакомится...

Вскоре мы стали выпускать Фомку на площадку молодняка. Сначала выпускали одного, но Фомка один не играл. Он слонялся из угла в угол и жалобно хныкал от скуки. Тогда мы решили, познакомить его с другими зверятами. Выпустили на площадку лисиц, медвежат, волчат, енотов. Когда все звери разыгрались, пустили к ним Фомку.

Фомка вышел из клетки так, как будто никого не видел, но по тому, как он сопел, как низко опустил голову и смотрел исподлобья своими маленькими глазками, было видно, что он всё и всех замечает.

Зверята тоже увидели его сразу, но отнеслись к нему каждый по-своему: волчата поджали хвосты и, осторожно оглядываясь, отошли в сторону, у енотов вся шерсть поднялась дыбом, отчего они стали похожими на большие шары, а барсучата бросились в разные стороны и мгновенно скрылись из виду. Но больше всех испугались бурые медвежата. Как по команде, встали они на задние лапы, вытаращили глазёнки и долго удивлённо смотрели на незнакомого им белого мишку. А когда он направился в их сторону, они от ужаса рывкнули и, сшибая друг друга с ног, полезли на самую верхушку дерева.

Самыми храбрыми оказались лисята и динго. Они вертелись около самой морды медвежонка, но каждый раз, когда он пытался кого-нибудь поймать, ловко увёртывались.

Одним словом, на площадке, где было столько зверят, Фомка опять остался один.

Тогда мы выпустили тигрёнка. Звали его Сиротка. Назвали его так потому, что он вырос без матери.

Зверята боялись сильной, когтистой лапы Сиротки и избегали её. Но разве мог это знать Фомка? Не успели мы выпустить Сиротку, как он сразу побежал к ней. Сиротка зашипела на незнакомца и предостерегающе подняла лапу. Но не понял тигриного языка медвежонок. Подошёл ближе и в следующую секунду получил такую затрещину, что едва устоял на-ногах.

Такой предательский удар привёл Фомку в ярость. Низко опустив голову, с рёвом ринулся он на обидчика.

Когда мы прибежали на шум, трудно было разобрать, где тигрёнок и где медвежонок. Оба крепко вцепились друг в друга, рыча катались по земле, и только белая и рыжая шерсть летела клочьями во все стороны. С большим трудом удалось нам разнять драчунов. Рассадили их по клеткам и только через несколько дней решились выпустить опять.

На всякий случай теперь за ними следили, но наши опасения оказались напрасными. Померившись силами, они стали с большим уважением относиться друг к другу. Фомка не подходил к Сиротке, а Сиротка не замахивалась на него лапой, когда он проходил мимо.

По-иному отнеслись к Фомке и другие зверята. Бурые медвежата лезли к нему бороться, а волчата и енотки больше не убегали. И всё-таки Фомке было с ними неинтересно. Он охотно гонялся за лисятами и динго, боролся с медвежатами, но было видно, насколько он всех сильнее и как легко ему даётся победа. Фомке же хотелось помериться силою с равным противником, а таким противником была только Сиротка. Она тоже заметно интересовалась Фомкой.

Знакомились они друг с другом постепенно, в игре, а недели через две уже были настоящими друзьями.

Целые дни проводили они вместе. Интересно было наблюдать за их играми. Сиротке нравилось прятаться, а потом неожиданно нападать. Бывало, идёт Фомка, а она выпрыгнет, схватит медвежонка за шиворот,

трепанёт его раз-другой — и бежать. А Фомка наоборот — любил побороться. Обхватит тигрёнка лапами, прижмёт к себе и на обе лопатки положить старается. Трудно вырваться из медвежьих объятий, да не сдаётся полосатый хищник: упрётся лапами в живот Фомке, от себя оттолкнуть пытается. Много народу собиралось тогда у площадки. Находились такие любители, которые специально приходили смотреть их борьбу.

Обыкновенно борьба кончалась вничью. Но как-то раз Сиротка так надоела неповоротливому медвежонку, что он залез от неё в воду. Сидит Фомка, прохлаждается, а Сиротка вокруг ходит, достать не может. Долго ходила она так, потом не выдержала да как прыгнет! Промаяхнулась и в воду шлёпнулась. Вот тут-то и задал ей трёпку Фомка. В воде он оказался куда поворотливей тигра. В одну минуту подмял под себя и так возил под водою, что чуть не утопил. Вся намокшая и перепуганная, с трудом вырвалась из медвежьих объятий Сиротка и позорно бежала в свою клетку. После этого Сиротка уже опасалась подходить к бассейну, когда там сидел Фомка, и даже пить воду уходила в другое место.

Однако этот случай ничуть не помешал их дружбе, и они по-прежнему большую часть дня проводили в играх.

Фомка становится опасным

К осени Фомка так вырос, что в нём с трудом можно было узнать прежнего медвежонка. Правда, с животными на площадке он, как и раньше, уживался хорошо, не обижал слабых и дружил с Сироткой, зато с людьми стал вести себя много хуже. Раньше слушался, а теперь не позволял собой распоряжаться даже тёте Кате.

Бедная тётя Катя! Ей приходилось пускаться на всякие хитрости, чтобы заставить зайти Фомку в клетку, если ему не хотелось этого делать.

Обычно весь молодняк заманивали в клетку на корм. Положат что-нибудь съедобное, и они сразу вбегут. Но Фомку кормом не соблазнишь. Его живот был всегда набит пищей, как барабан. Ему давали подачки за каждый пустяк: за то, чтобы он не подходил к барьеру, чтобы не мешал убирать площадку, и, наконец, просто за то, чтобы не кусался. Чуть только глянет Фомка не так, ему сразу суют что-нибудь вкусное. Одним словом, за каждый пустяк с Фомкой расплачивались пищей, и к концу дня он так наедался, что не шёл в клетку за самым лучшим лакомством.

И чего только не делала тогда тётя Катя, чтобы заманить Фомку! Подолгу упрашивала упряма, старалась чем-нибудь его заинтересовать. Фомка оказался очень любопытным медвежонком. Стоило ему увидеть незнакомую вещь, как он спешил подойти ближе, получше её рассмотреть.

Заметив у Фомки эту слабость, тётя Катя стала ею пользоваться. Она заходила в клетку, клала на пол косынку, жакет или что-нибудь ещё. Делала вид, что разглядывает что-то интересное, трогала, брала в руки. Иногда ей приходилось делать это довольно долго, смотря по настроению Фомки. А иногда он заходил быстро. Тогда тётя Катя ловко выдёргивала у него из-под носа приманку, исчезала из клетки и быстро захлопывала дверь. Но не всегда всё проходило благополучно. Случалось и так, что тётя Катя не успевала выдернуть приманку, и тогда Фомка расправлялся с ней по-своему.

Однако умный Фомка скоро разгадал эту хитрость. С каждым днём всё труднее и труднее было справиться с подраставшим медвежонком. А после того как он сильно искусал дежурную, было решено перевести его

на Остров зверей. Жалко нам было расставаться с Фомкой, но ничего не поделаешь — слишком он стал опасным для людей на площадке.

На Острове зверей был свободный загон с большим, глубоким водоёмом. Было где побегать, поиграть, искупаться. Вот в него-то и поместили Фомку.

Когда Фомка очутился один на новом месте, он страшно испугался. Метался по загону, жалобно кричал и всё искал, где бы вылезть. Но вылезть было негде. Тогда Фомка забился в угол и ни за что не хотел выйти даже за кормом. После площадки, где он находился среди стольких зверей, тут ему было одному очень скучно. Он слонялся по всему загону и совсем перестал играть. Но недолго скучал Фомка. Скоро привезли в Зоопарк ещё одного медвежонка, Машку, и пустили её к Фомке. Она была много меньше Фомки, но он её не тронул. Ласково пофыркивая, обнюхал он Машку, и они уже вместе полезли в воду. Весь день они купались и играли, а к вечеру медвежата крепко уснули, обняв друг друга лапами.

Фомка успокоился, перестал скучать. Ему жилось очень весело со своей подругой — белым медвежонком Машкой.

Ная-выдрёнок

Маленький приёмш

Ная — это выдрёнок. Туловище у Наи длинное и гибкое, словно без костей; головка приплюснутая, похожа на змеиную, и маленькие, как бусинки, глаза. Если разбирать по отдельности, Ная могла показаться просто уродкой, но, покрытая пушистой шёрсткой, она была такая хорошенькая, что каждому хотелось её приласкать.

Взяла я Наю совсем маленьким выдрёнком. Много возни с таким малышом: нужно кормить его и днём и ночью, а если он озябнет, согреть его — класть рядом бутылку с горячей водой. В это время я была в отпуску и жила на даче под Москвой, Ная мне очень понравилась, и я решила взять её к себе на воспитание.

В тот же день со своим новым питомцем ехала я на дачу,

В вагоне было очень тесно. Я с трудом нашла свободное место и села. Выдрёнок лежал в корзинке и, свернувшись клубочком, крепко спал. Я поставила корзинку рядом с собой и задремала. Проснулась я от резкого свиста. Сидящая рядом со мной пассажирка с криком шарахнулась в сторону. Вся публика в вагоне обернулась. В чём дело, сообразила я только после второго свиста. Причиной переполоха оказалась маленькая Ная. Ей надоело сидеть в тесной корзине, и, выскочив оттуда, она призывным свистом звала свою мать.

Сунув обратно выдрёнка, я перешла в соседний вагон, и остальную часть пути мы уже проехали благополучно.

Дома больше всех обрадовался Нае мой сынишка Толя. Он где-то читал о том, как хорошо плавает и ловит рыбу выдра, и вот теперь у него есть настоящая маленькая выдра; он уверял нас, что когда Ная вырастет, она обязательно будет ловить ему рыбу.

Толя взялся ухаживать за ней сам. В углу около своей постели приготовил он для Наи тёплое, удобное гнёздышко, напоил её молоком и уложил спать. Уснула Ная почти сразу, на боку, а лапку положила под голову, совсем как человек. Спала она так почти всегда или ещё ложилась на спинку и складывала лапки на животе. Тогда Толя покрывал её одеяльцем, и выходило очень забавно.

Ная скоро привыкла к нам: узнавала всех по голосу, звуку шагов. Ещё только к двери подходишь, а она уже бежит навстречу и звуками, похожими на щебетанье птицы, высказывает свою радость. Вообще Ная была очень ласковым и весёлым зверьком. Почти всё время проводила она в играх: кувыркалась через голову,

ловила себя за хвост. Была у неё и своя любимая игрушка — Толина плюшевая собачка. Чего только Ная с ней не выделывала! То вдруг бросалась на неё, как на добычу, и теребила за большие мягкие уши, то отбегала, высоко подняв свой длинный хвост, и снова кидалась. Или же ложилась на спину, обнимала передними лапами собачку и начинала с ней бороться. В её лапах собачка становилась как живая: подпрыгивала, как будто нападала, отскакивала. Устав, Ная засыпала тут же, рядом с игрушкой. Если же собачку убирали, она скучала, искала её по комнате и тонко пищала.

В родной стихии

Когда Ная подросла, мы стали ей давать, кроме молока, ещё рыбу: сначала чищеную и мелко нарезанную, потом целиком и даже живую. Рыбу приносили ребята. Они очень интересовались выдрёнком. Приходили к нашему дому и терпеливо ждали, когда кто-нибудь выйдет с Наей погулять.

Ная ребят любила, играла с ними и никогда не кусала. Скоро у неё среди детворы появилось много друзей. Бывало, придёшь домой, а дверь вся увешана связками рыбы и записками: «Для Наи от Коли», «Пусть Ная кушает и поправляется. Стёпа Иванов», «Рыбу принёс В. Федосьев»... Одним словом, сколько связок, столько и записок. Приносили и живую рыбу. Приносили в банке с водой и ставили под дверь. Сколько раз случалось — выйдешь из комнаты и ногой в банку с водой угодишь; рыба в одну сторону, банка — в другую, а вода ручейком с лестницы стекает.

Живую рыбу Ная очень любила. Мы наливали в таз воды и пускали туда рыбёшек. Как увидит Ная рыбу в тазу — не удержать её. Словно угорь, в руках

извивается, вырвется и сразу в таз бросится, одни брызги во все стороны летят. Где выдра, где рыба — ничего не разберёшь, только таз ходуном ходит. Но какая бы рыбёшка ни была маленькая, Ная всё равно её поймает.

После купания Ная всегда вытиралась, чаще о Толину постель. Залезет под одеяло и катается под ним, пока сухая не станет. Она-то сухая, а одеяло мокрое; по несколько раз в день его сушить приходилось. А потом ещё повадилась спать вместе с Толей. Залезет вся грязная да мокрая в кровать и прижмётся к нему. Просто беда! И чего Толя ни делал, чтобы её отучить от кровати: и стульями и щитами какими-то загораживался, когда спать ложился. В комнате настоящую крепость сделает — ни пройти, ни пролезть. Да не тут-то было! От Наи так просто не избавишься. Если ей не удавалось пролезть в какую-нибудь щель, она поднимала такой крик, что всех будила, и Толе волей-неволей приходилось вставать и брать её к себе. Тогда он вот что придумал. Ная, как и все выдры, видела плохо. Пользуясь этим, Толя отвлечёт её чем-нибудь, а сам тут же одним прыжком в кровать бросится и затаится. Не видит Ная Толю. Вытянет длинную шейку и старается уловить по малейшему шороху, где он.

Слух у Наи замечательный. Если Толя не шевелится, Ная свистнет раз-другой, подождёт и, не получив ответа, уйдёт спать на своё место. Если же Толя не выдержит и хоть чуть-чуть шелохнётся, Ная бросается к нему и просится опять на кровать.

Оставаться одной Нае не нравилось. Когда мы уходили гулять, она так кричала, что приходилось её брать с собой.

Прогулки Ная любила, бежала за нами, как собачонка, и ни на шаг не отставала. Гуляли мы с ней

езде, только к речке подходить боялись: боялись, что Ная увидит воду, уйдёт и не вернётся.

Но вот однажды мы пошли в лес. На своих коротеньких ножках Ная скоро устала бежать за нами, попросилась в корзинку, да там и уснула. А тут ещё грибы по дороге попались. Куда их складывать? Конечно, в корзину. Так и клали их, пока Наю совсем не заложили.

День был солнечный, жаркий. Мы решили пойти искупаться и совсем забыли, что в корзине под грибами у нас спит выдра. Подошли к реке, стали раздеваться. Вдруг корзина заколыхалась, посыпались грибы, и, прежде чем я успела сообразить, в чём дело, Ная уже очутилась на берегу.

— Ная, Ная, Ная! — кричали я и Толя.

Но Ная даже не обернулась. В одну минуту подбежала она к воде и со всего размаха бросилась в реку. Некоторое время она плыла на виду, потом вдруг нырнула и сразу исчезла. Напрасно мы бегали вдоль берега, кричали и звали её. Наи нигде не было.

Больше всех огорчён был Толя. Он никак не хотел идти домой без Наи. Всё ходил по берегу и искал её.

День клонился к вечеру. Видно, нечего было больше ждать, и мы уже собрались уходить, когда где-то далеко раздался по реке призывный резкий свист Наи.

— Ная, Ная, Ная! — радостно закричали мы в один голос.

А свист раздавался всё ближе и ближе. И вдруг из-за поворота реки, стремительно рассекая воду, показалась Ная. Она плыла так быстро, что казалось, будто она летит над водой; изредка она вся как-то выскакивала из воды, поворачивала голову то в одну, то в другую сторону и резко свистела.

Сбросив по дороге одежду, Толя кинулся ей навстречу прямо в воду. Увидев Толю, Ная поплыла к нему. Нужно было видеть, как, не зная от радости, что

делать, она то залезала Толе на плечи, то ныряла под него, то, ласково урча, тёрлась о его лицо! Потом выскочила вместе с ним на берег и бросилась вытираться по раскиданной на траве одежде. Она каталась на Толином новом костюмчике, оставляя на нём мокрые грязные следы, но никто не думал на неё за это сердиться. С этих пор мы смело брали Наю с собой купаться, и теперь уже никто не боялся, что она уплывёт.

В Зоопарке

Но вот кончились тёплые, летние дни. Наступила осень, и мы переехали в Москву. Взяли с собой и Наю. После дачного приволья тяжело было жить выдре в тесной городской квартире. Она скучала, просилась из комнаты в коридор, из коридора лезла опять в комнату и всё искала привычную свободу. Купалась она теперь в корыте. Искупавшись, Ная лезла вытираться на кровать, на кресла. Держать её дольше дома не было никакой возможности. Да и Толя пошёл в школу, и некому было с ней возиться.

Пришлось отвезти Наю в Зоопарк. Повезла я её одна, без Толи. В Зоопарке Наю поместили в просторную клетку с большим, глубоким водоёмом. В незнакомом месте Ная ничуть не растерялась, сразу бросилась в воду, ныряла, кувыркалась, плавала. Тогда я тихонько вышла из клетки и закрыла за собой дверь. Но как ни тихо я всё это сделала, Ная всё-таки услышала, тут же выскочила из воды и бросилась за мной. Сначала она пыталась пролезть сквозь решётку, пробовала разорвать её зубами. Потом прижалась всем своим телом к холодным металлическим прутьям и как-то особенно тонко и резко закричала.

Эти дни ни я, ни Толя в Зоопарк не ходили. Ему самому была очень тяжела эта разлука, и только мысль, что в Зоопарке Нае гораздо лучше, чем дома, утешала его. Он так горевал, что даже месяца через два, когда я пошла в Зоопарк, отказался идти со мною:

— Всё равно не выдержу и заплачу. Лучше не пойду, Пришлось идти одной.

Придя в Зоопарк, первым делом я поспешила к клетке, в которой сидела Ная. Подошла и стала так, чтобы она меня не видела. В это время к ней вошёл служитель. Ная подбежала к нему, поднялась на задние лапки и стала просить есть, Служитель вынул из ведра большую рыбу и бросил в воду. Ная тут же её схватила, вытащила и принялась за еду. Тогда так тихо, что и сама, казалось, не расслышала своего голоса, я позвала её.

Едва я произнесла её имя, Ная встрепенулась, чуть-чуть подняла головку и вся точно превратилась в слух. Я молчала, Ная резко закричала и, словно ожидая ответа, вновь замолкла. Только глазки её беспокойно искали меня среди появившейся публики. Тут уж я не выдержала, подбежала к клетке, а Ная уже спешила ко мне, протягивая сквозь прутья лапки, старалась поймать мои руки. С этих пор я заходила к ней каждый день.

Служитель открывал мне клетку. Ная нетерпеливо стрекотала, бегала перед дверью, потом лезла ко мне на руки, ласкалась и только после этого начинала играть. Теперь, зимою, игры Наи были совсем другие, чем летом. Её бассейн покрылся толстым льдом, но это не мешало Нае купаться.

Так же как и раньше, словно приглашая меня следовать за нею, лезла она в воду, ныряла в прорубь. Нырнёт в одну, а вынырнет в другую. Вылезет на горку, на живот ляжет и съедет вниз. Горку она построила себе сама, настоящую ледяную; сделала её из снежного

бугорка на самом краю водоёма. Выскочит из воды и, не отряхиваясь, вся мокрая, лезет на бугорок. Следом за ней целый ручей бежит и тут же стынет, а она опять то в воду, то на бугорок, и так до тех пор, пока из бугорка не получилась ледяная горка. С этой горки Ная и каталась. Ляжет на живот или на спинку и в воду съедет. Даже смотреть на неё холодно. Мороз, нос из воротника не высунешь, а ей хоть бы что: как летом, купается. Шерсть у неё была блестящая и такая гладкая да густая, что даже не промокала. Выскочит Ная из воды, отряхнётся — и опять сухая.

Ная очень следила за тем, чтобы проруби не замерзали. Пробивала их головой или обламывала заледеневшие края зубами. Кроме того, во льду у неё были ещё отдушины. Это такие маленькие отверстия, через которые она дышала, когда находилась подо льдом. Сначала я про них не знала, но как-то раз Ная очень долго не вылезала из проруби. Я испугалась: думала, что с ней что-нибудь случилось. Стала искать. Вдруг вижу — в одном месте снег чуть-чуть подтаял и пар идёт. Подошла ближе, слышу — сопит кто-то подо льдом, а это Ная от меня спряталась, нос к отдушине прижала и дышит. Потом я нашла ещё несколько таких отверстий. Хотя они были очень маленькие, но не замерзали даже в самые морозные дни. В такие дни у Наи было очень много хлопот, чтобы не дать замёрзнуть её ледяному хозяйству.

Спала Ная в норе, которую вырыла в снегу, а оттуда до самого водоёма сделала коридор под снегом. Вообще Ная любила рыться в снегу.

В свободные дни я брала её с собой на прогулку. Гуляли мы по аллее около большого пруда Зоопарка. Пруд был отгорожен решёткой, но Ная и не пыталась туда пролезть. Зато в сугробы Ная часто залезала, и получалось иногда так: я шла по дорожке, а она рядом,

под снегом; но стоило мне свернуть в сторону, как Ная тут же вылезала из-под снега и бежала рядом со мной.

Я даже удивлялась, как она могла под таким глубоким снегом слышать, что я отхожу в сторону.

Потом она ещё любила делать снежные шары. Особенно в те дни, когда выпадал свежий, мягкий снег. В такой день Ная находила какой-нибудь маленький снежный комочек и начинала его катать перед собой носом. Катала до тех пор, пока из него не выросла большой снежный ком. Иногда ком получался такой большой, что Ная не могла сдвинуть его с места. Тогда она бросалась на него, грызла зубами, разрывала лапами и делала это до тех пор, пока не разбивала его совсем. После этого она успокаивалась и опять бежала за мной.

Прогулки Ная любила, однако нам скоро пришлось их прекратить. Как-то раз мы пошли, как всегда, гулять около пруда. Вдруг Ная подлезла под решётку и побежала к проруби. Я страшно испугалась. В проруби плавали утки, лебеди, гуси и много других птиц. Они могли испугаться Наи, разлететься, да и она могла их покусать. Когда птицы увидели выдру, поднялся страшный переполох. С криком и шумом разлетались в разные стороны утки, гуси, казарки. Ная уже хотела повернуть обратно, но тут на неё набросились лебеди. Один из них с такой силой ударил её крыльями, что она кубарем отлетела в сторону. Тогда на неё набросились и другие. Они били Наю. От ударов она, как футбольный мяч, каталась от одного лебедя к другому.

Я подбежала к ней на помощь, но ничего не могла сделать. Разъярённые птицы, наверно, забили бы Наю до смерти, но тут от одного из ударов она скатилась в воду.

Несколько раз она порывалась выбраться ко мне, но каждый раз, когда Ная показывалась из воды, лебеди загоняли её обратно.

Выручила я её с большим трудом, когда отогнала лебедей, но после этого случая прогулки пришлось прекратить. Без прогулок Ная скучала. Когда я проходила мимо клетки, Ная бежала за мной вдоль решётки и жалобно кричала. Чтобы не тревожить её, мне пришлось ходить другой дорогой.

Побег

Прошла зима, весна. Наступили тёплые, солнечные дни. Ная стала уже совсем взрослой, красивой выдрой, и когда для киносъёмки потребовалась выдра, остановились на ней. Снимали картину про зверей. Нужно было показать, как плавает выдра, как ловит под водой рыбу. Конечно, для этой цели Ная была самой подходящей. Она не боялась людей, хорошо знала своё имя и, самое главное, не пугалась треска киносъёмочного аппарата. Дикие звери часто пугаются этого незнакомого им звука, убегают, прячутся, и их бывает очень трудно снять, а Ная даже не обращала на аппарат внимания.

Начались приготовления к съёмке. Чтобы снять выдру под водой, заказали специальный аквариум. Он был такой большой, что двенадцать человек с трудом сняли его с машины и поставили на место. На дно аквариума положили речной песок, ракушки, зелень. Потом установили три прожектора и два киноаппарата, чтобы сразу снимать с двух сторон. Когда я посмотрела в объектив, у меня было впечатление настоящей реки в разрезе, и я бы ни за что не поверила, что это аквариум.

Но вот всё готово. Служитель принёс в маленькой клетке Наю и пустил её в воду. Много раз видела я, как плавает выдра, но как плавает она под водой — ни разу. Я даже не представляла, что у неё могут быть такие мягкие и плавные движения. Вся вытянувшись, она

прижала передние лапки к телу, а задние вытянула вдоль хвоста. Длинная, похожая на змею, как тень скользила она между водяными растениями. Всегда подвижные ноздри Наи были плотно сжаты и не пропускали воду, и только маленькие, как бусинки, глазки блестели. Пустили рыбу. Ная ничем не выдала, что заметила её. Движения её оставались по-прежнему плавными и даже как будто медленными. Но вот, поравнявшись с рыбой, она вдруг резким движением метнулась в сторону и схватила её. Рыба была большая и сильная. Она била хвостом, старалась вырваться. Но острые и кривые зубы выдры крепко держали добычу.

После подводной съёмки нужно было ещё снять момент, когда выдра входит в воду. Для этого на Новой территории Зоопарка построили особую клетку. В этой клетке сделали искусственную речку и заросли, похожие на те, среди которых живёт выдра на воле. Вдоль берега маленькой речки посадили осоку, кустарник и даже положили старое дерево с дуплом и вывороченными корнями, как будто его свалила буря. Уголок получился очень красивый и дикий. Даже сетки не было видно, так она была замаскирована зеленью. Одним словом, сделали всё, чтобы этот кусочек земли в Зоопарке был похож на кусочек природы.

На новом месте Ная прежде всего принялась обследовать клетку. Облазила траву, кусты, деревья, залезла в старое дупло, попробовала подрывать клетку, но ничего не вышло. Тогда Ная перешла к обследованию сетки, и не было ни одной ячейки, в которую она не старалась бы пролезть. Утром, когда пришли снимать выдру, её в клетке не оказалось. Наю искали везде, звали, но так и не нашли. Стемнело, и поиски пришлось отложить до утра. Ночью среди птиц на пруду поднялся страшный переполох. На шум прибежал сторож. Он увидел, как скользнула в воду узкая, длинная тень выдры, а утром остатки

объединенной утки и следы выдры говорили о том, что ночь для неё прошла недаром.

На Новой территории Зоопарка находились краснозобые казарки. Это очень редкие и дорогие птицы, а Ная могла передуть всю стаю. Тогда было решено Наю поймать или убить.

Пять дней оставалась неуловимой Ная. Днём она скрывалась среди зарослей пруда, а ночью выходила на охоту. Сторожа много раз пытались её поймать, но она ловко уходила из-под самых рук. О том, что Ная убежала, мне сказал сторож, когда я шла через Новую территорию домой.

— Ная, Ная, Ная! — невольно позвала я её, проходя мимо пруда, как прежде звала её во время прогулок.

И Ная, неуловимая все эти дни Ная, ответила мне призывным свистом. Рассекая воду и распугивая по дороге птиц, подплыла она ко мне. И, как когда-то давно, маленьким выдрёнком, послушно, словно на прогулке, пошла за мною в клетку. С тех пор прошло несколько лет. Началась война. Надо было вывозить животных.

Баржа, нагруженная зверями, шла по Волге, когда три немецких самолёта один за другим спикировали на неё.

Одна из фугасных бомб попала за борт, другая — в носовую часть, где стояли клетки с животными. Среди них находилась и Ная. Часть животных была убита сразу, часть сброшена в воду или в ужасе металась по барже.

Трудно сказать, что произошло с Наей. Погибла ли она среди обломков баржи или осталась жива в своей родной стихии, не знаю. Но даже и теперь я часто вспоминаю маленького выдрёнка, который когда-то жил у нас дома.

Куцый

Куцый был высокий и тощий лис.

Большие, острые уши, чуть-чуть раскосые глаза и всегда как будто улыбающаяся морда. У Куцего даже не было настоящего лисьего хвоста. Вместо пушистого и длинного хвоста, который так украшает лисицу, у него был куцый обрубок. Но этот обрубок придавал ему какое-то особо озорное выражение.

Принёс его к нам в Зоопарк какой-то охотник.

В клетке, куда посадили Куцего, было много лисиц, но это его не смутило, как это бывало с новичками. На новом месте он чувствовал себя как дома, и когда одна из лисиц хотела его укусить, Куцый ловко обернулся, схватил задиру за шиворот и задал ей такую трёпку, что после этого не только она, но и другие лисицы боялись к нему подойти. Зато к дяде Лёне, который ухаживал за лисицами, Куцый отнёсся так, словно знал его всю жизнь.

Когда дядя Лёня заходил в клетку, Куцый бросался к нему навстречу, вилял своим куцым обрубком и ласково заглядывал в лицо, как бы ожидая ответной ласки. И нужно сказать, что дядя Лёня ласкал его чаще других лисиц и чаще других перепедал ему лучший кусочек мяса. Одним словом, Куцый хорошо умел приспособляться ко всем превратностям жизни. И ещё одна особенность поражала нас в Куцем: он оказался очень свободолюбивым и умудрялся удирать из любой клетки.

Бежал Куцый первый раз недели через две после того, как его принесли в Зоопарк. Когда служитель пришёл убирать клетку, Куцего там не оказалось. Долго не мог понять дядя Лёня, куда делся Куцый. Клетка целая, все лисы на месте, а Куцего нет. Потом

служитель догадался: внутри клетки, около самой решётки, росло дерево, а наверху, где оно выходило наружу, было прорезано отверстие. Вот в это-то отверстие и вылез Куцый. И вылез хитро: спиной в дерево упирался, даже шерсть на коре осталась, а лапами сетку перебирал: так и перелез, как по лестнице. Дядя Лёня только головой покачал. Да, такого хитрого лиса ему не приходилось встречать.

— Зверюга, а тоже смекалку имеет! — удивлялся дядя Лёня.

Принесли к нам Куцего дня через два. Принесли в корзине, обвязанной платком. Держал её мужчина, а рядом стояло человек десять ребят. Многие из них были с покусанными руками, и поэтому они очень удивились, когда дядя Лёня без опаски взял Куцего на руки и тот его не тронул. Он даже не укусил дядю Лёню, когда тот оттрепал его за ухо.

Посадили Куцего опять в прежнюю клетку. Правда, отверстие, через которое он вылез, заделали, но это ему не помешало удрать снова.

На этот раз он ушёл просто через дверь. Не успел дядя Лёня войти в клетку, как Куцый с быстротой молнии проскочил у него между ног, махнул своим куцым хвостом и скрылся из глаз.

На поиски беглеца снарядили целую экспедицию. Но поймать Куцего не удалось. Недаром он познакомился со всеми ходами и выходами Зоопарка. Так и решили, что Куцый пропал. Списали его с пайка.

Прошло ещё несколько дней. И вот то на одном, то на другом пруду Зоопарка стали пропадать утки. Определить по следам, кто таскает уток, было нельзя. Снег кругом истоптан, никаких следов на нём не разберёшь.

Ночной вор был разоблачён совсем неожиданно.

Пришёл дядя Лёня утром на работу, видит — творится с его лисицами что-то неладное. Все около

решётки сбились, дерутся, через решётку лапы просовывают, что-то достать под снегом стараются. Подошёл дядя Лёня ближе и видит... торчит из-под снега утка. «Да уж не та ли это утка, что прошлой ночью на пруду недосчитались?» — подумал дядя Лёня. Взял утку и отнёс заведующему. Заведующий её осмотрел, и оказалось — действительно та сама утка, что пропала прошлой ночью. Определили, что она задушена лисицей. И тут уж все подозрения пали на Куцего. Вскоре догадки подтвердились. Выпал снег, и на снегу у пруда ясно отпечатались лисьи следы. Снова принялись за поиски Куцего. Однако найти беглеца оказалось делом нелёгким. Неизвестно, где прятался Куцый. Его искали повсюду, но нигде не могли найти. За ним охотились с собакой, выслеживали, ставили ловушки и караулили по целым ночам, но всё было напрасно — Куцый не попадался.

А тем временем на прудах каждую ночь находили задранную им птицу.

Вернулся Куцый сам, и очень просто. Утром служитель пришёл на уборку, а у клетки как ни в чём не бывало его ласково встретил Куцый.

Очевидно, ему надоело беспризорничать и он решил вернуться домой сам. И пока дядя Лёня отпирал клетку, он с явным нетерпением вертелся около его ног. Такое покаяние лиса очень умилило дядю Лёню, и Куцему тут же были прощены все его грехи и все утки.

Первые дни после возвращения Куцый вёл себя прекрасно: ни с кем не дрался и не проявлял никаких попыток к бегству. Но это оказалось только временной передышкой. В следующий раз он удрал новым способом. Подрыл сетку, ушёл сам и увёл за собой всех лисиц. Лисиц-то скоро поймали, но Куцего найти было не просто. Обнаружили его через несколько дней на Новой территории Зоопарка, в загоне у медведей.

Очевидно, он попал туда нечаянно. Не разглядел большого, глубокого рва, который вместо решётки отделял медведей от публики, и в него свалился. Прибежали мы туда, смотрим — все три медведя за Куцым гоняются. А Куцый словно издевается над ними. Медвежий загон большой, просторный, и Куцему было нетрудно увернуться от неуклюжих мишек. Не спеша, как будто поддразнивая, убегал он от них. Иногда даже присаживался и ждал, когда медведи подбегут ближе, а потом ловко проскакивал у них под животом и убегал опять.

Один раз они его чуть не поймали. Два медведя с разных сторон одновременно подбежали к Куцему. Один уже поднял лапу, чтобы ударить его; казалось, Куцему пришёл конец, но хитрый лис ловко нырнул под медвежью лапу и выскочил сзади. А медведи от неожиданности столкнулись лбами и затеяли драку. Они изрядно намяли друг другу бока, а потом долго и растерянно искали виновника столкновения.

Мы приходили и уходили несколько раз, а медведи всё продолжали гоняться за Куцым. Они так устали, что их дыхание было слышно на другой стороне рва. А лис словно издевался над ними: перепрыгивал через их мохнатые спины, нырял под животом и уходил как ни в чём не бывало.

Наконец медведи устали от бесцельной погони и сдались.

День был солнечный, жаркий. Измученные мишки залезли в водоём. Они плескались там в прохладной воде. Переворачивались с боку на бок, ложились на

спину, ныряли и, видно, совсем забыли про лисицу, когда служитель принёс им еду. Как по команде, вылезли из воды все три медведя. Каждый из них занял своё привычное место, получил порцию мяса и занялся едой. Они спокойно ели, когда рядом с ними появился Куцый. Очевидно, он не собирался оставаться без обеда и решительно направился к медведям.

Сперва медведи не хотели замечать столь нахального лиса, но Куцый подбегал к ним то с одной, то с другой стороны, вертелся перед самым их носом, старался урвать хоть кусочек мяса. А медведи — звери жадные: они никак не хотели делить свои порции с непрошеным гостем. Злобно ревели, закрывали лапами мясо, повёртывались к Куцему задом, старались его оттолкнуть. Видя, что добром мясо не получишь, «гость» выбрал момент и цапнул одного из «хозяев» за пятку. Что тут поднялось, описать трудно! Разъярённый мишка, не разобрав, кто его цапнул, в ярости бросился на соседа, и в следующую минуту все порции были перепутаны, медведи дрались, а Куцый удобно устроился на выступе и уплетал огромный кусок мяса. С большим трудом удалось служителю разогнать медведей. И то лишь после того, как бросили в них специальные, стреляющие шашки. Этим шашкам звери очень боятся. Услышав выстрелы, медведи сразу бросились спасаться во внутренние клетки загона. Там их и заперли. Потом взяли сачок и стали ловить Куцего. Да не тут-то было! Недаром Куцего не могли поймать весь день три медведя. Каждый раз, когда хотели накрыть Куцего сачком, лис ловко увёртывался или с разбегу взбегал по почти отвесной скале загона и оттуда прыгал через голову человека.

Пришлось идти за дядей Лёней. Дядю Лёню Куцый узнал сразу, подбежал к нему сам и спокойно дал себя взять на руки.

— Эх, Куцый, Куцый, видно, тесна тебе наша клетка! Уж больно ты вольную жизнь любишь! — сказал дядя Лёня.

Он пошёл к заведующему и стал просить его перевести беспокойного лиса в другую клетку. Хоть и жаль ему было расставаться с умным лисом, а ничего не поделаешь — уж очень много хлопот было с его побегами.

Клетка, в которую перевели Куцего, была крепкая и просторная. Стояла она внутри площадки молодняка, а сама площадка была огорожена высокой решёткой с карнизом. Получалось так, что Куцый сидел за двумя решётками.

Эта площадка служила специально для прогулок зверей, но выпускать на неё Куцего всё-таки боялись.

Живой и резвый лис скучал в одиночестве. Когда выпускали на площадку других животных, он просился к ним, визжал и даже есть стал хуже. Всем было жаль Куцего.

— Ив самом деле, почему бы не выпустить его? — говорила новая служительница Таня.

Долго мы с ней спорили, уверяли, что она плохо знает повадки Куцего, но Таня всё-таки настаивала, чтобы выпустить его погулять.

Наконец после долгих споров решили Куцего выпустить. Открыли дверь. Куцый вышел не спеша, будто делал это каждый день, и направился к решётке. Все сразу догадались о намерении лиса. Это было видно по его уверенной походке и выражению морды. Куцый добежал до угла площадки, и никто и ахнуть не успел, как он легко, без разбега вспрыгнул на карниз.

По другую сторону решётки стояло много народу. Как увидели они лиса на карнизе, стали кричать, махать руками, старались спугнуть Куцего. Но это его не смутило. Не обращая ни на кого внимания, он спрыгнул прямо на толпу и, прежде чем его успели схватить,

ловко проскочил между людьми и побежал по дорожке парка.

Все кинулись за ним в погоню. Впереди всех бежала новая служительница Таня. Несколько раз она почти догоняла Куцего. Конечно, не потому, что Куцый бегал плохо. Когда Таня отставала, лис, словно нарочно, замедлял свой бег.

Они добежали до забора. А тут... Тут Куцый ещё раз обернулся, махнул своим куцым обрубком и скрылся в едва заметной щели забора. С тех пор его больше никто не видел. Это был последний побег куцего лиса, который любил вольную жизнь.

Обыкновенная кошка

Кто не знает, какими непримиримыми врагами считаются кошки и крысы! Я и сама раньше так думала. А вот однажды мне пришлось убедиться в обратном.

Для одного научного фильма нужно было снять дружбу кошки с крысятами. Несколько дней ребята таскали нам кошек, а подходящей всё не попадалось: то слишком светлые, то тёмные. Наконец, после больших трудов, нашли. Это была самая обыкновенная кошка, серая с тёмными, как у тигра, полосами и ярко-зелёными глазами. Режиссёру она сразу понравилась: как раз такая кошка ему и была нужна. Однако его радость оказалась преждевременной. Принёс кошку какой-то мальчуган, а вот настоящая её хозяйка ни за что не хотела расстаться со своей любимицей. К тому же у кошки ещё оказались котята.

Режиссёр был в отчаянии. Он упрашивал хозяйку отдать кошку, предлагал ей большие деньги, обещал вернуть сразу подле съёмки.

— Ваша кошка очень подходящая по цвету, — уговаривал он, — мы только снимем её дружбу с крысами и сразу отдадим обратно.

— С крысами? — удивилась хозяйка. — Да ведь я её потому и не даю, что она хорошая крысоловка. Всех крыс не только у меня, но и у соседей переловила, а вы хотите, чтобы она с ними дружила! Да она мигом всех до одной съест!

По правде сказать, такая характеристика будущей «артистки» меня озадачила. Хотя я не раз подкладывала маленьких зверушек к кошкам или собакам, но подкидывать крысят к кошке, которая славилась как крысоловка, мне не приходилось. Я тоже

стала уговаривать режиссёра не брать её, но он был неумолим и настоял на своём.

Так попала к нам в Зоопарк со своим семейством кошка, которая очень хорошо умела ловить крыс.

Кто-то назвал её «Цуцыкариха». Кто её так назвал и почему, никто не знал, но это имя осталось за кошкой.

В Зоопарке всё кошачье семейство поместили в специальную клетку.

На новом месте Цуцыкариха сначала очень волновалась. Бегала по клетке, мяукала и всё искала, откуда бы ей выскочить. Потом успокоилась, легла к котяткам. Через несколько дней принесли крысят, которым Цуцыкариха должна была заменить мамашу.

Это были совсем маленькие, слепые крысята, покрытые чуть заметной шёрсткой.

Они копошились у меня в руке маленькой кучкой, а я стояла около клетки с Цуцыкарихой и думала: примет она их или нет? Когда я вошла в клетку, кошка сразу почуяла крысят. Вскочила с места, беспокойно начала кружиться около моих ног и всё лезла к рукам. При

таким её вниманием к крысятам я побоялась их оставлять.

Пришлось действовать по-другому.

Цуцыкариху посадили в ящик и вынесли в другую комнату, а крысят положили к котяткам. Сделала я это нарочно. «Пусть, — думаю, — соскучится, зато потом будет меньше разбираться, кто находится среди её котят». К тому же и от крысят будет пахнуть котятками.

Мои расчёты оказались правильными. Уже через несколько часов Цуцыкариха мяукала во весь голос, а к вечеру поднялся такой концерт, что описать трудно: орала и царапалась в стенки ящика кошка, пищали голодные котятки, а среди них копошились и искали сосков матери маленькие крысята.

Когда я выпустила из заточения Цуцыкариху, она как сумасшедшая бросилась к котяткам. Сразу легла и даже не обратила внимания на крысят. Потом с наслаждением вытянулась, закрыла глаза и блаженно замурлыкала. Это было самое подходящее время, чтобы подложить к её соскам крысят. Тихонько, чтобы не потревожить кошку, я быстро отняла котёнка и вынесла его в другое помещение, а к свободному соску так же осторожно подложила крысёнка. Кошка, не замечая подмены, продолжала мурлыкать. Таким же способом подложили к кошке и остальных крысят, а котятку взяла на своё попечение служительница тётя Катя.

Так началась мирная жизнь кошки с крысятами. Крысята совсем не были похожи на котят, но «знаменитая крысоловка» ухаживала за ними не хуже, чем за своими детёнышами. Так же заботливо их грела, вылизывала и даже защищала, когда им грозила опасность.

Однажды в помещение, где снимали Цуцыкариху с крысятами, зашёл кот.

Огромный и чёрный, с большущими усами и шрамом на лбу, он выглядел очень внушительно. Но Цуцыкариху

его вид не смутил. Она смело ринулась на защиту своего необычного семейства, и не успел кот опомниться, как на него посыпался град ударов. Сначала кот пробовал защищаться, потом, увидев бесполезность своих попыток, позорно отступил. Задрвав хвост, мчался он по павильону, преследуемый разъярённой кошкой, а за ними, тщетно пытаясь задержать «артистку», бежали режиссёр, оператор и все подсобные рабочие.

Но догнать кошку им не удалось, и, только загнав врага под сваленные в углу декорации, успокоенная Цуцыкариха вернулась сама. Она обнюхала крысят и, убедившись, что все целы, улеглась рядом. Она так ласково мурлыкала и так заботливо облизывала своих приёмышей, что никто не мог в ней узнать ту разъярённую кошку, какой она была минуту назад.

Когда крысята подросли, их вместе с кошкой перевели в другую клетку, где их могли видеть посетители Зоопарка.

Целые дни около этой удивительной семьи толпился народ. Всем было интересно посмотреть на такое «чудо». И каких там не услышишь разговоров! И что кошка-то, наверно, порченная, и что зубы-то у неё, наверно, вырваны... Но кошка зевала во весь рот, показывала острые клыки и продолжала ухаживать за крысятами.

Приезжала и хозяйка, но кошку не взяла. Посмотрела на свою бывшую любимицу и только рукой махнула:

— Испортили кошку! А хорошая крысоловка была.

А «хорошая крысоловка» лежала на солнышке, и рядом спокойно сидели крысята. Хотя мы и утешали огорчённую хозяйку, что не трогает кошка только «своих» крыс, а «чужих» всё равно ловить будет, но, глядя на эту мирную картину, сами не верили тому, что говорили.

Однако наши сомнения оказались напрасными. Как-то раз мы выпустили Цуцыкариху на прогулку. Сначала она ходила около клетки, потом вдруг куда-то исчезла. Мы испугались — думали, что пропала. Но через некоторое время Цуцыкариха вернулась сама, а в зубах она держала большую задушенную крысу.

Важно, не торопясь подошла Цуцыкариха к клетке, а когда её впустили, долго и старательно совала свою добычу крысятам.

Интересно было наблюдать, как играла кошка со своими приёмышами. Высоко подняв хвостики и подпрыгивая на своих лапках, как на пружинках, наступали на кошку крысята, а она их ловила, подбрасывала, как шарики, катала перед собой или хватала зубами, будто собираясь съесть. Публика волновалась, а кошка, уже мурлыкая, прилизывала взъерошенную шёрстку крысёнка.

Почти всё лето прожили они вместе, когда однажды кто-то из служителей забыл закрыть дверь клетки, и крысята удрали.

Ну и переполох поднялся! Кошка кричит, мечется по клетке, крысят ищет, а те забрались под пол — выйти боятся. Лазили мы, лазили за ними — никак поймать не можем. И решили тогда выпустить кошку, пусть она сама своих крысят ловит. Не успели открыть дверцу, как наша кошка вырвалась — и в угол. Прижалась, ждёт, только кончиком хвоста пошевеливает. И я притаилась, жду. «А что, — думаю, — если не успею у неё живого крысёнка отнять?» Так сидим и друг друга караулим: кошка — крысят, а я — кошку. Вдруг как прыгнет моя кошка! Я к ней... Да какое там, разве успеешь! Прямо из рук вырвалась — и в клетку. Глаза горят, в зубах крысёнка тащит. «Ну, — думаю, — пропал, сейчас съест его». Только смотрю и глазам не верю. Покрутилась Цуцыкариха, покрутилась, легла и ну крысёнка прилизывать! Лижет, а сама поглядывает,

как бы не отнял его кто. Потом успокоилась и другого пошла ловить. Опять так же притаилась и караулила, но теперь я уже не боялась, потому что знала, что крысят своих она не обидит.

К вечеру кошка переловила всех, кроме одного. Трусишка боялся выйти из норки, зато ночью, когда все ушли, он сильно погрыз клетку, стараясь попасть домой.

Теперь вместо четырёх у кошки осталось три крысёнка.

Долго, очень долго жили они вместе. В холодные зимние вечера кошка согревала крысят своим теплом, делилась пищей. Я не знала семьи дружнее, чем эта. И теперь, если мне говорят, что кошка с крысой непримиримые враги, я знаю, что даже этих врагов можно сделать друзьями.

Нюрка

Нюрка была очень смешная. Такая толстая, курносая и, как у всех моржей, с торчащими во все стороны жёсткими, как щетина, усами. Эти усы и круглые влажные глаза придавали ей особенно забавное выражение: глупое и в то же время важное. Но это только казалось. На самом деле Нюрка была очень умна.

Привезли её в Зоопарк с острова Врангеля. Тяжёлый, далёкий путь совершила она на пароходе и поездом, в тесном ящике без воды. Приехала худая, истощённая, с большими открытыми ранами на спине и боках.

Ухаживала за ней я: промывала раны, чистила клетку, кормила. Кормила рыбой — давала ей чищеную, без костей и мелко-мелко нарезанную. Иначе было нельзя: ведь Нюрка была ещё ребёнок. Самый настоящий грудной ребёнок, только моржиный. Она даже не умела сама есть. Брала корм из рук кусочками, втягивала в рот вместе с воздухом, и получался такой звук, как будто хлопнула пробка. Съедала она в день по четыре-пять кило рыбы, иногда и больше. Давали ей ещё стакан рыбьего жира.

Привыкла ко мне Нюрка скоро. Возможно, потому, что я за ней ухаживала и кормила. Узнавала меня издали. Приветствовала глухим, отрывистым гуканьем, похожим на лай собаки, и, неуклюже переваливаясь на лапах, спешила навстречу.

Моржонок был очень сообразительным. Не всякая собака обладает таким «умом».

Например, Нюрке не нравилось, если я скоро уходила из клетки и ей приходилось оставаться одной.

Только я к двери, а Нюрка уже загораживает собой выход, злится, кричит, не пускает. Хоть жить оставайся тут с ней! Иногда даже зло возьмёт: тут спешишь, времени нет, а она дверь открыть не даёт. Приходилось пускаться на хитрость.

Брала я корм, относила его в самый дальний угол клетки и, пока Нюрка ела, скорей убегала. Недолго, однако, помогала моя хитрость, разобралась в ней Нюрка скоро. Уже через несколько дней, как только я делала движение бежать, бросалась она в бассейн и, конечно, переплывала его раньше, чем обегала я. Приваливалась туловищем к двери и не давала её открыть. А попробуй отодвинь толстуху, если весит она девять пудов! Держала меня Нюрка обычно в плену до тех пор, пока она со мной не наиграется. А легко сказать — наиграться, если играла она по-своему, по-моржину! То в воду приглашает поплавать, то носом старается спихнуть. Одна в воду лезть не хотела. Бассейн был маленький, неудобный, да и скучно одной.

Большую часть дня Нюрка лежала на берегу и спала. И вот, чтобы заставить моржонка больше двигаться, я решила выводить его на прогулку.

Однако это было не таким лёгким делом, как казалось на первый взгляд. Нюрка никак не хотела выходить из клетки.

Я открывала дверь, отходила, звала её. Нюрка нетерпеливо кричала, высовывала морду, но порог переступить не решалась.

Приучила я её постепенно. Манила рыбой и за каждый сделанный шаг давала кусочек. Так шаг за шагом уходили мы всё дальше и дальше. Гуляли недолго. Песком Нюрка натирала себе лапы, да и много ходить ей было трудно. И всё-таки она прогулки любила.

Гуляли мы вечером, когда уходили последние посетители и свистки сторожей извещали о закрытии

парка. Вот эти-то свистки и служили Нюрке сигналом. Услышав их, она высматривала меня на дорожках парка, потом бросалась навстречу, помогала открывать дверь. Я снимала с двери замок, а Нюрка толкала её носом. Научилась она открывать и щеколду. Во время уборки, чтобы Нюрка не мешала, я выгоняла её из клетки, сама же запиралась внутри. Сначала она кричала, старалась попасть обратно, потом приспособилась: ударом носа выбивала щеколду и открывала дверь. Удар её носа был очень сильный.

Помню, однажды, когда Нюрка была больна, пришёл врач. Отнеслась она к нему недоверчиво: вытягивала навстречу ему голову и, широко открывая пасть, угрожающе редела. Напрасно я убеждала врача не трогать Нюрку. Несмотря на предупреждение, он всё-таки подошёл, протянул руку, но не успел дотронуться — морж резким ударом головы отбросил его в сторону.

Удара такой силы не ожидала даже я. С тех пор Нюрка никогда не подпускала к себе врача.

Зимой бассейн замёрз, и Нюрку перевели в закрытое помещение. Вместо меня стал за ней ухаживать служитель Нефёдов.

Толстая, неповоротливая Нюрка понравилась ему сразу. Он старался дать ей лишний кусочек рыбы, баловал и обижался, что Нюрка меня знала лучше.

— Вы бы ходили пореже, — просил он меня, — пусть отвыкнет.

Чтобы не обидеть старого служителя и дать время Нюрке к нему привыкнуть, я перестала её навещать.

Прошёл месяц. За этот промежуток я очень соскучилась по своей ластоногой приятельнице, да и было интересно, узнает она меня или нет. Проходила я как-то мимо и решила зайти.

Нюрка лежала под водой. Её совсем не было видно. Только изредка высывался кончик носа и, набрав свежую струю воздуха, скрывался опять.

Я окликнула Нюрку совсем тихо, но мой голос она узнала сразу, даже под водой. Откуда взялась и ловкость! В одну минуту очутилась Нюрка на берегу. Поднялась на дыбы, и не успела я отскочить в сторону, как два передних ласта тяжело придавили мне плечи.

По пальто стекали струйки воды, мокрая усатая морда ласково тыкалась в лицо, а я, с трудом переводя дыхание, еле держалась на ногах. Шутка ли сказать — навалилась такая туша! Чуть не раздавила меня, и всё от радости! Насилу освободилась.

Когда я уходила, Нюрка подбежала к решётке, смотрела вслед и долго надрывно охала. Говорили, что у неё даже текли слёзы и в этот день она ничего не ела.

А ночью своим тяжёлым телом продавила Нюрка сетку и вышла в коридор. Открыла одну дверь, другую, поднялась по крутой чердачной лестнице наверх и вылезла через слуховое окно на крышу. И вот в ночной тишине слышался её громкий крик. Её увидел там

сторож. Несколько человек осторожно на полотенцах снесли Нюрку вниз и водворили на прежнее место.

Больше она сетку не рвала и не выходила, и никто не мог понять, почему она это сделала в тот день.

Чужой

Зимою, в холодные февральские дни, у шотландской овчарки Пери родились щенята. Никто не знал, что они должны у неё быть. День стоял холодный, морозный, и все щенята погибли. Долго скучала, оставшись одна, собака, скулила, ничего не ела, и от накопившегося молока распухли и болели соски. Тогда я решила подбросить ей щенка динго. Динго — это дикая австралийская собака. У динго было шесть щенят. Все здоровые крепыши, кроме одного. Этот один был такой маленький, худенький. И мать ухаживала за ним хуже, чем за остальными: не так часто вылизывала, не так заботилась, а когда малыш к ней подползал, нередко отпихивала его носом.

Рос он хилым и слабым. Позже всех открыл глазки, позже начал ходить. Вот поэтому я и решила подбросить его Пери. Но сделать это сразу было нельзя. Надо было перевести собаку в тёплое помещение. Около слоновника была свободная комната. Я отгородила в ней угол, постелила солому и впустила Пери. Пери сначала обошла всю комнату. Обнюхала все уголки, потом спокойно улеглась на приготовленное место. Тогда я принесла ей динго. Неласково встретила чужого щенка собака. Он был намного крупнее её малышей, да и цветом совсем не такой. Динго за ней бегал, ласкался, а собака ворчала, огрызалась и уходила. На ночь оставить их вместе я боялась. Пришлось разгородить комнату. В одной половине я оставила динго, в другой — Пери и ушла. Ушла не сразу. Несколько раз возвращалась и заглядывала в окно.

Оставшись один, щенок скучал. Без матери было холодно, непривычно одиноко. Он визжал. Пери заметно волновалась. Напомнил ли ей визг щенка собственных

малышей или проявилось материнское чувство — не знаю, только она несколько раз вставала с места, подходила к отгороженному углу и старалась лизнуть щенка. Утром Пери на месте не оказалось. Она лежала около перегородки, а с другой стороны, плотно прижавшись к ней, спал щенок. После этого я без опаски пустила их вместе. Щенок сразу бросился к Пери. За ночь он сильно проголодался, тыкал её мордашкой, вилял хвостиком, тихонько повизгивал. И Пери не сопротивлялась. Она легла, а щенок, дрожа от возбуждения и перебирая лапками, жадно зачмокал. Теперь я была спокойна. Пери щенка приняла, и бояться за него было нечего. Назвали его «Чужой».

Лучше матери ухаживала за ним Пери, да и молока у неё было больше. И щенок стал заметно поправляться. Повеселел, перестали слезиться глазёнки, пополнели бока. Он был совсем не похож на прежнего заморыша — этот весёлый и резвый щенок. Везде лезет, везде нос свой суёт, ничего оставить нельзя. Залез как-то на стол и тетрадь разорвал. Другой раз я убрала тетрадь, так чернила пролил. А измазался как! Прихожу — узнать не могу: был рыжий щенок, а стал чёрный. Насилу отмыла. Сидит Чужой в тазу, визжит, а Пери волнуется, вокруг бегают, ничего понять не может. Она всегда так волновалась, когда щенка трогали. Свои ещё ничего, а попробуй подойти кто посторонний — сразу вцепится. Пришёл однажды монтажёр электричество чинить, залез на лестницу, да так на ней и остался. Просидел до моего прихода, бедняга.

И всё-таки чужой щенок не мог Пери заменить своих.

Впрочем, Чужой не обижался. Он был на редкость самостоятельным щенком. Если я выпускала его погулять, он не бежал за мной, как это делали щенята его возраста. Наоборот, приходилось бегать за ним. Он уходил куда вздумается, делал что хотел, не слушался,

когда его звали, вечно всё вынюхивал и что-то искал. А чутьё у него было превосходное. Где-нибудь в стороне, под глубоким снегом, вырывал вдруг селёдочную голову, старую кость и обязательно тащил всё домой. Складывал под подстилкой всякую дрянь и охранял её, как драгоценность.

Не меньше любил Чужой пугать животных. Около слоновника, на горе, жили сибирские козероги. Они очень похожи на коз, только больше и серые. Когда я проходила с Чужим, они бежали всегда вдоль решётки и грозили ему своими длинными страшными рогами. Но щенок не пугался. Интересно было смотреть, как он старался их раздражить и подманить поближе. Приседал на передние лапки, отпрыгивал или делал вид, что боится и убегает, а когда обманутые козероги подходили слишком близко, старался укусить. Куснуть зазевавшегося ему очень нравилось.

Однажды он напал на козлёнка, но козлёнок оказался бедовым. Он не испугался, не убежал. Поднялся на задние ножки, постоял и вдруг, красиво трянув головой, ударил щенка рожками в бок. Чужой взвизгнул и отскочил. Рожки были маленькие, но

острые. Чужой поджал хвостик и бросился ко мне. С тех пор он коз не трогал.

В конце мая из неуклюжего, лопоухого щенка Чужой превратился в красивую, стройную собаку со стоячими, как у волка, ушами и гладкой рыжей шерстью. Пери он больше не сосал, но, как и раньше, был дружен с нею. Зато к людям Чужой стал не так доверчив. Особенно к мужчинам. Уклонялся от их ласки, огрызался, — возможно, потому, что находился всегда среди женщин. Гулял он теперь мало. Раньше я выпускала их с Пери свободно, теперь боялась.

Весёлая и резвая собака скучала. От скуки грызла стулья, столы, ковыряла лапами стену. Пришлось Чужого и Пери перевести на Новую территорию. На Новой территории был маленький деревянный домик, в нём освободили одну комнату и туда перевели собак. Разместились они там неплохо. Бегали по всем комнатам, а иногда заходили и в ту, где готовили корм. Чужой совсем не умел себя там держать: лез на стол, хватал что попало и, будь то хотя бы кусок мыла, старался утащить. Приходилось его выпроваживать мокрой тряпкой.

Гуляли Чужой и Пери до смешного по-разному. Пери всегда медленно, важно, а Чужой носился по газонам, клумбам, рыл ямы, валялся в грязи. Приходил домой чумазый. Несколько раз думала я о том, чтобы посадить его в клетку. Жалела только Пери. Казалось, что они должны друг по другу скучать. Я забыла, что они чужие.

Разлука наступила сама собой, и совсем неожиданно. В свободный загон около нашего домика перевели динго. Это были братья и сёстры Чужого. Увидев их, Чужой насторожился. Потом обернулся к Пери и, ласково тыкаясь мордой, казалось, звал её за собой. Но Пери не шла. Чужой несколько раз нерешительно отбегал, возвращался обратно и вдруг, рванувшись, бросился к динго. Пери осталась одна.

Некоторое время она смотрела ему вслед, потом повернулась и медленно пошла. Её роль приёмной матери была окончена.

Тюлька

Летом 1932 года привезли в Зоопарк из южной Туркмении двух гиен. Гиенами я интересовалась давно. Читала, что это глупый, злой зверь, что его трудно приручить, и решила проверить.

Тюлька и Ревекка были две сестры. Две пятимесячные полосатые гиены, с толстыми, словно опухшими, мордами, неуклюжие и смешные. Обычно молодые животные привыкают к новой обстановке скорее взрослых. Они не так запуганы, не так боятся людей, и приручить их гораздо легче.

Привыкли ко мне скоро и гиены. Как только я входила в клетку, бежали навстречу, кружились около ног и кричали. А как они кричали! Громко, с каким-то скрипом и протяжным хрипом. Трудно было узнать, злились они или ласкались, потому что то и другое было очень похоже. Занималась я больше с Тюлькой: больше её ласкала, приносила сладостей. Когда же она ко мне привыкла, стала выводить на прогулку. Первый раз она очень испугалась. Испугалась незнакомых людей, зверей, а больше всего цепи.

Цепь гремела около самого уха, душила, держала, не давала уйти. От страха Тюлька стала вырываться, всё кусать. Кусала цепь, скамейку, кусала свои лапы. Можно было подумать, что она взбесилась. С большим трудом удалось её схватить за шиворот и водворить на место.

В следующий раз вместо цепи я взяла уже ремень и вывела её вместе с Ревеккой. Вдвоём у них дело пошло лучше. Сестрицы жались друг к другу, им было не так страшно.

Поиграть я выпускала их в загон. Заигрывала чаще Тюлька: тащила Ревекку за шиворот, тихонько кусала

сзади. Ревекка всегда боялась и вечно пряталась. Тюлька была куда смелей. Вскоре она совсем освоилась, свободно гуляла меж клеток и не боялась людей.

Ходила она на привязи хорошо, но была упряма. Когда ей не хотелось идти, она останавливалась или ложилась. Можно было сколько угодно её звать, манить, тащить за ремень — Тюлька давилась, хрипела и всё-таки не шла. Она упиралась всеми четырьмя лапами, и сдвинуть её с места было трудно.

Приходилось брать на руки и несколько шагов проносить. Повторялось это очень часто, и скоро Тюлька настолько привыкла к такому способу передвижения, что даже не сопротивлялась. Вообще она позволяла мне делать с собой многое.

С Ревеккой из-за мяса дралась, а мне отдавала свою порцию и даже не огрызалась. Сколько раз я брала кусочек мяса, зажимала в кулак и давала Тюльке. Она облизывала всю руку, забирала в пасть, а зубы, которые дробили кости, как сахар, не оставляли даже царапины.

К концу лета нам пришлось расстаться. Ревекку продали в другой зоопарк, а Тюльку перевели в помещение Острова зверей.

Остров зверей находился на Новой территории Зоопарка, и ходить туда у меня не было времени.

Прошло больше года. За это время я ни разу не была у Тюльки. Сначала не хотелось её тревожить, потом казалось, что она должна меня забыть. Но память у зверя оказалась лучше, чем я думала.

Работала я тогда экскурсоводом. Захожу однажды в львятник и слышу вдруг хрип, знакомый скрипучий хрип, и вижу, как мечется по клетке гиена. Смотрела она на меня. Даже публика обратила внимание. Долго не могла я понять, в чём дело.

Гиена была взрослая, как будто незнакомая, и вдруг ласкается, хрипит. Уже после узнала я от служителя, что это Тюлька и что на время её перевели в львятник.

Я несколько раз к ней заходила, ласкала, потом уехала в отпуск. Вернулась через два месяца. Узнала, что в этот день Тюльку выпускают на Остров зверей к другим гиенам, и пошла посмотреть.

Гиены Девочка и Мальчик были много больше Тюльки. Они вместе выросли и встретили новенькую недружелюбно. Шерсть их встала дыбом, они кружились вокруг Тюльки и злобно хрипели.

Бедная Тюлька вся сжалась, забилась в самый дальний угол и кричала. Первой её куснула Девочка. Тюлька обернулась, и тут-то схватил её Мальчик. Отбили Тюльку с большим трудом. Хотели отсадить, но, обезумев от боли и страха, Тюлька никого не подпускала. Бросалась на людей, вырывала из рук палки, дробила их зубами, как щепки. Попробовали накрыть сачком. Не удалось и это.

Тогда я решила войти и попытаться её взять сама. Меня отговаривали. Говорили, что ничего не выйдет,

что слишком большой срок разлуки, что всё равно она меня не узнает.

Однако я всё же вошла.

Увидев меня, Тюлька прижалась к стене. Она рычала и смотрела глазами, полными злобы. Стоявшая дыбом шерсть делала её большой, а окровавленная морда и рваная рана на шее придавали непривычно дикий вид.

Сказать по совести, я себя чувствовала не совсем спокойно. Несколько раз пыталась к ней подойти, и несколько раз она бросалась и старалась укусить. Тогда я попросила всех выйти, отошла в сторону и стала её звать.

— Тюлька, Тюлюсенька, — уговаривала я её, — ну поди же ко мне, мордастая!

Не знаю, знакомые ли слова, голос или просто она узнала меня, но только Тюлька, страшная, окровавленная Тюлька, взрослая гиена, захрипела, подбежала, стала ласкаться. Оставляя следы крови, тёрлась она о платье, ползала, ложилась на живот.

Осторожно, чтобы не задеть больного места, я надела ей на шею ремень, укрепила около самых ушей, потому что ниже была рана, и повела. Вести нужно было вокруг Острова зверей и ещё немного по помещению. Не гуляли мы с ней ведь давно: она могла испугаться, убежать. Или, ещё хуже, потянуть ремень, сделать себе больно, разозлиться. Но опасения оказались напрасны.

Давно сполз на шею ремень, тёр рану, а Тюлька словно не чувствовала боли.

Спокойно, как будто гуляла так каждый день, шла она за мною. Спокойно дала себя взять на руки, посадить в клетку, снять ремень.

Жила она в Зоопарке долго, и хотя я заходила к ней редко, стоило Тюльке услышать мой голос, как она начинала кричать, бегать по клетке, просить ласки, а

когда я уходила, долго ещё тёрлась о те прутья, сквозь
которые я просовывала к ней руки.

Лоська

Первое знакомство

С самого утра не ладилось дело. Скисло молоко, не привезли вовремя мяса. Голодный молодняк пищал на разные голоса, а тут ещё принесли лосёнка. До этого я выкармливала волчат, лисят, выдр и многих других зверей, но лосят мне не приходилось выкармливать, и я теперь не знала, что с лосёнком делать. Был он такой маленький, жёлтенький, похожий на телёночка, с большими, как у осла, ушами, с вытянутой мордой и совсем-совсем незнакомый. Поместила я его в загон.

Загон был большой, удобный, с маленьким домиком, где лосёнок мог укрыться от дождя. Первое моё с ним знакомство было не из удачных. Как только я вошла, малыш насторожил большие чуткие уши и отбежал. Я его звала, манила молоком, а лосёнок от меня бежал и никак не хотел подходить. Пришлось отложить знакомство до следующего раза.

На другой день, сильно проголодавшись за ночь, мой новый питомец оказался сговорчивей. Запах тёплого молока, шедший из бутылки, раздражал аппетит. Лосёнок вертелся около меня, жалобно пищал, взять же соску сначала не решался. Тогда я села на корточки, вытянула руку с бутылкой и сидела тихонько, не шевелясь. Обычно это очень помогает: человек становится как будто меньше, и зверь подходит смелей. Подошёл и лосёнок. Подошёл осторожно, ступая на самые кончики копытцев, смешно вытягивая шею. Понюхал соску, лизнул и вдруг, забрав почти всё горлышко бутылки в рот, вкусно зачмокал. В бутылке

забулькали пузырьки, я давно встала, а лосёнок всё пил и пил.

В следующую кормёжку он подошёл смелей. Дал погладить кончик своей мордашки, а к концу дня подбегал уже сам.

Друзья

Вообще Лоська — так называла я малыша — привык ко мне очень скоро. Уже через несколько дней ходил за мной, как за матерью, а оставшись один, скучал, бродил из угла в угол, протяжно кричал и все смотрел в ту сторону, откуда я обычно появлялась. Зрение у Лоськи было плохое. Если я надевала незнакомое ему платье, он долго приглядывался и принюхивался, прежде чем меня узнавал. Зато чутьё и слух у него были хорошие. Стоило ему издали услышать мой голос, как он бросался навстречу, ласкался. Ласкался Лоська очень трогательно: клал на плечо мне голову и нежно пощипывал губами щёку. В такие минуты я любила его, как ни одно животное.

Не было дня, чтобы я пришла к своему любимцу без гостинцев. Делилась с ним завтраком и обедом. Чего он только не ел! Конфеты, сахар, пирожки и даже бутерброды. Одним словом, всё, что получал из моих рук.

Помню, один раз он заболел и никак не хотел принимать лекарство. Лекарство закатывали в хлебном шарике, разбавляли молоком, но чутьё у лося хорошее, и обмануть его не удавалось. Тогда дать лекарство взялась я. Не прятала его, не старалась даже отбить запах — просто вылила его на хлеб и стала упрашивать Лоську съесть. Долго не соглашался Лоська. Нюхал, фыркал, отворачивался. Несколько раз брал в рот, выбрасывал. И всё-таки съел. А из чужих рук не брал

даже корма. Возможно, потому, что я готовила ему всегда сама. Выбирала еду по его лосиному вкусу. Знал же его вкус не всякий. Маленьким он очень любил морковку, сухари; когда же подрос, то стал есть овёс, отруби, хлеб. Сена не трогал совсем, а ел ветки осины или дуба. К концу зимы их обычно не хватало, но для Лоськи они были всегда в запасе.

Наказанный лакомка

Лоська был большой лакомка. Бывало, положим ему корм, а он возьмёт и выберет самое вкусное, остальное выбросит на землю. Сколько я с ним из-за этого ссорилась! Разве можно быть таким разборчивым! Никто же не виноват, что жёлуди горькие, зато они питательны.

И вот в наказание я не брала его на прогулку. А на прогулки Лоська всегда стремился. Он готов был съесть всё самое невкусное и горькое, лишь бы погулять. Гуляли мы с ним рано утром, когда не было ещё публики. Ходили по всему Зоопарку, заходили в помещения за продуктами, в хозяйственную часть и даже в буфет. У Лоськи были свои любимые места, а некоторых мест он боялся и обходил. Обычно это с чем-нибудь связывалось. Например, в львятнике его напугали звери. Попал туда Лоська случайно. Увидел открытую дверь и вошёл. Сколько переполоху, шуму наделал он своим появлением! Бросились на решётку леопарды, рыча метались львы, а самый злой тигр, Раджи, притаился и выжидал момента, чтобы прыгнуть.

Бедный Лоська! Он так перепугался, что даже бросился не в те двери, в которые вошёл. Вернула его я. Он прижался ко мне и часто, мелко дрожал.

После этого Лоська хорошо запомнил львятник и, когда мы проходили мимо, пугливо прижимал уши и

косил глаза. Зато уж буфет Лоська никогда не пропускал! Он хорошо знал, что его там ждёт. Важно шагая между столиками, подходил он к прилавку. Продавщица уже знала Лоську. Отпускала за мой счёт лакомства, прибавляла ещё что-нибудь от себя, и Лоська не торопясь уходил.

И всё-таки самым любимым местом его прогулок была дорожка вокруг большого пруда Зоопарка. Там было так хорошо побегать, порезвиться, а самое главное — полакомиться ветками ивы! Ах, как любил их Лоська! Больше морковки, сухарей и даже сахара.

Лоська так увлекался, что, всегда послушный, не сразу шёл на зов. Ведь недаром считался он лакомкой. Сначала я не обращала на это внимания. Когда же это стало повторяться слишком часто, решила проучить непослушного, воспользовавшись первой же прогулкой вокруг пруда.

Лоська занялся ветками, а я тихонько, чтобы он не заметил, отошла в сторону и спряталась в кусты. «Ну, — думаю, — теперь поищешь, будешь знать, как не слушаться!» Сажу и жду, что будет дальше.

Моё отсутствие Лоська заметил не сразу. Но как испугался он, когда увидел, что остался один! С криком, каким лосята призывают мать, ринулся он вперёд. Казалось, ничто не может остановить его бешеный бег. Я страшно испугалась. Вдруг Лоська споткнётся, упадёт, сломает ногу!

— Лоська, Лоська! — закричала я, выскакивая из засады. При первом же звуке моего голоса Лоська остановился как вкопанный. Вернулся ко мне и всю обратную дорогу трусливо жался, боясь потеряться опять.

В роли заступника

Уже с лета я стала запасать для Лоськи на зиму сухие веники с листьями. Выбирала со склада самые лучшие и прятала в Лоськин домик. Лоська так вырос, что с трудом в нём помещался. К осени он стал серым, а длинные ноги побелели.

К посторонним Лоська относился недоверчиво и даже не позволял себя трогать. Зато я могла с ним делать что угодно. И когда однажды он напорол на гвоздь ногу, то, кроме меня, никто не мог промыть ему рану. А как осторожно ложился он около меня в своём тесном домике, если я оставалась посидеть! Прежде чем ступить, долго нащупывал ногой свободное место, весь дрожа от неудобной позы и напряжения.

Ещё маленьким лосёнком пытался он меня защищать. Прижимал уши, смешно косил глаза и сердито топал тонкими ножками. Мне это так нравилось, что я просила сотрудников закричать или замахнуться на меня. Сначала его все дразнили охотно, но когда из рыжего маленького телёночка Лоська стал полувзрослым серым лосем, охотников находилось всё меньше и меньше. А кончилось тем, что при нём ко мне боялись подойти. И не зря...

Однажды, гуляя с Лоськой по Зоопарку, я встретила сторожа. Сторож был новый, только недавно поступил. Он не знал, что Лоське разрешают рвать ветки, и стал ругаться, что я позволяю ему портить деревья. Несколько раз я старалась ему объяснить, что Лоське можно, но он так кричал, что даже ничего не слышал. Когда Лоська услышал крик, он перестал есть и внимательно разглядывал махавшего руками сторожа, потом прижал уши и, высоко поднимая передние ноги, медленно пошёл на него. Лоська был очень страшен. Даже я испугалась его в этот момент. Глаза налились кровью, и вся шерсть поднялась дыбом, отчего он казался непривычно большим. Испугался и сторож.

Недалеко от того места, где мы стояли, было помещение обезьянника. Сторож бросился туда и едва успел захлопнуть дверь, как Лоська поднялся на дыбы и два острых копыта оставили на двери глубокий след. Неудивительно, что после этого его стали бояться ещё больше.

Ревность

Лоська был очень ревнивым. Если я ласкала при нём какое-нибудь животное, он злился и старался его ударить копытами.

В Зоопарке у меня было много четвероногих друзей. Когда я гуляла с Лоськой, то заходила иногда поласкать их. Заходила к своему ручному волку. После истории в львятнике Лоська боялся зверей, но ревность брала верх. Он бросался к клетке, становился на дыбы и бил передними ногами по решётке. И вот, с одной стороны волк, а с другой — лось старались достать друг друга.

Осенью привезли в Зоопарк ещё одного лосёнка. Звали его Васькой.

Васька был ручной, и чтобы ему не было скучно, его поместили вместе с Лоськой.

Но ни в первый, ни в следующий день они не познакомились. Ели из разных кормушек, ходили в разных частях загона. Можно было подумать, что лосята чего-то не поделили, так строго держались они каждый своей стороны. Всё это делал Лоська, и всё потому, что я больше занималась Васькой. Раньше я ласкала одного Лоську, и теперь, с появлением соперника, он заметно злился.

Несколько раз Васька пытался завязать с ним знакомство — подходил ближе, дружелюбно тянулся к нему мордой, но Лоська упорно сторонился, и с каждым днём назревала вражда.

Однажды я вошла в загон. Васька побежал за мной и незаметно для себя переступил через ту невидимую границу, которая делила их загон.

Словно ураган налетел на него Лоська. Сшиб с ног, стал бить копытами. Оглушённый Васька лежал на земле. Напрасно я пыталась его защитить: ни крики, ни удары подоспевшего ко мне на помощь сторожа не помогали. Лоська так остервенел, что не замечал их. Наконец с большим трудом Ваське удалось подняться. Преследуемый Лоськой, он бросился бежать. Бедняга так растерялся, что даже не пробовал защищаться, только пытался уклониться от ударов и жалобно кричал. От этих криков или оттого, что надоело, но, загнав Ваську в домик, Лоська оставил его в покое.

После этого он держал его в постоянном страхе. Занял обе кормушки и весь загон, давал есть урывками и часто бил.

В плохую погоду выгонял из домика, в хорошую — загонял туда.

Бедный Васька! Укрощённый Лоськой, он больше не сопротивлялся, подчинялся во всём, и всё-таки ему попадало, особенно если он подходил ко мне. У Васьки даже образовалась привычка при виде меня убежать.

К осени Лоська сильно вырос. Он стал такой большой, что легко перескакивал через изгородь загона, и его перевели в другой.

На новом месте было куда лучше. Много зелени, травы, много места для игр и движений. Хуже только потому, что загон находился на другом конце парка, и я реже туда ходила. Лоське это не нравилось. Он привык видеть меня целые дни и теперь заметно скучал.

Зато сколько было радости, когда я приходила! Лоська ходил за мной по пятам, тёрся о меня мордой и, как прежде, ласково щипал губами лицо. Иногда начинал играть. Находил «врага» — щепочку, комочек земли или ветку, — бросался на него, бил ногами, топтал или вдруг скользящим, размашистым шагом убегал и долго носился по загону. Делал это Лоська обычно утром, очень рано, когда не было публики и никто ему не мешал. Остальную часть дня он лежал или гулял по загону.

Конец

Так прошла осень, наступила зима. Зимой у меня заболел сынишка. Я ушла с работы и сидела дома. Лоська заскучал. Всё время ходил по загону и кричал. Через несколько дней мне позвонили по телефону и сказали, что Лоська не ест.

Я пошла в Зоопарк. По шагам, по скрипу снега Лоська сразу узнал меня. Вскочил, бросился навстречу, потом к кормушке — и долго и жадно ел. Ушла я потихоньку, прячась, чтобы Лоська не увидел. Обернувшись в последний раз, я видела, как метнулся

он к изгороди, и долго ещё слышала его протяжный крик.

Начались мои мучения. Дома — больной ребёнок, а в Зоопарке без меня Лоська продолжал отказываться от пищи. Ел только тогда, когда приходила я. Сначала кидался ко мне, потом к кормушке. Ходил Лоська всегда в той части загона, откуда видел меня последний раз. Глубокая яма на снегу показывала, что он там же и спал, а ровный снег кругом и притоптанная дорожка говорили о том, что он никуда не ходил. Не ходил он и к кормушке. Снег около неё был свежий, нетронутый.

Лоська голодал. Бока у него впали, гладкая шерсть взъерошилась, и можно было пересчитать все кости.

С каждым днём ему становилось всё хуже и хуже. Место его лёжки от тяжести тела углубилось, а дорожка следов уменьшилась.

И вот настал день, когда Лоська поднялся с трудом, пошатываясь на ослабевших ногах. Ноги вязли в глубоком снегу: он тяжело их поднимал, и когда ставил, было видно, как они дрожат. К кормушке Лоська уже не подошёл. После долгих уговоров съел несколько сухариков, помял и выбросил конфету, потрогал губами мою щёку и опять лёг.

Всю эту ночь я не спала. Перед глазами стоял Лоська — то весёлый, здоровый, то такой, каким я его видела последний раз.

Встала я очень рано. Не находила себе места, всё валилось у меня из рук. Было тяжело и тоскливо. Утром я поехала в Зоопарк.

Лоськи в Зоопарке не было. Никто меня не встретил, никто не поднялся навстречу.

Снег запорошил следы, и только там, где всегда лежал Лоська, ещё виднелось углубление.

После смерти Лоськи прошли годы. Много разных зверят было у меня за это время, но до сих пор я не

могу забыть маленького, жёлтенького телёночка,
которого звали Лоськой.

Арго

Когда я вошла в клетку, волчонок забился в угол и испуганно скосил глаза. С рыжеватой шерстью, круглолобый, он мне понравился сразу. Понравился ещё и тем, что, когда подошла поближе, он щёлкнул зубами и отскочил.

Таких волчат я люблю. Их трудно приручить, но, если привыкнут, они не забывают хозяина.

Назвала я волчонка Арго. Приходила я к Арго каждый день — приносила ему косточки, кусочки мяса, но волчонок от всего отказывался и оставался по-прежнему диким. И лишь дней через десять он первый раз взял у меня из рук кусочки мяса. Пугливо скосив на меня глаза, он быстро его съел и опять убежал в угол. Многих трудов и терпения стоило мне добиться, чтобы он позволил себя гладить. Да и то в такие моменты он становился как каменный: прятал между лапками мордочку, лежал не шевелясь, а словно застывшие глаза смотрели в одну точку. Терпеливо перенося ласки, он сам их никогда не просил. Зато не забуду радости, когда он приласкался в первый раз.

Случилось это неожиданно даже для меня. Я не была в Зоопарке около двух недель. Пришла и сразу же отправилась проведать своего питомца. Ожидала, что после разлуки он одичал, меня забыл и теперь опять не даст себя тронуть. Оказалось наоборот. Едва я открыла дверь помещения и вошла, как вижу: в клетке навстречу мне метнулся волчонок.

Он так вилял хвостом, скулил и рвался ко мне, что я даже не поверила своим глазам.

Я хорошо знала Арго, но на этот раз подумала, что ошиблась. В соседней клетке сидел ещё волчонок, звали его Лобо.

Лобо был совсем ручной, и я решила, что это он. Проверила клетки — нет, Лобо сидел на месте, а Арго, дикарь Арго, был неузнаваем: ползал на брюхе и так ласкался, словно был ручной всю жизнь.

С этого дня дело быстро пошло на лад, и скоро я уже выводила Арго на ремешке. Конечно, не сразу. Сначала он очень боялся, жался к ногам, тянул в сторону или, вдруг испугавшись, бросался назад. Но это было только первое время. Арго оказался способным учеником и вскоре ходил на привязи не хуже любой собаки.

Летом его пересадили в клетку к Лобо. Совсем не похожие по характеру, крепко сдружились волчата. Если брали одного, другой сучал и рвался за товарищем. Обычно их выводили вместе.

Ляля Румянцева с Лобо, а я с Арго гуляли по дорожкам парка. Иногда, если не было публики, пускали волчат свободно. Играя и перегоняя друг друга, они резвились совсем как щенята. Держались волчата около нас. Более самостоятельный, Арго иногда отбегал, но стоило мне сделать вид, что ухожу, как он возвращался обратно.

Арго становится взрослым

Благодаря частым прогулкам и внимательному уходу Арго рос хорошо.

За лето он сильно вытянулся, стал ростом с большую собаку, за зиму возмужал. Теперь это был сильный и опасный волк. Но только для других, для меня же он оставался прежним волчонком Арго. Чего я с ним только не делала! Теребила пушистую шерсть, таскала за лапы, хвост. И не было случая, чтобы он на меня огрызнулся.

Однажды Арго заболел экземой. Болезнь эта неопасная, но тяжёлая. На теле появляются болячки, зуд, раны. То же случилось и с Арго. За какой-нибудь месяц вылезла густая, пушистая шерсть, а воспалённое болезнью тело покрылось болячками и ранами. Приходилось его смазывать мазью. Делала это я. Мазь была очень едкая. Когда я втирала её, Арго от боли ложился на спину, скулил, ловил зубами мои руки.

Мягко жали огромные клыки и никогда не причиняли боли. Но это не значило, что Арго не умел кусаться. Его зубы хорошо дробили кости, а клыки могли рвать не только мясо.

Ещё зимой бросилась на него собака. Собака была очень большая, гораздо больше Арго, а его, наверно, приняла за овчарку. Подбежала ближе и вдруг увидела Арго. Кинулась назад, но поздно: метнулся вслед за ней Арго. Собака бежала нервно, скачками, то проваливаясь в снег, то выскакивая. Уверенно, размашистым шагом преследовал её Арго. Напрасно я кричала и звала его

назад. Он так увлёкся, что, казалось, ничего не слышал. Всё ближе, ближе... настигает... настиг. С разорванной от шеи до плеча раной покати́лась в сторону собака, а Арго, полувзрослый волк, возвратился без единой царапины.

Ненависть волка

К чужим Арго не подходил и, если его не трогали, не кусал. Вообще вёл себя так, как будто никого не замечал.

Однажды был такой случай. Я пустила Арго побегать в загон и ушла. Возвращаюсь через полчаса и вижу: дверь загона полуоткрыта и волка нет. Я испугалась: вдруг что натворит, укусит кого-нибудь... День был выходной, народу много. Бегу, а сама смотрю, не видно ли где беглеца. Нашла его около клеток с орлами. Идёт Арго между посетителями, по сторонам поглядывает, да так спокойно — даже публика не обратила внимания, что это волк.

Хорошо, что Арго не встретил служащего ветеринарного пункта Николая Михайловича. Его Арго не любил. Даже больше — ненавидел. И случилось это из-за пустяка. Когда Арго болел, Николай Михайлович переводил его в другую клетку, а чтобы волк не укусил, связал ему морду верёвкой. Крепко возненавидел его за это насилие Арго. Память у волка хорошая, и неудивительно, что полгода спустя Арго чуть не свёл с Николаем Михайловичем счёты. А получилось это вот как.

Вырвался из загона як. Николай Михайлович и несколько сотрудников парка пошли его загонять. Проходить нужно было мимо Арго, который последнее время сидел на цепи. Увидев среди проходивших ненавистного ему человека, Арго не бросился. Он лёг за

будку и караулил его, как кошка мышь. Николай Михайлович совсем забыл об опасности и проходил слишком близко от волка.

Каждый раз вздрагивало серое тело Арго. Он делал почти незаметное движение в сторону Николая Михайловича, но каждый раз оставался на месте.

Слишком хорошо знал Арго длину своей цепи. Часто, сидя днями на привязи, он развлекался тем, что ловил воробьёв, ловил их быстро, без промаха: он знал ту грань, за которой они были доступны, и никогда не ошибался. Не ошибся и тут.

Стоило Николаю Михайловичу чуть-чуть перейти эту грань, как Арго одним могучим прыжком очутился около своего врага.

Спасла Николая Михайловича случайность. От сильного рывка цепи волка отбросило назад. Правда, он тут же вскочил и бросился снова, но Николай Михайлович был уже в стороне и поправлял оторванный ворот рубашки.

На новом месте

После этого случая Арго вместе с Лобо и волчицей Дикаркой перевели на Остров зверей.

Остров зверей совсем не походил на тесные, тёмные клетки старого парка. Просторные, залитые солнцем площадки, трава, деревья, а вместо решётки широкий ров с водой — всё это создавало обстановку свободы.

На новом месте угрюмый и сильный Арго сразу взял верх над выпущенными вместе с ним волками.

Никто, кроме него, не смел подойти ко мне, никто не мог взять первый кусок мяса. Он был вожаком этой небольшой стаи, на этом маленьком клочке земли, где царил свой закон свободы.

Интересно относились ко мне родившиеся на площадке волчата.

Они были совсем дикие, никого не знали, и войти к ним с пустыми руками было опасно. Однако благодаря Аргу я входила к ним свободно. Волков он ко мне не подпускал, а если кто-нибудь из них подходил слишком близко, набрасывался и кусал их.

Арго — киноартист

Из всех волков Арго был самый красивый и сильный. Когда для киносъёмок был нужен волк, всегда останавливались на нём.

Первое его знакомство с киноаппаратом состоялось зимой на пруду Зоопарка. Надо было изобразить охоту на волков. Вокруг пруда натянули бечёвку с флажками. Это была западня для волка, которую устраивают на

настоящей охоте. Флажков волки боятся. Так боятся, что даже не решаются перепрыгнуть, чтобы уйти. Охотники этим пользуются и стреляют волков, которых гоняет егеря в кругу флажков.

Когда все приготовления закончились, а кинооператор сидел в надёжном месте, я пошла за Арго. Услышал он звон цепи ещё издали. Насторожил уши и, радуясь предстоящей прогулке, заскулил. Я надела цепь, и Арго, виляя хвостом, весело пошёл за мной.

Вышла на пруд. Я спустила его с цепи и отошла в сторону. Арго обрадованно взмахнул хвостом, отбежал, а потом, припадая на передние лапы, стал приглашать меня поиграть. Вдруг затрещал аппарат. Непривычный звук сразу привлёк внимание волка.

Он вскочил, насторожился и, пугливо прижимая то одно, то другое ухо, стал беспокойно вынюхивать воздух. Зрелище было очень красивое: на белом снегу резко выделялось могучее серое тело волка, напряжённо и осторожно ступавшего, готового каждую секунду отскочить или укусить. Как раз то, что было нужно для кинокартины.

Дальнейший ход картины требовал показать волка в тот момент, когда он вышел к самым флажкам, но не решался их перепрыгнуть. Однако Арго упорно не подходил к верёвке. И как я ни старалась отогнать его от себя, Арго всё время держался рядом. Пришлось пойти на хитрость: я перешла через линию флажков, ушла подальше и позвала к себе Арго.

И вдруг случилась неожиданность. Арго с разбегу, как собака, перемахнул через «непроходимую» линию и подбежал ко мне. Все охотничьи правила были нарушены. Из-за аппарата показалось полное ужаса лицо оператора. Момент был испорчен. Пришлось крутить сначала.

Тогда я стала ходить около самых флажков и хлопать в ладоши. Арго то подбегал ко мне, то отскакивал. Цель была достигнута; оператор был в восторге и уверял, что четвероногий «артист» оказался куда понятливей иных двуногих.

После этого Арго пришлось сниматься во многих картинах. Он быстро привык к звуку киноаппарата, перестал обращать на него внимание и послушно выполнял задания. Зато человека, крутившего ручку, Арго считал своим злейшим врагом. Он каждую минуту старался выместить своё зло на брюках операторов; не раз операторам приходилось от дюймовых клыков «артиста» спасаться на дереве.

«Переводчиком» при нашем «артисте» всегда была я. Режиссёр говорил мне, какая «игра» требуется от волка, а я уже обдумывала, как этого добиться. Это не составляло особого труда, так как я хорошо знала характер Арго. Но как-то раз, во время съёмки одной из картин, случилась история, которая чуть не кончилась плохо.

Нужно было заснять борьбу женщины с волком. Сделать это было нетрудно: Арго любил играть, а во время игры он набрасывался на меня, делая вид, что хочет укусить. Надо было только вызвать его на игру.

Вышли на съёмку. Никогда не имевший дела с дикими животными, режиссёр решил, что волк может подождать, и занялся другими делами. Арго ждал. Время подходило к трём часам, когда Арго обычно получает свою порцию мяса. Голодный, он всё больше и больше волновался: то ложился, то вставал. Видя это, я стала требовать немедленной съёмки.

Наконец всё было готово. Меня загримировали и одели в тулуп. Против тулупа я протестовала: от него сильно пахло овчиной, а для голодного волка это был большой соблазн. Но спорить было трудно, да и времени не было. Я подошла к метавшемуся волку. Арго

сразу же молниеносным броском кинулся на меня и всей силой стальных челюстей вцепился в тулуп. Глаза у него злобно горели, а шерсть встала дыбом. Пришлось много раз как можно спокойнее назвать его по имени, прежде чем знакомый голос дошёл до сознания волка. Медленно, с трудом Арго разжал зубы, долго и внимательно смотрел мне в лицо. Затем, узнав, он виновато прижал уши, отряхнулся. Шерсть, стоявшая дыбом, легла, и уже не верилось, что минуту назад передо мной был злобный, дикий зверь.

Много раз снимался Арго для разных картин: «Охота с флажками», «Господа Скотинины», «Битва жизни» и других.

Сейчас Арго стар, зубы у него стёрлись, пропали дюймовые клыки. Уже новые волки готовы занять его место, но всё же на Острове зверей Зоопарка нет волка красивее Арго — Арго-киноартиста.

Раджи

Привезли Раджи зимой 1925 года. В тот первый год, когда Зоопарк только начал пополняться животными после тяжёлых лет разрухи и голода. Раджи был первый бенгальский тигр, полученный нами, и, конечно, каждому хотелось его посмотреть.

Ящик, в котором привезли тигра, был крепко сколочен, обит железом и окован толстыми металлическими обручами. Одним словом, сделан так, чтобы перевозка зверя обошлась без случайностей в дороге. Разглядеть тигра было трудно. Он сидел в ящике, забившись в угол, и оттуда слышалось только глухое, несмолкаемое рычание. Ящик с тигром подвезли к помещению львятника, потом десять человек осторожно его сняли с машины, приставили к клетке и накрепко привязали к решётке, чтобы он не сдвинулся.

Когда открыли дверь клетки, все думали, что тигр выскочит сразу. Однако зверь не спешил. Теперь даже не стало слышно его глухого рычания. Чувствовалось, что он затаился и что-то выжидает. Прошла минута... другая... Служитель уже взял крейцер, чтобы поторопить зверя, как он вдруг неожиданно, одним прыжком вскочил в клетку и тут же, резко повернувшись, со злобным рёвом бросился на решётку. Все невольно отшатнулись, а тигр с какой-то неукротимой яростью бросался на решётку ещё, ещё и ещё... Решётка сотрясалась от ударов его могучих лап, а на губах зверя показалась кровавая пена. Потом так же неожиданно тигр прижался в угол клетки, и по тому, как он отворачивался и прятал голову, было видно, что он старался скрыться от человеческих глаз.

Тогда, чтобы дать зверю успокоиться, заведующий секцией приказал всем выйти из помещения. Дежурить

ночью оставили меня. Я была очень и очень этому рада. Мне хотелось посмотреть, как будет себя вести на новом месте Раджи. Я села на скамейку, которая стояла в стороне, и старалась сидеть тихо, неподвижно, чтобы не привлекать внимание зверя.

Сначала, когда все вышли из помещения, тигр продолжал сидеть по-прежнему неподвижно в углу клетки. Затем встал и подошёл к решётке. Некоторое время он стоял не шевелясь, будто к чему-то прислушиваясь, потом вытянул голову и громко, протяжно мяукнул. До этого я много раз слышала мяуканье тигра, но такого тоскливого — никогда. «У-аа-у, у-аа-у», — казалось, не мяукал, а стонал он, глядя куда-то мимо решётки, в пространство. Я хотела встать и подойти к клетке, но стоило мне чуть шелохнуться, как он резко ко мне повернулся и с рёвом бросился на решётку. После этого он больше не мяукал. Всё время безотрывно следил за мной, и достаточно было шевельнуться, как, словно в ответ, слышалось его рычание.

Около клетки Раджи свисала на шнуре яркая лампа, и я могла хорошо разглядеть тигра. Самыми интересными мне показались его глаза. Они были совсем не такие, как у остальных львов и тигров, которые жили в Зоопарке. У тех зверей глаза были коричневатые, а у Раджи светлые, будто янтарь. Глаза этого тигра невольно обращали на себя внимание и придавали ему выражение какой-то неукротимой свирепости.

Хорошо разглядела я и большую, седую голову тигра, его сильное, мускулистое тело и огромный рубец, который пересекал полосатую спину. Судя по рубцу, рана была страшная, и как он её перенёс, я даже не могла представить.

Было уже поздно — часы пробили два часа, и я прилегла на скамейку. Не знаю, дремала я или спала, но

каждый раз> когда открывала глаза, встречала пристальный взгляд зверя и слышала его глухое рычание. Он по-прежнему находился в углу клетки, прижавшись животом к полу, каждую секунду готовый к прыжку. Прыжком на решётку и диким рёвом встретил он утром служителя, пришедшего на работу.

В первый день Раджи даже не взял мясо, которое ему дал служитель. Не ел он несколько дней. Наконец голод сделал своё дело. Рыча и оглядываясь по сторонам, Раджи крадучись подошёл к мясу. Он обнюхал лежавший перед ним кусок, потом присел на передние лапы и стал его есть. Он ел беспокойно, всё время отрываясь от еды, готовый каждую секунду броситься.

Он ел так всегда, всё то время, которое жил в Зоопарке. Другие тигры, получив свою порцию мяса, тут же ложились, а этот только приседал. Он ел в клетке так же, как на свободе.

Долго не мог привыкнуть Раджи и к посетителям Зоопарка. При каждом резком движении кого-либо из стоявших у клетки людей он с рёвом бросался на решётку. Но скоро понял, что сделать ничего не может, и перестал обращать внимание даже на тех посетителей, которые его дразнили.

По ночам все звери львятника спали. Не спал лишь один Раджи. Он метался по клетке и громко мяукал. Его голос всегда можно было отличить от голосов других тигров, — столько в нём было тоски. Однажды ночью во львятнике, в той комнате, где готовили для зверей корм, работал печник. Утром, когда пришёл служитель, печник попросил показать ему зверя, который всю ночь так кричал, что «душу вывернул». Служитель сразу догадался, что разговор идёт о Раджи. Повёл печника к клетке и показал ему тигра. Долго и внимательно

разглядывал печник тигра, его седую голову, жёлтые глаза...

— Видно, по воле тоскует, — сказал он, задумчиво глядя на зверя. — Ишь, седой весь, старик, видно. Такой к клетке не привыкнет.

И действительно, время шло, а тигр никак не привыкал. Он хоть и стал есть, но тосковал по-прежнему.

Но вот в Зоопарк привезли бенгальскую тигрицу, по кличке Баядерка, и нужно сказать, что она на редкость была красива. Стройная, с ярко-красными полосами, она к тому же была и игрива: то, ловко взбегаая по одной стене клетки и отталкиваясь, перепрыгивала на другую стену, то, хватая в зубы кусок мяса, начинала его подбрасывать и ловить, будто это была живая добыча. Сидели тигры друг против друга. Как познакомились они, никто не знал. Но только вскоре все заметили, что тигры ласково перефыркиваются. Тогда решили пересадить Раджи в пустую клетку рядом с тигрицей.

— Боюсь, что не пойдёт в транспортную клетку, — выразил своё сомнение заведующий секцией.

— Ничего, загоним. Голод не тётка: захочет есть, сам зайдёт, — уверенно ответил служитель.

Однако расчёт служителя не оправдался. К клетке Раджи приставили транспортный ящик, положили в него мясо. Мясо пролежало несколько дней, но Раджи его не ел и в ящик упорно не шёл. Не помог и живой кролик, которого как приманку привязали к ящику. Кто знает, быть может, все эти приспособления напоминали тигру ловушку, в которую он когда-то попал. Пришлось действовать иначе: освободить ту клетку, которая была рядом с Раджи, и перевести в неё Баядерку. Так и сделали. Очутившись рядом, тигры познакомились моментально. Уже через час Раджи подошёл к дверце, ласково пофыркивая тигрице. А та, словно в ответ,

тёрлась головой о дверцу, валялась на спине и всем своим видом показывала, что сосед ей очень нравится.

Своим поведением она была совсем не похожа на Раджи — подвижная, быстрая и очень коварная. Пройти мимо её клетки было далеко не безопасно. словно молния скользнув вдоль решётки, она ловко высовывала между прутьями когтистую лапу и старалась поймать проходившего мимо её клетки служителя. Она съедала свою порцию мяса без всякой опаски и оглядки, а после сытного обеда долго и тщательно умывалась и, развалившись посередине клетки, спокойно засыпала.

С переводом Баядерки Раджи стал скучать гораздо меньше. Он заметно интересовался своей красивой соседкой. Всё чаще и чаще с ней перефыркивался, особенно после того, как смежную дверцу заменили решётчатой.

Увидев, что тигры познакомились, их решили пустить вместе. Заранее приготовили брандспойт, чтобы на случай драки разнять тигров водой, и открыли дверцу. Пока её открывали, Раджи с рёвом бросался на стоявших рядом с клеткой людей. Открыв дверцу, все быстро отошли в сторону, чтобы не злить зверей. Раджи сразу перестал бросаться на решётку, он не успел даже повернуться, как Баядерка бесстрашно скользнула в его клетку и, упав перед ним на спину, стала кататься по полу. Это был, пожалуй, самый страшный момент. Ведь отношения Раджи к тигрице строились лишь на наблюдениях и предположениях людей. И хоть заведующий был очень опытный человек, но ведь случается всякое. Был же в Зоопарке случай, когда тигр у всех на глазах загрыз впущенную к нему тигрицу. Вот поэтому все с напряжением и следили за Раджи, опасаясь с его стороны нападения. Тигрица доверчиво каталась на спине, а Раджи, пристально на неё глядя, пятился назад, словно боясь до неё дотронуться. Когда

же пятиться уже было некуда, Раджи вдруг выпрямился и ласково фыркнул. Баядерка тут же поспешно вскочила и стала тереться головой о его седую грудь, шею, бока...

Все облегчённо вздохнули. Опасаться драки теперь было нечего. Звери очень сдружились. Их было трудно разлучить даже на время кормёжки. Когда Баядерка находилась в своей клетке, то Раджи всегда ложился около самой дверцы. Если же они были вместе, то часто можно было наблюдать, как Баядерка вылизывает седую голову своего друга. Просто удивительно, до чего же они были дружны.

Но вот однажды Баядерка заболела. Это стало заметно сразу. Всегда весёлая и игривая, она лежала в клетке с каким-то потускневшим взглядом. Не стала есть мясо и не ответила Раджи, когда, обеспокоенный таким непонятым поведением подруги, он, ласково пофыркивая, лизнул её своим шершавым языком. С большим трудом служитель перегнал тигрицу в другую клетку. Тяжело дыша, вся взъерошенная, она перешла на своё место и сразу легла.

В то время не было такого хорошего ветеринарного пункта, как сейчас. Тогда он весь помещался в маленькой каменной пристроечке, которая, скорее, напоминала сарай. Да и врач на весь Зоопарк был один, Пётр Маркелович, очень хороший врач, но что мог он сказать или чем помочь больной тигрице, если нет никаких приспособлений!

Баядерка проболела всего несколько дней.

Оставшись один, Раджи заскучал опять. Не только ночью, но и днём слышалось его тоскливое «уа-а-у». По-видимому, он очень сильно тосковал по своей подруге, потому что часто подходил к дверце, которая вела в её бывшую клетку, царапал её, заглядывал в щель, потом тяжело вздыхал и отходил в сторону.

Вскоре в Зоопарк привезли ещё одну бенгальскую тигрицу. Ее посадили в ту же клетку, где находилась когда-то Баядерка. Сначала Раджи как будто заинтересовался тигрицей. Обнюхал дверцу, за которой она находилась, но потом, даже не фыркнув, отошёл в свой угол и лёг. Больше он к этой дверце не подходил, и сколько его ни старались познакомить с новой тигрицей, ничего не вышло. Раджи так и остался верен своей бывшей подруге.

С тех пор много тигров побывало в Зоопарке, но ни один из них не был похож на Раджи. Его огромная седая голова с янтарными глазами, всегда следящими за людьми, его оскал уже стёртых и пожелтевших клыков, его сильное, гибкое тело с большим шрамом на боку и теперь, через столько лет, живы в моей памяти.

Часть вторая **ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА**

Крокодилы

Посылка

В террариум Зоопарка принесли посылку. Это был небольшой фанерный ящичек, а на крышке, кроме адреса, ещё надпись: «Открывать осторожно!» Впрочем, заведующая террариумом Зоя Николаевна и без этой надписи знала, что каждую пришедшую сюда посылку нельзя открывать сразу. Ведь питомцами Зои Николаевны были не только безобидные лягушки,

ящерицы или ужи, но и самые ядовитые змеи. Одного укуса такой змеи достаточно, чтобы человек от него погиб. И кто мог знать, какой сюрприз находится в посылке!

Поэтому, как и всегда, Зоя Николаевна не сразу открыла ящик, в котором могла таиться опасность. Она взяла клещи, вытащила гвозди из крышки, но сняла её не сразу. Накрыла сверху стеклом, а потом выдвинула. Теперь вместо крышки было стекло. Зоя Николаевна глянула внутрь и изумлённо ахнула: на дне посылки почти неподвижно лежали девять крохотных крокодилчиков. Они были такие маленькие: от кончика носа до кончика хвоста чуть-чуть побольше небольшой морковки. По всем признакам они вылупились из яиц недавно.

Такому необычному подарку Зоя Николаевна очень обрадовалась. Еще бы! В террариуме Зоопарка крокодилы были, но все взрослые, а таких малышей она видела впервые.

Зоя Николаевна недолго думала, кому из служителей поручить уход за крокодилятами. Конечно, лучше всех с этим делом справится Мария Христофоровна. Она вносила много нового в работу служителя.

Мария Христофоровна старалась как можно красивее «обставить» помещение, где находились ящерицы, змеи, черепахи... Она умела ладить со злобной анакондой, брала в руки огромных удавов и различала по характеру всех ядовитых змей. В свободное от работы время Мария Христофоровна читала много книг о жизни пресмыкающихся, наблюдала за поведением своих питомцев, вела дневники. За те несколько лет, которые Мария Христофоровна работала в террариуме, она уже имела достаточный опыт, и вот по этим всем признакам и

решила Зоя Николаевна поручить крокодильчиков именно ей.

Увидев крокодильчиков, Мария Христофоровна пришла в восторг:

— Какие маленькие! Какие хорошенькие! Зоя Николаевна, — умоляюще обратилась она к заведующей, — прошу вас, дайте их мне.

— Вас я и имела в виду, — сказала Зоя Николаевна и добавила — А теперь нужно поскорее им найти подходящее место и получше устроить. Посмотрите, как они ослабли и похудели.

Действительно, крокодильчики были очень худые. Даже на глаз видно, как на их боках торчали рёбрышки, висела складками кожа, а хвостик был сухой и «скучный», как выразилась Мария Христофоровна.

После некоторых размышлений крокодильчиков решили поместить в большой террариум около служебной комнаты. Во-первых, он был светлый, почти кругом застеклённый и этим удобен для наблюдений. Во-вторых, там находились черепахи, которым было легко найти другое место.

Но прежде чем поместить туда новых поселенцев, нужно было привести в порядок не только помещение, но и самих поселенцев. Мало ли какую болезнь могли они занести с собой, заболеть сами или заразить кого-нибудь из обитателей террариума!.. Одним словом, работы хватало на всех. Зоя Николаевна развела в тёплой воде некрепкий раствор марганцовки, налила в тазик и стала по очереди мыть вновь прибывших.

Тщательно щёткой промывала она лапки, хвостик, головку и каждую складочку на худеньком тельце крокодильчика. Потом каждого вытирала чистым полотенцем, измеряла и взвешивала. Взвешивать пришлось в мешочке, потому что крокодилята никак не желали сидеть на весах спокойно и всё пытались удрать.

Пока заведующая террариумом возилась с малышами, Мария Христофоровна готовила им помещение. Здесь тоже оказалось немало работы. Нужно было тщательно промыть пол, стены, стёкла и убрать песок. Когда всё было готово, вызвали электромонтёра и водопроводчика. По указанию Зои Николаевны водопроводчик вцементировал в пол глубокий противень, сделал пологий сход и налил в водоёмчик воды, а электромонтёр установил два рефлектора. Один рефлектор поставил под противень, чтобы согреть воду, а другой повесил наверху, чтобы обогреть часть суши, где могли бы греться малыши.

Всю подготовку закончили лишь поздно вечером, когда Зоопарк уже был закрыт. Только в террариуме горел свет. Это Зоя Николаевна и Мария Христофоровна остались ещё там, чтобы последить, как будут себя вести на новом месте крокодильчики.

Впрочем, вели они себя одинаково. Не успела Мария Христофоровна их выпустить, как раздалось «бульк, бульк, бульк» и все крокодильчики в одно мгновение скрылись под водой. Нырнув, они затаились на дне противня, совсем как это делали взрослые крокодилы.

Затаившись, крокодильчики сидели под водой очень долго. Когда же Мария Христофоровна и Зоя Николаевна отошли в сторону, один из них, очевидно самый смелый, высунул головку и стал осматриваться. Следом за ним показалось ещё восемь головок. Затем один за другим крокодильчики начали осторожно вылезать на сушу поближе к свету и теплу от рефлектора.

По часам

Первое время крокодилята вели себя очень трусливо. Они боялись всего и всех. Стоило хлопнуть

дверью, что-нибудь сказать или просто подойти к стеклу, как они всей стайкой бросались в воду, опускали головки и даже закрывали глаза. Если же один из крокодилят не успевал за собратьями и оставался на суше, он издавал звук, похожий на тонкое посвистывание утёнка. Такой звук, как заметила Мария Христофоровна, означал испуг.

С крокодилятами было возни немало. Даже ночью приходилось дежурить, чтобы следить за градусником в их помещении и в воде, чтобы вовремя выключить или, наоборот, включить обогревы.

Не меньше хлопот было и с кормлением. Одни стали есть сразу, других пришлось кормить силком. И хотя крокодильчики были совсем маленькие и их рост был всего семнадцать сантиметров, справиться с этими живыми «сантиметрами» было не так-то легко.

Особенно трудным было запомнить и отличить тех двух упрямец, которые никак не желали принимать пищу. Но Мария Христофоровна по приметам, известным только ей одной, всё же ухитрилась распознавать своих питомцев. Осторожно, когда крокодильчики отдыхали под рефлектором, она высматривала нужного и ловко выхватывала его из стайки. Да и взять-то надо было умело, с таким расчётом, чтобы они не могли повернуться и укусить за палец. Ведь крокодильчики хоть и маленькие, а кусались больно.

А сколько нужно было терпения, чтобы в эту маленькую пасть засунуть крохотного малька рыбы и заставить проглотить! Надо взять крокодилёнка, подолгу гладить пальцем около челюсти, прежде чем он успокоится, откроет пасть и даст возможность положить себе кусочек пищи. Однако и это совсем не значило, что положенный с таким трудом кусочек будет проглочен. Чаще всего упрямец его выплёвывал, и всё приходилось начинать сначала. Иногда это повторялось

по многу раз, прежде чем был проглочен хоть один кусочек. Но у Марии Христофоровны терпения хватало, и, может быть, поэтому через неделю все крокодильчики уже ели сами, и за их жизнь теперь опасаться не приходилось.

Держались крокодильчики всегда стайкой. Стайкой и отдыхали на берегу. Но стоило одному испустить тревожный писк, как тотчас все бросались в воду. Впрочем, Марии Христофоровны они уже не пугались. Когда она открывала дверцу, они дружной гурьбой кидались на брошенные им кусочки мяса, с жадностью теребя и глотая.

Случалось, что за кусочек побольше хватались сразу два, а то и три крокодильчика. Но ни разу не было, чтобы кто-нибудь из схвативших добычу уступил другому. Каждый тащил к себе или, вдруг вытянувшись — во весь рост, словно веретено, начинал вертеться вокруг себя и вертелся до тех пор, пока не «откручивал» кусочек пищи.

Кормила своих питомцев Мария Христофоровна всегда в одно и то же время. Но вот однажды режим пришлось нарушить. В этот день в террариум должна была прийти экскурсия учителей. Марии Христофоровне очень хотелось им показать, как она кормит крокодильчиков. Правда, для этого нужно было пропустить час их кормления. Но Мария Христофоровна думала, что вряд ли малыши заметят это.

Однако на деле получилось совсем не так. Оказывается, крокодильчики отлично знали положенное им время кормёжки и, когда этот час прошёл, стали проявлять все признаки беспокойства. Сначала оно выразилось в том, что крокодильчики всё чаще и чаще поднимали головки, поглядывая в сторону дверцы, откуда обычно давали им пищу. Но дверца не открывалась. Наконец, когда пришла экскурсия, терпение крокодилят достигло предела. Все девять

штук столпились около самой дверцы, а некоторые даже царапали лапками стекло. Мария Христофоровна взяла корм и подошла к дверце. Но прежде чем открыть её, она подставила фартук. Такая предусмотрительность оказалась не лишней. Едва Мария Христофоровна открыла дверцу, как все крокодильчики посыпались к ней в фартук. Служительница водворила на место крокодильчиков, и они с жадностью набросились на еду.

Соперники

Сначала все крокодильчики росли и развивались одинаково. Но уже через несколько месяцев стала заметна разница: одни росли быстрее, другие медленнее, а к концу года разница была так велика, что можно было подумать, будто они из разных выводков.

Изменилось и поведение. Особенно после того, как уже сильно подросших крокодилов перевели в другое помещение, с настоящим просторным водоёмом. Здесь крокодилы хоть и держались по-прежнему стаей, но во время кормёжки не хватали мясо одновременно. Тот, кто был сильнее, брал мясо раньше, а кто слабее — позже.

На новом месте постепенно выявился и вожак. Им оказался самый крупный крокодил с меткой на лбу в виде якоря, по кличке «Матрос». Он был не только самым крупным, но и самым сильным и, когда бросали мясо, всегда брал кусок первым. К счастью, у Матроса характер оказался довольно покладистый, и хотя он брал кусок первым, но у других не отнимал и никого не обижал.

Зато другой крокодил, которого из-за очень тёмного цвета прозвали «Чёрный», обладал необыкновенно злобным нравом. Даже служительницу, которая в

выходные дни заменяла Марию Христофоровну, он всегда встречал злобным шипением. Все крокодилы отлично понимали слова «на место» и послушно выходили из бассейна, чтобы дать возможность его промыть и напустить свежей воды. Один только Чёрный не слушался, всячески сопротивлялся, а когда его всё-таки выпихивали метлой, иногда по нескольку раз пытался вернуться.

Слушался Чёрный, хотя и неохотно, одну лишь Марию Христофоровну, и то после того случая, когда они изрядно сразились. А получилось это так. Однажды он никак не хотел покинуть бассейн, несмотря на все ухищрения служительницы. Тогда Мария Христофоровна выпустила из водоёма воду, взяла метлу, вошла в помещение. Увидев Марию Христофоровну, крокодил немного попятился, но не ушёл, а, злобно шипя, уставился своими бесцветными глазами на вошедшую.

— Иди на место, — сказала несколько раз внятно и строго Мария Христофоровна.

Она видела, что крокодил понимает, что от него требуется, но просто не хочет слушаться. Надо было обязательно сломить это упрямство, так как иначе злобное животное совсем выйдет из повиновения, что может плохо кончиться.

Мария Христофоровна взяла метлу и стала выпихивать Чёрного из водоёма. Крокодил сопротивлялся как только мог. Он бил хвостом, упирался, несколько раз, извернувшись, хватал зубами метлу и с силой вырывал её из рук Марии Христофоровны. Но она тут же брала другую и опять продолжала выпихивать упряма. Наконец, устав, а быть может, поняв, что сопротивление бесполезно, Чёрный отступил. Злобно шипя и пятясь, он нехотя вылез из бассейна.

После нескольких таких случаев Чёрный стал более послушным. Правда, в основном он подчинялся лишь Марии Христофоровне и слушался только её, однако во время кормления держался по-прежнему злобно. Старался схватить кусок первым, отнять у другого или при любой возможности затеять драку. Дрался он со всеми, кроме Матроса. Очевидно, Чёрный чувствовал в нём силу и очень нехотя, но всё же ему уступал. Однако соперничество за первое место чувствовалось. Чёрный вёл себя всё более и более вызывающе. Огрызаясь, он даже перестал уступать дорогу, когда мимо проползал Матрос, или пытался излить свою злобу на более слабых собратях. И если до сих пор схватка не произошла, то только благодаря миролюбивому характеру Матроса, который словно не замечал задиристого соперника. Но вот однажды, когда Мария Христофоровна находилась в служебной комнате, она вдруг услышала страшный рёв, удары и звон разбитого стекла. Вбежала перепуганная дежурная. — Мария Христофоровна... крокодилы!.. Но Мария Христофоровна даже не стала дослушивать. Она сразу догадалась, в чём дело. Схватила первую попавшуюся под руку палку и выбежала из комнаты,

В помещении с крокодилами шёл бой не на жизнь, а на смерть. В смертельной схватке, вцепившись друг в друга, катались два крокодила. Это были Матрос и Чёрный. Открыв дрожащими руками дверцу, Мария Христофоровна напрасно пыталась их разнять. Она даже не могла разобрать, кто кого кусает, а палка, которую она попробовала сунуть между ними, разлетелась в куски. Драка кончилась так же неожиданно, как и началась. По тому, как, хромя, отбежал в угол Чёрный, Мария Христофоровна поняла, что победа осталась за Матросом. Преследовать побеждённого соперника Матрос не стал. Он погрузился в воду и сразу успокоился.

После этой драки Чёрный заметно притих. Очевидно, он признал силу своего противника и больше его не задирает.

На летнюю квартиру

Около Острова зверей, в котором помещался террариум, находилось летнее помещение для крокодилов. Оно было просторное, с хорошим водоёмом, а вместо решётки — стекло. Переводили их в это помещение летом, как только устанавливалась тёплая погода. Пока крокодилы были маленькие, это сделать было очень просто, но с каждым годом они подрастали, становились сильнее, и справиться с ними было всё трудней и трудней. А когда им исполнилось четыре года и каждый из них стал в длину не меньше двух метров, а весом почти 200 килограммов, тут, уж конечно, приходилось очень и очень подумать, как же их теперь перевести. Сначала думали, что, как и всегда, сачком. Но, чтобы поймать двухметрового крокодила, нужен был и сачок не меньший. К тому же справиться с крокодилами в тесном помещении тоже нелегко.

Долго думала Мария Христофоровна, как бы получше перевести своих питомцев. Потом вспомнила: ведь, как и все холоднокровные, крокодилы были очень чувствительны к самому незначительному изменению температуры. Чуть прохладно — они уже вялые, неподвижные, отказываются от пищи, зато, если жарко, сразу оживляются, становятся подвижные, быстрые и с жадностью хватают брошенное им мясо.

«А что, если выстудить помещение? — подумала Мария Христофоровна. — Тогда их и взять будет легче».

Своими мыслями она поделилась с зоотехником и заведующей.

— Что же, неплохая идея, — согласились обе. — Можно попробовать.

И вот за день до перевода в летнее помещение у крокодилов выключили отопление и все дополнительные обогревы. Всю ночь Мария Христофоровна не спала, волновалась, а утром, чуть свет, поспешила на работу. Когда же подходила к террариуму, её догнала Мария Михайловна, а около самых дверей ждала Зоя Николаевна. Встретившись так неожиданно, они даже не спросили друг друга о причине столь раннего прихода. Все три женщины быстро поднялись по лестнице и открыли террариум. Первым делом они пошли посмотреть крокодилов. Все крокодилы лежали неподвижно.

Мария Христофоровна окликнула Матроса, но он даже не повернул головы в её сторону, а ведь слух у крокодилов очень хороший. Они прекрасно слышат даже в то время, когда лежат под водой. Стоило Марии Христофоровне войти в помещение и заговорить, как Матрос сразу всплывал на поверхность и вылезал на берег, а тут даже не повернул головы. Не зашипел и Чёрный, когда Мария Христофоровна открыла дверцу и тронула его метлой, — он только чуть-чуть шевельнулся и отодвинулся в сторону.

Довольные, что найденный способ оказался так хорош, женщины взяли приготовленные заранее ремни, вошли в помещение крокодилов, и пока Мария Христофоровна осторожно накидывала на страшную пасть хищника петлю, обе помощницы на всякий случай загораживали её мётлами: а вдруг да бросится. Наконец петля затянута, а сам крокодил, туго связанный, лежал словно огромная, беспомощная чурка. В такие же беспомощные чурки вскоре превратились и все остальные хищники. Потом их перетащили в летнее помещение, быстро, пока они не отогрелись, развязали и пустили в воду.

Хвастливый стекольщик

Это лето выдалось на редкость жаркое. Крокодилы чувствовали себя так, словно они находились не в Зоопарке, а где-нибудь в тропиках. Жара на них действовала прекрасно. Они хорошо ели и были необыкновенно подвижные. Заходить к ним нужно было осторожно и особенно опасаться Чёрного, который снова перестал слушаться. Вдобавок он начал делать попытки напасть на служительницу. Приходилось всегда быть наготове и не выпускать из рук метлу.

Особенно тяжело было убирать площадку. Чтобы на неё попасть, надо пройти по узкому, неудобному переходу. Он вёл от двери к площадке, совсем рядом с бассейном. Обычно крокодилы во время уборки послушно вылезали на берег и терпеливо ждали конца уборки.

Погода стояла жаркая, вода быстро портилась. Каждое утро надо было выпустить из бассейна воду и его вымыть. Эта работа отнимала много времени. Особенно после того, как Чёрный совершенно перестал слушаться и никак не желал покидать бассейн.

А однажды, когда Мария Христофоровна хотела подмести площадку, он пополз к ней навстречу с явным намерением наброситься. Однако служительница не растерялась. Она выставила вперёд метлу и хотела оттолкнуть хищника. Да не тут-то было! Чёрный вцепился в метлу, сдёрнул её с черенка и отбросил в сторону. Пришлось пустить в ход палку, но это тоже не остановило крокодила. Он продолжал наступать, а Мария Христофоровна, прижавшись к дверям, тщетно пыталась отбиться от чудовища. Разъярённый хищник вцепился своими страшными зубами в палку. Сначала он тащил её на себя и вдруг неожиданно с такой силой дёрнул, что палка вылетела из рук женщины, ударив

освободившимся концом по раме. Раздался звон. Осколки стекла посыпались на крокодила. Чёрный шарахнулся в сторону, а служительница, воспользовавшись минутным замешательством хищника, выскочила за дверь.

Что же теперь делать? Крокодил может вылезть на волю, и тогда не оберёшься хлопот, тем более что в этот, час Зоопарк уже был открыт. Пришлось просить кого-то из посетителей позвать на помощь заведующую.

Зоя Николаевна прибежала вместе с зоотехником Марией Михайловной. Вооружённые мётлами, они уже вместе со служительницей вытолкнули Чёрного с прохода на площадку. Злобно огрызаясь, он отполз к другим крокодилам и затих.

Теперь нужно было как можно скорее застеклить разбитую раму. Срочно вызвали стекольщика. Когда он пришёл, невольно возник вопрос: как же ему работать? Вставлять стёкла можно было только изнутри. Убрать крокодилов — это слишком сложно, а идти к ним стекольщик отказался.

— Уберите своих чудовищ, мигом всё сделаю, а к ним не пойду, — решительно заявил он.

Напрасно Мария Христофоровна доказывала, что перевести девять здоровенных крокодилов, да ещё в такую жаркую погоду, почти невозможно. Напрасно упрашивала зайти к крокодилам под её, Марии Христофоровны, охраной.

— Я вам даю слово, что крокодилы ничего не сделают, — убеждала Мария Христофоровна. — Честное слово, не тронут,

— Я-то верю вашему слову. Так это же вы его даёте, а руку иль ногу отхватят они, — продолжал возражать стекольщик.

— Хорошо, тогда я докажу, что войти неопасно, — И с этими словами Мария Христофоровна открыла дверь и вошла в помещение крокодилов.

Они лежали посередине площадки и грелись на солнце. Услышав, что кто-то вошёл, крокодилы встrepенулись, но, узнав по голосу Марию Христофоровну, сразу успокоились.

Осторожно, стараясь не шуметь, Мария Христофоровна подняла брошенное служительницей ведро, перевернула дном кверху и на него уселась, загородив подступ к тому месту, где должен был работать стекольщик.

— Вот видите, крокодилы к вам не пройдут, — сказала она. — Они будут лежать спокойно, только не шумите.

Оттого ли что крокодилы действительно лежали спокойно и не двигались, или ему стало неудобно своей трусости, только стекольщик наконец решился. Он взял инструмент, ящик со стеклом, приоткрыл дверь и как-то боком в неё протиснулся. Немного постоял, потом, осторожно ступая, словно шёл по карнизу пропасти, он пробрался к разбитой раме. Неслышно поставил ящик и принялся за работу.

Сначала дело не ладилось. Стекольщик ежеминутно опасливо поглядывал на крокодилов, и это мешало работать. Затем, увидев, что они лежат и не обращают на него внимания, стал работать уверенней, а вскоре так осмелел, что не только перестал оглядываться, но и потерял всю осторожность. Особенно его подбадривала публика, которая собралась вокруг помещения и открыто восторгалась храбростью стекольщика.

— Дядя, дядя, а ты не боишься? — спросил какой-то мальчуган.

— А чего их бояться! Я и не к таким заходил, — ответил стекольщик, заканчивая работу и выпрямляясь. — Бояться — это, брат, дело женское, — кивнул он в сторону Марии Христофоровны. — А мы мужчины, нам...

Но окончить фразу он не успел. Мария Христофоровна встала. С грохотом покатилося ведро, а испуганные непривычным шумом крокодилы бросились к бассейну. Но, очевидно, «храброму» стекольщику показалось, что все девять крокодилов кинулись к нему и по меньшей мере желают его растерзать. Тут уж раздумывать не приходилось. Одним прыжком пролетев тамбур, стекольщик выскочил из клетки и, захлопнув дверь, прижал её плечом. А девять перепуганных крокодилов уже лежали на дне бассейна, от страха закрыв глаза.

Мария Христофоровна подняла ведро, не торопясь собрала брошенный стекольщиком инструмент, подошла к двери и сказала:

— Напрасно вы испугались крокодилов. Они сами так перепугались упавшего ведра, что теперь, наверное, весь день просидят под водою.

Посрамлённый стекольщик отошёл от двери, взял свой инструмент и, даже не подписав наряд за проделанную работу, ушёл.

Интересное событие

За те несколько лет, которые крокодилы провели в Зоопарке, они так выросли, что им стало очень тесно в их зимнем помещении. Тогда решили сделать так: оставить трёх самых смиренных, а остальных передать в другие зоопарки.

Среди оставшихся была самка, которую за её спокойный нрав прозвали «Тихая». К тому же она была и самая сообразительная. Прекрасно знала, как надо себя вести во время уборки. Даже не ожидая приказа, едва замечала, что кран для спуска воды открыт, сразу вылезала на берег. Здесь она спокойно

ждала конца уборки и залезала в бассейн лишь после того, как его промывают и снова наполняют водой.

Но вот наступила пора, когда крокодилы стали ухаживать за своей подружкой. Теперь Тихую никак нельзя было так называть. Она уже не вела себя спокойно, как раньше. Стала огрызаться, нехотя вылезала из бассейна, а ночами помещение террариума сотрясилось от оглушительного рёва крокодилов.

Оба крокодила теперь не отходили от крокодилихи. Они защищали её от каждого, кто пытался зайти в помещение. Бросались даже на тех людей, которых знали.

И всё же, несмотря на такое поведение хищников, все три женщины осторожно и настойчиво стали готовить место, где бы крокодилиха могла отложить яйца.

Место выбрали поближе к водоёму, где проходили трубы, обогревающие пол. Совсем не легко было натаскать туда и песок. Для того чтобы засыпать им весь пол, трубы и чтобы самка могла в нём вырыть углубление, нужно было принести очень много ведер песка. Каждое ведро проносили с большим риском. Идти приходилось мимо крокодилов, а это было небезопасно. Делали обычно так: одна из женщин осторожно заходила в помещение крокодилов, а остальные, вооружившись метлами, её охраняли. Но не всегда всё проходило спокойно. Иногда песок удавалось пронести сразу, иногда, не донеся до места, приходилось поскорей уходить, отбиваясь и ведром и метлами от наступавших крокодилов. А однажды Тихая продемонстрировала силу своих страшных челюстей.

В этот день она вылезла на берег и улеглась около самых дверей. Тихая уже основательно располнела, и по всем признакам было видно, что ждать, когда она начнёт нести яйца, осталось совсем недолго. Чтобы нанести нужное количество песка, приходилось

спешить, нельзя было пропускать ни дня. Однако Тихая совсем не собиралась покидать своё место около дверей. Когда пробовали её отогнать, она в ответ лишь злобно шипела и открывала пасть, по-прежнему не желая уступить дорогу.

— Надо столкнуть её в воду и пройти, — сказала Мария Христофоровна. — А то увидит, что её боятся, и совсем распустится.

С этими словами она взяла щётку и, просунув в приоткрытую дверь, попыталась оттолкнуть крокодилиху. С небывалой ловкостью та перехватила щётку пастью, легко перекусила её, переплыла водоём и вылезла на берег.

Мария Христофоровна посмотрела на оставшуюся у неё в руках палку, покачала головой и решительно вошла в помещение. Нельзя же показать крокодилам, что ты их боишься!

Не зря торопились работники террариума. Буквально через несколько дней после того, как место для откладки яиц было полностью готово, самка отложила туда первое яйцо. Потом она снесла ещё одно, потом ещё...

Это было большое событие. Правда, из яиц крокодилята не вывелись, но Зоя Николаевна, Мария Михайловна и Мария Христофоровна духом не упали. Они твёрдо убеждены, что начало всё же положено и недалеко то время, когда у них в террариуме выведутся свои, московские крокодилята.

Тайна маленького геккона

Когда в террариум Зоопарка привезли гекконов, заведующая Зоя Николаевна очень им обрадовалась. Ещё бы, ведь эти интересные ящерицы попали сюда в первый раз!

Зоя Николаевна знала, что это единственные ящерицы, которые кричат, а ещё, что они свободно бегают не только по земле, но так же свободно взбираются по стеклу и даже ходят по потолку. Значит, и сажать гекконов нужно в такой террариум, который сверху закрыт мелкой сеткой.

Такого закрытого со всех сторон террариума не было. Они все были заняты ядовитыми змеями. Тогда решили поместить гекконов в террариум без верхней сетки, а пока будут её делать, временно закрыть верх стеклом.

Так и сделали. Пять гекконов удобно устроились, прицепившись на осколке бетонной трубы, которую Зоя Николаевна специально к ним поставила. Ведь на воле эти ящерицы живут в трещинах скал, среди осыпей камней или просто селятся в хижинах. Днём они прячутся в тёмные, укромные уголки, а ночью выходят на охоту. Вот поэтому и поставила им Зоя Николаевна этот осколок трубы, а рядом повесила лампочку. Если захотят погреться, пусть сидят около лампочки, захотят спрятаться, пусть лезут под трубу: там тепло и сыровато — как раз то, что любят гекконы. А чтобы ящерицы не удрали, террариум закрыли сверху двумя половинками стёкол. Посередине Зоя Николаевна оставила узенькую щель. Такую узенькую, чтобы сквозь неё можно было пропустить только провод для лампочки, но не могли пролезть ящерицы.

Впрочем, гекконы и не собирались удирать. Четыре из них тут же, даже не дав себя рассмотреть, юркнули под осколок трубы, а один отправился гулять по стеклу. Сначала он пошёл кверху, но потом повернулся и пошёл вниз, тоже к трубе. На некоторое время он задержался, и Зоя Николаевна с другой стороны стекла хорошо просмотрела его лапки с присосами на пальцах. Вот эти присосы и дают возможность ящерицам ходить по вертикальной стене, по потолку и даже по стеклу.

Потом Зоя Николаевна положила гекконам мучных червей и, ещё раз проверив, не раздвинулась ли щель для провода, ушла.

На другой день, придя на работу, Зоя Николаевна первым делом пошла посмотреть гекконов. Всё как будто в порядке, но ящериц видно не было. «Очевидно, они под трубой», — подумала Зоя Николаевна, но на всякий случай спросила зоотехника:

— Мария Михайловна, вы не смотрели гекконов?

— Ещё не успела, проверяю змей, — ответила Мария Михайловна, разглядывая большую серую гадюку.

Зоя Николаевна приоткрыла верхнее стекло и подняла осколок трубы. Три геккона угрожающе открыли свои пасти и испустили хриплый каркающий звук. Двух гекконов не было. Зоя Николаевна не поверила своим глазам. Она ещё и ещё раз приподняла осколок трубы, приподняла все лежавшие в террариуме камни и даже блюдечко с мучными червями, но пропавших гекконов словно и не бывало вообще.

— Мария Михайловна, вы не отсаживали случайно гекконов? — с некоторой надеждой спросила она зоотехника, хотя отлично знала, что гекконов наверняка никто и никуда не отсаживал.

— А что случилось? — спросила Мария Михайловна и, почувствовав в голосе заведующей тревогу, быстро подошла к ней. Узнав же, что не хватает двух гекконов, тоже полезла в террариум. — Правда, нет, —

растерянно сказала она. — Но куда же они могли деться?

И уже обе стали осматривать помещение гекконов, стараясь найти место, через которое они могли уйти. Однако всё было в порядке. Они могли уйти только через ту щель, которая была оставлена для провода. Очевидно, стекло от стука дверей разошлось, и гекконы ушли. Конечно, уйти из помещения, да ещё зимой, когда все двери закрыты, они не могли. Но разве можно найти двух маленьких ящериц среди клеток и стеллажей в таком огромном здании, как террариум! Зоя Николаевна была в отчаянии. Где же искать беглецов?

Искать решили по догадке. Стали размышлять, где бы могли прятаться гекконы. Они любят тепло, темноту и сырость. По этим признакам под стеллажами их не должно быть, не могли они быть и на втором этаже,

куда двери были плотно закрыты. Это значительно облегчало поиски.

— А может быть, посмотреть под нижней клеткой с ужами, где проходит тепловая труба? — высказала своё предположение Зоя Николаевна. — Знаете, где стоит ванночка для стока воды из радиатора?

— Пожалуй, это самое подходящее место, — согласилась Мария Михайловна. — Нужно туда положить мучных червей и проверить, будут они съедены или нет.

На том и порешили. Уходя, Зоя Николаевна, которая никак не могла примириться с пропажей, сама полезла под клетку и положила туда мучных червей. Она даже их пересчитала, чтобы утром убедиться, трогал ли их кто.

Нетрудно догадаться, что в эту ночь Зоя Николаевна почти не спала и, еле дождавшись утра, даже не позавтракав, поспешила в Зоопарк. Войдя в помещение, она сразу полезла под клетку с ужами посмотреть, что случилось с оставленными на ночь червями. Да, расчёт оказался правильным: часть мучных червей была съедена. Значит, гекконы скрываются под этой клеткой.

Зоя Николаевна поспешила за переносной лампой. Вместе с Марией Михайловной они хорошо осветили все места под клеткой, но беглецы, очевидно, успели скрыться. Сколько их ни искали, сколько ни лазили, так и не нашли. Впрочем, теперь это было не страшно. Раз место найдено, то теперь, чтобы поймать гекконов, надо лишь иметь терпение.

И всё же, несмотря на все старания, подкараулить гекконов удалось только на четвёртый день, и то после того, как Зоя Николаевна осталась дежурить на ночь. Чтобы не быть заметной, она надела пальто и сидела, притаившись, около клетки, прислушиваясь к малейшему шороху. В руках она держала переносную лампу, готовая каждую секунду её включить.

В помещении, где кругом находится столько змей, ящериц, черепах, шорохов было достаточно, и всё-таки тот, который Зоя Николаевна так ждала, она отличила сразу. Моментально включённая лампа, словно прожектором, осветила место под клеткой, где находился положенный корм, и еле заметно мелькнувшую тень ящерицы. Не успела она скрыться где-то за подставкой, как Зоя Николаевна прямо на четвереньках, заметая полою пальто пол, полезла с лампой под клетку. Просунула голову и тут же увидела с обратной стороны деревянной подставки геккона. Он висел вниз головой, словно прилипший к подставке, совсем сливаясь с её цветом.

Зоя Николаевна изловчилась и, отвлекая внимание геккона лампой, ловко схватила его около основания челюсти и скорее водворила беглеца на место. Потом стала искать другого, но его уже не было. Впрочем, Зоя Николаевна его особенно и не искала: она боялась, что напуганный геккон переменит место своего жительства, и тогда его найти будет совсем трудно. Не снимая пальто, она оставила Марии Михайловне записку, что один из гекконов пойман, и пошла домой отдохнуть.

Второго геккона так и не нашли, зато в квартире Зои Николаевны стало твориться что-то не совсем понятное.

— Зоя, у нас кто-то завёлся! — с такими словами встретила на другой день Зою Николаевну её мать. — Сегодня несколько раз кто-то кричал под кроватью, а когда я полезла туда с веником, каркнул и замолчал.

Занятая своими мыслями, Зоя Николаевна, не ответив матери, прошла в свою комнату. Ей было очень неприятно, что одного геккона всё же не нашли. Неужели он пропал? Так нелепо потерять это редкое животное, не предвидеть, что стекло могло сдвинуться!.. К тому же неудобно перед директором.

Директор Зоопарка, Игорь Петрович, когда-то сам был заведующим террариумом и теперь не только старался пополнить коллекцию пресмыкающихся, но и продолжал живо интересоваться делами Зои Николаевны. Вот и сегодня утром он уже звонил и спрашивал, как поживают гекконы, давал советы, чем их лучше кормить, а она, Зоя Николаевна, ответив на все вопросы, так и не сказала, что один из гекконов пропал. «Найдётся, тогда и расскажу всё. Зачем заранее расстраивать?» — подумала она.

Ночью Зоя Николаевна спала плохо, просыпалась от каких-то звуков, напоминающих крик гекконов. Один раз даже зажгла свет, и ей померещилось, что кто-то вроде ящерицы полез по стене за шкаф. «Наверное, галлюцинация, — решила Зоя Николаевна. — Уж дома ящерицы стали мерещиться». Потом она приняла таблетку снотворного и крепко уснула.

Утром её разбудил шум и спор на кухне. Зоя Николаевна накинула халат и пошла узнать, в чём дело. На кухне стояла вся красная от возбуждения её семилетняя дочка Таня и бабушка с веником в руке.

— Бабушка, честное пионерское, я видела... Он около чайника стоял... рот большой, красный, открыл его и на меня кричит... Честное пионерское, был тут, — твердила Таня.

— Ну, где тут? Никого тут нету, померещилось, и всё. Я везде и веником промела, и облазила. Если бы был кто, нашла бы. Мне самой этот ящер чудится. Проснулась, а он зелёный весь, на обоях вниз головой висит.

— Нет, бабушка, этот не зелёный, а белый.

— Будет вам тут спорить, — слышался вразумительный голос дедушки, — одна белую ящерицу видела, другая — зелёную. Что ж, их здесь дюжину выпустили?

— Мне тоже ночью крик геккона слышался, — вмешалась в спор Зоя Николаевна.

Дед только махнул рукой и, ничего не ответив, вышел.

— Ничего понять не могу, — задумчиво продолжала Зоя Николаевна. — А ну-ка, Танюша, — обратилась она к дочери, — скажи, кого ты видела и какой он из себя?

— Зашла я в кухню, а около кастрюли кто-то сидит. Рот большой, красный, лапки растопырил, глаза торчат... Я испугалась и закричала. Бабушка прибежала, а его нету. Бабушка говорит, что мне показалось, — уже расстроено закончила девочка свой рассказ.

— По всем признакам это геккон. Но откуда он мог здесь взяться, никак не пойму, — сказала Зоя Николаевна.

— Тогда уж не один, а два ящера здесь. Таня видела белого, я — зелёного...

— Нет, мама, и ты и Таня видели одного и того же геккона. Они ведь меняют окраску. Ты видела зеленоватого на зелёных обоях, а Танюша — в белой кухне, где он сменил цвет на беловатый, — объяснила Зоя Николаевна. — А теперь у меня к вам просьба: если увидите ещё геккона, его не ловите и не пугайте.

Таня была в восторге. У них в квартире водится такая интересная ящерица! Ящерица, которая меняет цвет и кричит.

— Мама, оставим себе ящерицу! Пусть живёт у нас. Правда, бабушка?

Но у бабушки Таня поддержки не встретила. Бабушка придерживалась твёрдых убеждений, что дома можно держать собак, кошек, но не всякую тварь. А если и беспокоилась об этой твари, то только потому, что она была из Зоопарка и её надо туда вернуть. Когда Зоя Николаевна уходила на работу, бабушка даже выскочила на лестницу и крикнула ей вслед:

— Смотри, чем кормить, прихвати, а то как бы с голоду не пропал!

Зоя Николаевна обещала принести корм и поспешила в Зоопарк. Ей не терпелось скорей рассказать о случившемся на работе.

Услышав о странном появлении пропавшего геккона в квартире заведующей, Мария Михайловна только развела руками.

— А может быть, вам показалось? — усомнилась она.

— Не могло же показаться всем! — возразила Зоя Николаевна. — Потом, я расспросила Танюшу, и она точно обрисовала геккона, хотя никогда не видела его даже на картинках!

В этот день Зоя Николаевна ушла с работы пораньше и прихватила с собой пакетик с мучными червями.

Дома её ещё в дверях встретили Таня, бабушка и дедушка. Все трое наперебой стали рассказывать о том, как они сели завтракать и как увидели на потолке геккона. Он ходил по потолку совсем как по полу, потом спустился по стене. На этот раз геккон был коричневый, но они и не подумали, что это третий геккон, потому что знали — геккон просто сменил цвет.

— Мы с дедушкой хотели его поймать, — щебетала Таня. — Дедушка даже за газетой потянулся, а бабушка как зашипит на дедушку, и он не стал ловить.

— И правильно сделал, что не стал, — одобрила бабушка. — Ещё задавит ящерицу, а мама отвечай. Сказано не трогать, значит, нельзя.

Потом бабушка рассказала Зое Николаевне, что сидели они тихо, геккон ушёл на кухню; она закрыла дверь, и на кухню никто больше не заходил.

— А мы в столовой обедали! Бабушка обед не готовила, — тут же поспешила сообщить Таня, а дедушка добавил:

— Интересно, сколько времени это будет продолжаться?

Зоя Николаевна была очень рада, что геккон нашёлся и сидит в кухне. Уж где-где, а там его поймать будет легче, чем в комнатах. Быстро сняв пальто и захватив с собой на всякий случай банку, чтобы посадить в неё беглеца, Зоя Николаевна отправилась на кухню, тщательно закрыв за собой дверь.

Однако найти геккона даже в такой маленькой кухоньке оказалось делом совсем не простым. Сначала она искала одна, потом пришлось позвать на помощь бабушку. Они обшарили всю кухню, перебрали всю посуду, кастрюли и даже продукты, а геккона так и не нашли. Не поймали его и на другой день, и на третий, хотя видели то в спальне, то в столовой. То он вдруг появлялся на газовой плите около горящей конфорки и сердито кричал на подходившую бабушку.

— Ишь лиходей навязался! — сердилась бабушка, отталкивая геккона половником или крышкой от кастрюли.

А «лиходей», словно понимая, что бабушка его не тронет, не торопился уходить. Зато, когда приходили остальные члены семьи, он неизвестно куда исчезал.

Зоя Николаевна просто не знала, что делать. Подумать только! Прошло уже несколько дней, а она никак не может изловить беглеца. Вот и сегодня с самого раннего утра перерыла всю квартиру, а его нигде нет.

— Вы подумайте, Мария Михайловна, — чуть не плача, жаловалась она зоотехнику, — ну нигде не могу найти, нигде.

С этими словами Зоя Николаевна встала и подошла к вешалке, чтобы повесить пальто, и вдруг совершенно ясно услышала: «То-ке, то-ке». Обе женщины обернулись и увидели на стуле, с которого только что поднялась Зоя Николаевна, виновника всех

переживаний — геккона. Он стоял у них на виду и кричал своё «то-ке». Мария Михайловна сделала знак Зое Николаевне не двигаться. Потом она тихонько взяла висевший на стене сачок и ловко накрыла им геккона.

Пойманного беглеца посадили на место. Но каким образом он попал в квартиру заведующей, как потом очутился опять в Зоопарке, так и осталось тайной маленького геккона.

Кондор

В Зоопарке, в том ряду, где находятся орлы, сидит огромный чёрный кондор. Зовут его Кузя.

Сколько лет Кузе, никто точно не знает. А служитель Никита Иванович говорит, что когда пятьдесят шесть лет назад он поступил работать в Зоопарк, то кондор был уже там. Никита Иванович это хорошо помнит. Он ухаживал за хищными птицами, и в том ряду клеток, где они находились, в самой крайней, сидел кондор.

Не очень доверчиво отнёсся вначале кондор к новому служителю. Когда Никита Иванович приходил, кондор, грозно наступая, пытался его ударить сильным крючковатым клювом. Но это было только первое время. Скоро Кузя перестал нападать на служителя и даже привязался к нему. Увидев издали Никиту Ивановича, он слетал с насеста, спешил к нему навстречу, а если тот проходил мимо, смешно вытягивал шею и смотрел ему вслед.

Никита Иванович тоже полюбил Кузю и заботился о нём. В то время в Зоопарке было мало тёплых помещений, птиц некуда было девать зимой, и многие из них гибли. Но Никита Иванович оберегал своего любимца. Как только наступали морозы, он перетаскивал Кузю на чердак того дома, где жил сам. Там Кузя проводил самые сильные холода, а с потеплением снова перекачывал в свою клетку.

Несколько лет жил в этой клетке кондор один. Потом к нему посадили ещё самку. Сначала Кузя совсем не обращал на неё внимания. Он вёл себя так, как будто, кроме него, в клетке никого не было.

Но вот наступила весна. Зажурчали по дорожкам парка ручейки; глядя на яркое весеннее небо,

заклекотали орлы. Изменил своё поведение и кондор.

Он больше не держался особняком, ходил всюду за Кузихой, как назвал её для простоты Никита Иванович, и, распутив веером хвост, рисовался перед своей подругой.

Он очень привык к Кузихе. И Никита Иванович не раз в этом убеждался. Однажды он оставил открытой дверь клетки, и Кузя вышел. Никита Иванович страшно испугался. Он думал, что кондор сейчас поднимется, улетит... Но этого не случилось. Кузя прошёлся вдоль клетки и сразу вернулся обратно.

Тогда Никита Иванович решил попробовать выпускать обоих кондоров на прогулку. Ему было жаль птиц, к которым так редко заглядывало солнышко. И вот он открыл им клетку. Кузихе на всякий случай связал крылья, а Кузю пустил свободно, потому что был уверен, что кондор от своей пары не улетит.

И Никита Иванович не ошибся. Кузя даже не пробовал улетать. С первого же дня он облюбовал поблизости небольшую каменную горку и, как только его выпускали, вместе с Кузихой направлялся к ней.

На этой горке они обычно сидели до четырёх часов. Потом Кузя, а следом за ним и его подруга спускались вниз и направлялись обратно в клетку. В это время кондоры всегда получали мясо, и они хорошо знали часы кормёжки.

Всю весну кондоры провели на горке, а к концу мая вдруг перестали ходить к ней. Вместо этого они разгуливали по дорожкам парка, собирали прутья, всякий мусор и несли к себе в клетку. Особенно старался Кузя. Он тащил всё, что ему попадалось: то возьмёт у уборщицы метлу, то вытащит из ведра бумагу. А как-то раз даже ухитрился стащить у маляра пиджак. На одну минуту оставил его маляр на скамейке; только отошёл, смотрит — а Кузя уже пиджак несёт в клетку. Маляр хотел отобрать свою одежду. Но

Кузя грозно зашипел и всем своим видом показал, что с пиджаком он добровольно не расстанется. Пришлось бежать за служителем.

Пока маляр разыскивал Никиту Ивановича, кондор тоже не терял время зря. Он принёс пиджак в свой угол и всё старался его удобней там положить. При этом Кузя успел его порядком измазать, порвать карман и уже принялся отрывать ворот, когда прибежали Никита Иванович и маляр.

Увидев, во что превращается его одежда, маляр пришёл в ужас. Зато Никита Иванович сразу сообразил, что нужно сделать. Он взял метлу и бросил её Кузе. Кузя пошёл за метлой, а Никита Иванович схватил пиджак и выскочил из клетки.

После этого случая Никита Иванович перестал выпускать кондоров на прогулку, но, догадавшись, что они хотят строить гнездо, стал каждый день приносить

им прутья. Приносил целой охапкой и клал в клетку, а к вечеру Кузя с Кузихой всё перетаскивали в свой угол.

Сначала они клали прутья в кучу. Потом Кузя сделал наверху что-то вроде площадки, Кузиха снесла туда одно яйцо и села его насиживать.

Всё это время Кузя очень трогательно ухаживал за своей подругой. Если приносили корм, он, вместо того чтобы съесть самому, брал мясо и относил его Кузихе. Если же она вставала, то спешил её сменить на гнезде.

Пятьдесят один день насиживали кондоры яйцо, а на пятьдесят второй из него вылупился птенец. Он был похож на маленького индюшонка, покрыт белым пушком. А с какой заботой относились к своему беспомощному птенцу пернатые родители! Они по очереди его кормили, грели и ни на одну минуту не оставляли одного.

Но недолго прожила в Зоопарке эта интересная семья. Однажды, когда Никита Иванович пришёл кормить своих питомцев, они неожиданно отказались от мяса. Такого случая, чтобы кондоры отказывались от пищи, ещё ни разу не было. Никита Иванович сразу побежал за врачом.

Но что мог сделать врач? Ведь это всё происходило очень давно, в то время когда в Зоопарке не было даже лаборатории, где могли бы определить болезнь. Почти три недели болели кондоры. Много труда и стараний положил Никита Иванович, чтобы выходить их, но спасти удалось только одного Кузю.

Было видно, как скучал, оставшись один, кондор. Он сидел целые дни нахохлившись или начинал ходить по клетке и искать свою подругу. Когда же Никита Иванович выпустил его на прогулку, Кузя сразу направился к своей горке. Но он не остался сидеть на ней. Расправил крылья и вдруг, неожиданно взмахнув ими, поднялся в воздух.

Он поднимался все выше и выше, пока не сделался таким маленьким, что еле был виден в облаках, и, когда все уже думали, что он не вернётся, широкими кругами пошёл вниз. Вот он уже парит над парком... вот опускается на дорожку... Кто знает, быть может, многолетняя привычка к месту, где было когда-то его гнездо, заставила кондора вернуться в клетку.

С тех пор прошло много лет. Давно состарился Никита Иванович. Согнули его спину годы, а белая как лунь борода покрыла грудь. Никита Иванович — почётный служитель Зоопарка. Он до сих пор работает с птицами и до сих пор, как только наступает лето, выпускает на прогулку кондора.

Важно, не торопясь, направляется кондор к своему постоянному месту. Взмахнув огромными крыльями, перелетает через изгородь и садится на тот самый камень, на котором провёл столько лет. Он сидит на нём, раскрыв крылья, не шевелясь, а когда начинает садиться солнце, кондор опять идёт по дорожке парка к клетке, в которой он прожил почти шестьдесят лет.

Росомаха

Однажды ранней весной привезли в Зоопарк росомаху. Она была похожа на огромную куницу: тёмно-бурая, покрытая длинной жёсткой шерстью. Поймать росомаху было очень трудно. Живёт она в глухой тайге, выходит на охоту ночью и, хотя с виду неуклюжа, лазит по деревьям ловко.

Когда росомаху посадили в клетку, она прежде всего осмотрела её, но, увидев, что уйти нельзя, забилась в угол и даже не вышла оттуда за кормом.

В этом углу росомаха проводила целые дни. Она лежала там, свернувшись клубком, такая угрюмая, дикая и, если кто-нибудь из посетителей подходил слишком близко к её клетке, злобно рычала, а глаза у неё загорались зелёными огоньками, отчего росомаха казалась ещё злей.

Так вела себя она днём. Зато вечером, как только закрывали Зоопарк и уходил последний посетитель, росомаха вылезала из своего угла. Мягкими, бесшумными прыжками металась по клетке, рвала зубами решётку или начинала рыть лапами землю. Но решётка была крепкая, а под слоем земли находился цементный пол и подрыть его росомахе было не под силу, И всё-таки из ночи в ночь она упорно искала выхода из клетки.

Росомаха плохо ела и стала такая худая, как будто её не кормили совсем.

Прошло несколько недель, и вдруг поведение зверя неожиданно изменилось.

Росомаха больше не лежала в своём углу и всё как-то беспокойно металась. Рыла то в одном, то в другом месте ямку, собирала туда разную подстилку,

укладывала её, потом, чем-нибудь встревоженная, опять рыла и опять всё перетаскивала на новое место.

Сначала никто не мог понять, в чём дело. Потом догадались, что у росомахи, наверно, скоро должны родиться детёныши и она ищет место для логова.

В клетку поставили домик. Домик был просторный, похожий на собачью будку, а внутри сделана перегородка, чтобы не задувал ветер.

Однако росомахе домик не понравился. Он совсем не был похож на ту нору, в которой она привыкла жить на воле, и росомаха никак не хотела в него заходить.

Наконец после долгих поисков она устроила логово под домиком. Вырыла небольшое углубление, выстлала его своей шерстью, а через несколько дней оттуда слышался писк новорождённых.

С этого дня росомаха почти не отходила от своих малышей. Лежала около них, ухаживала, кормила, грела и так старательно вылизывала, что их шерстка всегда была пушистая и чистая.

Выходила росомаха из своего логова только за кормом. Бросит ей служитель мясо, а она схватит его и скорей спешит к малышам. Теперь она и не рвалась, как прежде, на волю. Как-то раз служитель забыл закрыть за собой дверь, клетка осталась открытой — и даже тогда не ушла росомаха. С появлением маленьких детёнышей росомаха перестала тосковать и рваться на волю. А они лежали такие маленькие, пушистые и почему-то всегда рядышком и, как только подходила к ним мать, поднимали свои тупые мордочки и тянулись к ней, пососать.

Малыши были упитанные, зато их мать худела с каждым днём всё больше и больше. Ей давали столько мяса, что хватило бы даже волку, но она почти не ела. Всё, что ей давали, она относила детям, а сама оставалась голодной.

Её пробовали кормить отдельно. Отсаживали от малышей в другую клетку и клали мясо, но росомаха рвалась обратно к детям и не ела совсем.

Прошло около двух месяцев. За это время малыши подросли, окрепли и уже сами вылезали из логова. Они были очень забавны, эти две маленькие росомашки: такие толстые, неуклюжие, похожие не то на щенят, не то на медвежат. Целые дни они возились друг с другом. Когда детёныши играли, мать сидела рядом и наблюдала за ними. Случалось, что какой-нибудь из них отбегал дальше, чем полагалось; тогда она осторожно брала его за шиворот и приносила обратно.

Если же её детёнышам грозила опасность, она как-то по-особенному рычала, и детёныши, словно по команде, скрывались под домиком.

Особенно волновалась росомаха, когда они подходили к соседней клетке, в которой сидели два волка. Серые хищники давно охотились за её малышами. Если те подбегали к решётке, волки злобно рычали, шерсть у них поднималась дыбом, они хватали

зубами за сетку и с силой дёргали, стараясь схватить росомашек.

Днём волков отгонял служитель. Зато ночью им никто не мешал. И вот однажды, когда волки, как обычно, дёргали сетку, она не выдержала напора, разорвалась, и два серых хищника пролезли в клетку к росомахе.

Увидев, что детёнышам грозит опасность, мать смело бросилась к ним на защиту. Она была гораздо слабее двух волков и, не будь у неё детей, уж наверное постаралась бы уйти. Но разве могла уйти и оставить своих детёнышей росомаха-мать?

Она яростно кидалась то на одного, то на другого волка, увёртывалась от их укусов, бросалась опять, не давала им подойти к детям.

Несколько раз пробовали волки пробраться к ним под домик, и каждый раз их отгоняла росомаха.

Но вдруг в борьбе кто-то опрокинул домик. Две маленькие испуганные росомашки остались совсем без прикрытия. Жадные к добыче волки уже готовы были схватить их, но мать успела закрыть собой детёнышей. Она всем телом легла на малышей и, с какой бы стороны ни старались их схватить волки, моментально поворачивалась и встречала их оскаленной пастью.

Закрывая собой детёнышей, росомаха даже не могла теперь увернуться от укусов волков и всё-таки находила в себе силы отбивать их нападение.

Неизвестно, чем бы кончился этот неравный бой, если бы на шум не подоспел сторож.

Он быстро отпер клетку и загнал волков на место. Потом крепко заделал отверстие и подошёл к росомахе. Росомаха так ослабела, что у неё не было даже сил подняться. И всё-таки, когда сторож хотел поглядеть, целы ли её малыши, она оскалила зубы и по-прежнему была готова их защищать.

Убедившись, что малыши невредимы, сторож ушёл, а росомаха с трудом приподнялась и стала нежно прилизывать взъерошенную шёрстку своих детёнышей.

Кровожадный зверёк

С виду хорёк маленький и безобидный. Мордочка у него круглая, симпатичная, будто у кошки. А в тёплой, зимней шубке он такой красивый, что так и хочется потрепать его пушистую шёрстку. Но таким безобидным хорёк только кажется, а на самом деле это очень кровожадный зверёк. Стоит только посмотреть на его тонкое, гибкое тело, на острые клыки и стремительно хищные движения, чтобы сразу догадаться, что хорёк хоть и маленький, но очень грозный хищник.

Вот такого хорька и принесли однажды два мальчика в Зоопарк. Они нашли его совсем маленьким, выкормили, приручили... Но дома их родители не разрешили держать зверька, в школе не было подходящей клетки, да и директор не позволил — вдруг выскочит и погрызёт птиц.

Тогда ребята решили подарить своего питомца в Зоопарк. Пусть живёт в Зоопарке, а они будут приходить к своему любимцу в гости, приносить что-нибудь вкусное. Они будут навещать его часто-часто.

Зверёк был совсем ручной. Это было видно по тому, как он спокойно сидел в небольшой самодельной клетке и с любопытством поглядывал по сторонам. Один из мальчиков просунул руку в клетку и вынул хорька. Ему очень хотелось показать служительнице, что их питомец действительно ручной. Но тут случилось совсем неожиданное: зверёк чего-то испугался, рванулся из рук и, прежде чем кто-нибудь опомнился, в несколько прыжков очутился около забора и скрылся под ним.

Всё это случилось на Новой территории Зоопарка, около соболятника. Тётя Настя, которая много лет работала там старшей служительницей, даже охнула.

Уж кто-кто, а она-то хорошо знала, сколько беды может натворить убежавший хорёк, если он проникнет опять в Зоопарк.

Поэтому, когда мальчики побежали в соседний двор искать зверька, она поспешила заделать камнями отверстие. Потом принесла большую доску и плотно прижала её к камням.

Долго искали и звали мальчики беглеца, но, так и не найдя, ушли. Тётя Настя ушла домой поздно. А утром, придя на работу, первым делом пошла вдоль забора. Она шла и внимательно смотрела, нет ли на свежем снегу следов вчерашнего беглеца. Так и есть! То, чего тётя Настя боялась, случилось: круглые, словно кошачьи, следочки шли от забора по направлению к пруду.

С этого дня не было ночи, чтобы хорёк не заел на пруду Зоопарка какую-нибудь птицу. И делал-то как! Загрызёт птицу, мозг из головы съест, а туловище бросит.

И чего только не делали, чтобы поймать этого кровожадного зверька! Ставили петли, ловушки — ничего не помогало.

Можно было подумать, что он вырос не в доме и никогда не был ручным, с таким искусством он избегал ловушек и даже не подходил к ним близко. А когда его караулили на одном пруду, он, словно чувствуя, шёл разбойничать на другой.

Жил хорёк по-прежнему на соседнем дворе. Там был ремонт, и он неплохо устроился под огромной горой досок, сваленных в углу. Выловить его оттуда не было никакой возможности, однако и терпеть такое опасное соседство тоже было нельзя. Тогда решили всё же разобрать доски и попробовать изловить хищника.

Доски разобрали, но хорька не нашли. Очевидно, напуганный шумом, он незаметно выскользнул и постарался уйти в более спокойное место.

Прошло несколько дней. За это время хорёк ни разу не появлялся на пруду, и все решили, что он перекочевал куда-нибудь подальше и больше никогда не появится.

Но вот однажды на берегу пруда опять нашли задранную птицу. Она лежала недалеко от проруби, а от неё шли цепочкой уже знакомые следы хорька. Вели они теперь не к забору, а на склад Зоопарка, который помещался на Новой территории.

Трудно найти на огромном складе такого маленького зверька, как хорёк. Трудно его и изгнать оттуда. Ведь на складе Зоопарка лежали целые груды строительного материала: разные доски, рулоны сеток, бочки с краской, среди которых так надёжно можно было спрятаться. И вот опять каждую ночь хорёк стал появляться на прудах Зоопарка.

Почти целый месяц разбойничал хищник. Много разных птиц уничтожил он за это время. Наконец с большим трудом зоотехнику удалось проследить его постоянное жилище. Оно находилось под бочками и углублялось куда-то под пол складского помещения. Выход из жилища хорька был, по-видимому, не один. Пробовали ставить капканы, но зверёк в капканы не шёл, продолжая старательно обходить их стороной, даже не дотронувшись до мяса. Наверное, живая добыча была куда приятней.

Тогда тётя Настя, которая много лет ухаживала за соболями, куницами, хорьками и хорошо знала их, предложила: не класть мясо в ловушки, а попробовать прикармливать хорька своим, проверенным способом.

— Может, сыт будет и на пруд не всегда пойдёт, — сказала она. — А там, глядишь, привадится, тогда и поймает.

— Ничего не получится, тётя Настя, — тут же возразил зоотехник. — Мы этому хорьку месяц мясо в ловушки кладём, а он даже близко не подходит.

Здесь уж тётя Настя не стерпела:

— Мясо! А мясо-то какое, самое завалящее. Да лежит в ловушке по неделе. А что соболю, что хорю, им всё свежее подавай. Это тебе не гиена, что падаль жрёт.

Пришлось зоотехнику свою вину признать. Признать ещё и то, что хорьков он знает меньше, чем львов, медведей, тигров, а вдобавок смиренно просить тётю Настю взять на себя приваду хорька.

Нельзя сказать, что тётя Настя согласилась сразу. Она была женщина суровая и не терпела возражений, особенно в тех делах, которые хорошо знала.

— Раз знаешь больше, сам и приваживай. А то «не получится», «мясо в ловушки кладём», а теперь «тётя Настя», да ещё «пожалуйста»! — рассердилась она. Но, увидя смиренное лицо зоотехника, добавила: — Ладно, сама всё сделаю. Только смотри не забудь корм на него выписать, а то всё норовите от соболей отнять.

— Выпишу, выпишу, — поспешил согласиться зоотехник.

На другой день тётя Настя тщательней, чем всегда, проверяла полученные корма. Возчик в ожидании накладной хоть в душе и возмущался такой медлительностью, но молчал, так как хорошо знал строптивый характер тёти Насти.

Наконец всё проверено. Накладная о том, сколько кормов получено, подписана, и возчик, бурча, уезжает, а тётя Настя начинает раскладывать всё по порциям. Сегодня у неё на одну порцию больше, чем обычно. Это для хорька.

Эта порция подобрана особенно тщательно: здесь есть свежее-розовые кусочки мяса, рыба, несколько кусочков хлеба, вымоченного в молоке, и даже яйцо — пусть выбирает то, что ему больше понравится.

И всё же первые дни хорёк явно не желал пользоваться этой едой, но тётя Настя проявила большую настойчивость. Она терпеливо, каждый день, в один и тот же час приходила и меняла старую еду на новую, ласково уговаривала хорька попробовать кушанье.

Неизвестно, ласковые ли уговоры служительницы или хорёк стал привыкать к таким приношениям, только через несколько дней он начал брать корм. Сначала робко, когда служительница уходила, а вскоре так осмелел, что начал выскакивать к тётё Насте навстречу. Она даже не успевала положить мясо, как он тут же его хватал и уносил в своё логово.

Но вот однажды тётя Настя принесла большую клетку. Поставила её около лаза, где находился хорёк, а в клетку положила корм. Потом отошла в сторону и позвала зверька. Маленький хищник не заставил себя ждать. Услышав знакомый голос, он тут же выскочил из лаза. Увидев клетку, удивлённо привстал на задние лапки. Но, очевидно, клетка напомнила ему ту, в которой он жил раньше, или зверёк просто перестал опасаться, только тут же при тётё Насте хорёк смело вошёл в клетку. Дверца захлопнулась, и кровожадный зверёк наконец был пойман.

Необычная клетка

Эта клетка находится в Зоопарке.

Белыми пушинками падает снег, искрится замёрзший пруд, а здесь, в этой клетке, сидя на жёрдочках, заливаются песней скворцы, громко щебечут коноплянки.

Разноголосый птичий хор далеко разносится по зимнему парку, и, слушая его, даже не верится, что сейчас зима, что скрипит от мороза под ногами снег.

Но почему же в этот зимний морозный день, словно весной, распевают скворцы? Почему не жмутся они от холода? Ведь их собратья, которые живут на воле, уже давно улетели в тёплые края.

И долго стоит удивлённый посетитель возле этой необычной клетки. Долго смотрит он на запорошённые снегом ёлочки, где вместе с красногрудыми снегирями и пушистыми синичками перепархивают с ветки на ветку скворцы.

Заведующая секцией Анна Васильевна выбрала для этих птиц высокую, просторную вольеру, ту, которая стояла около здания и с двух сторон была закрыта от ветра. А чтобы птицы не поморозили лапки, все металлические перекладины, на которые они могли сесть, обшили досками.

Когда все приготовления закончились, в клетку поместили самых разных птиц. Вместе с синицами и снегирями, которые зимуют у нас, посадили улетающих в жаркую Африку скворцов.

Этот опыт должен был показать, могут ли улетающие в жаркие страны птицы переносить нашу зиму, проследить их поведение и сделать так, чтобы ни одна из них не погибла.

Ухаживать за птицами должна была тётя Настя, а наблюдать и записывать их поведение поручили зоотехнику Зое Калмыковой.

Теперь Зоя, придя на работу, первым делом спешила к вольере. Аккуратно записывала она в дневник, как ведут себя птицы, какой корм лучше едят. Потом ещё записывала направление ветра, осадки и температуру воздуха.

Дни становились всё холодней и холодней. Сотрудники секции орнитологии очень волновались, как будут переносить непривычный холод скворцы, но всё обошлось благополучно, Уже наступила зима, выпал снег, а птицы себя чувствовали превосходно.

Правда, чтобы искусственно удлинить день, клетку утром и вечером освещали электричеством, и это давало возможность её пернатому населению лишний раз подкрепиться едой. Корма тоже давали уже не те, что летом, а такие, которые содержали больше жира, например конопляное семя. Затем ещё подкармливали птиц живыми мучными червями.

Это был, пожалуй, самый лакомый корм, особенно для скворцов. Они даже угадывали время, когда его приносили. Уже заранее рассаживались на те жёрдочки, откуда была видна дорожка, по которой ходила служительница, и внимательно высматривали её среди публики.

А какой поднимали они шум, завидев тётю Настю! Срывались со своих жёрдочек, летели навстречу и так близко вились около дверцы, что служительнице приходилось протискиваться в неё бочком, чтобы не выпустить птиц.

И всё-таки однажды такая беда случилась. Вылетели сразу две птицы — скворец и снегирь. Снегиря тут же на клетке накрыли сачком, а скворец улетел.

Долго искали улетевшего скворца тётя Настя и Зоя. Обошли весь парк, но так и не нашли. Наверно, он улетел за пределы Зоопарка, и искать его было бесполезно.

Все считали скворца пропавшим. Однако дня через два он вернулся сам. Тётя Настя кормила птиц и вдруг увидела беглеца. Он преспокойно прыгал по верхней части вольеры, заглядывал в неё и всё старался просунуть сквозь сетку голову. Видно, за эти дни скворец изрядно проголодался и теперь, видя, как тётя Настя кормила других птиц, стремился проникнуть в клетку.

Служительница хотела приоткрыть дверцу и заманить скворца, но помешали другие птицы. Они подлетели к самой дверце и могли вылететь.

Пришлось беглеца накормить и оставить жить на свободе.

Сначала тётя Настя и Зоя боялись, что скворец улетит. Но он остался жить около клетки. Ночевал на соседнем дереве и, хотя его кормили вдоволь, заметно скучал без прежней компании.

Почти целую неделю прожил скворец на свободе. А однажды, когда тётя Настя приоткрыла дверцу клетки, чтобы туда зайти, скворец вдруг неожиданно сорвался с дерева, слетел к ней на плечо и оттуда прямо в клетку. Тётя Настя быстро захлопнула дверцу, но это было совсем не нужно — скворец уже сидел в поёнке и с наслаждением купался.

Вообще купание для скворцов было самым любимым занятием. Они не пропускали его даже в очень холодные дни. Бывало, мороз, вода в поёнке превратится в льдышку, и всё-таки не успевали туда налить свежей воды, как скворцы спешили в ней искупаться. При этом они очень суетились, поднимали драку, но едва один из них занимал поёнку, как остальные моментально успокаивались. Они чинно

усаживались по сторонам и, пока счастливцев, трепыхая крыльями, наслаждался ванной, терпеливо дожидались своей очереди.

Скворцы купались с таким удовольствием, будто это была не зима, а самое жаркое лето. И, глядя на них и на то, как весело щебечут снегири, Анна Васильевна, тётя Настя, Зоя и остальные сотрудники секции радовались удачному опыту.

Зима тоже выпала хорошая. Морозы стояли небольшие, и температура держалась не ниже двадцати градусов.

Кончился февраль. Казалось, уже прошло самое страшное время, и вдруг совсем неожиданно грянул мороз.

О том, что ночью будет тридцать градусов, Зоя узнала по радио.

Нужно ли говорить, как она испугалась! Ведь тётя Настя, наверно, давно спит и не знает о предстоящем морозе, и скворцы могут погибнуть!

Зоя быстро вскочила с постели и посмотрела на часы. Стрелки показывали без десяти час. На метро она опоздала.

Зоя оделась и побежала к остановке троллейбуса.

Поспела она вовремя. Троллейбус уже готов был тронуться, но водитель, увидев спешащую женщину, задержал машину и услужливо открыл дверь.

Пустая машина шла быстро, но Зое казалось, что она идёт слишком медленно.

Зоя на каждой остановке подбегала к двери и выглядывала в надежде увидеть такси.

— Что вы так волнуетесь, гражданка? — спросила наконец кондукторша, заметив волнение пассажирки.

— Нет, я так. Такси смотрю, — ответила Зоя.

— Такси? — удивилась кондукторша. — Да разве вам в троллейбусе тесно? Одни только и едете.

— Не тесно, — согласилась Зоя, — да мне ведь только скорей нужно.

И она подробно рассказала о необычной клетке, в которой остались зимовать скворцы, о том, что они могут погибнуть в такой мороз, и как дорога ей, Зое, каждая минута.

Кондукторша очень сочувственно выслушала рассказ и, узнав, какая опасность угрожает зимующим скворцам, неожиданно заявила:

— Ну, гражданка, этому и без такси помочь можно... — И деловито крикнула водителю: — Пётр Иванович! Нельзя ли ход прибавить, а то тут у гражданки беда случилась — скворцы помёрзнуть могут.

— Скворцы? — переспросил ничего не понявший водитель и тут же добавил: — Ты, Маруся, видно, что-то перепутала. Скворцы давно в жаркие страны улетели, а у нас только галки да вороны остались.

— В том-то и дело, что не улетели. Их в Зоопарке для опыта оставили, а сейчас мороз, вот гражданка и спешит, чтобы птицам помёрзнуть не дать.

Водитель сначала не поверил Марусе, но когда её слова подтвердила Зоя, он даже не стал тратить время на расспросы, нажал на педаль, и машина помчалась с такой быстротой, что только замелькали фонари.

На площади Восстания Зоя поблагодарила водителя, кондукторшу, прыгнула с троллейбуса и побежала в Зоопарк.

Когда она подбежала к вольере, то там уже были тётя Настя, Анна Васильевна и зоотехник Иван Прокофьевич. Иван Прокофьевич стоял на лестнице, а тётя Настя и Анна Васильевна подавали ему листы фанеры, которыми он закрывал клетку, чтобы защитить её от холодного ветра.

В клетке горело электричество. Лампочка ярко освещала вольеру, и Зоя увидела скворцов. Они не

прыгали, как обычно, а сидели нахохлившись, тесно прижавшись друг к другу.

Увидев Зою, Анна Васильевна крикнула, чтобы она скорее принесла корм.

Зоя сбегала в кормовую и быстро вернулась назад. В руках она держала миску, полную мучных червей.

При виде такого лакомства птицы сразу оживились. Они слетели со своих мест, стали кружиться вокруг Зои, и каждая старалась ухватить побольше корма.

Пока Зоя занималась кормлением, Иван Прокофьевич успел обшить клетку, и в ней сразу стало теплей. Повеселели коноплянки, повеселели, наклевавшись червячков, и скворцы.

Такой сильный мороз держался недолго. На другой день уже стало теплее, а недели через две с пригретой солнцем крыши закапала вода. Теперь можно было за птиц не опасаться: начиналась весна.

Сначала солнце попадало в клетку небольшим, узким лучом. Но птицы его почувствовали сразу. Они спешили сесть на этот освещённый кусочек, друг друга толкали, ссорились.

Но это было только первое время. Потом солнце стало заглядывать всё чаще и чаще, всё больше становилось солнечное пятно. Оно увеличивалось с каждым днём и скоро стало таким большим, что на нём уже хватало места всем птицам.

Сидя на солнышке, громко щебетали коноплянки, а скворцы с таким азартом щёлкали и свистели, что по одному их пению сразу было видно, что весна уже пришла.

Мусик

Мусик родился совсем маленьким. Таким маленьким, что старшая служительница обезьянника Екатерина Андреевна не сразу его и разглядела. Он крепко вцепился ручонками в мать, прижался к её груди и почти не был заметен.

У резуса Микки это был первый детёныш. Наверно, поэтому она вела себя так беспокойно. Вместо того чтобы кормить малыша, она волновалась, оглядывалась по сторонам, закрывала его руками. А когда Екатерина Андреевна входила в клетку и протягивала Микки яблоко, та испуганно вскрикивала и карабкалась под самый купол клетки.

Такое поведение обезьяны не нравилось служительнице. Двадцать с лишним лет ухаживала она за обезьянами, хорошо знала их повадки и теперь была уверена, что слишком беспокойная Микки никогда не станет хорошей матерью.

И Екатерина Андреевна не ошиблась.

С первых же дней Микки почти перестала есть. Она сидела на самой верхней перекладине и спускалась лишь после того, как все уходили из помещения. Тогда, крепко прижимая к себе детёныша, она осторожно слезала вниз, хватала лежавший поближе кусочек хлеба или каши, запихивала себе за щёку и быстро забиралась на прежнее место. При этом ей доставались одни остатки, потому что лучший корм расхватывали другие обезьяны.

Несколько раз пробовали отсадить Микки в другую клетку, где она находилась бы одна. Но из этого ничего не получалось. Ведь не так просто поймать обезьяну в такой огромной клетке. К тому же у Микки был маленький детёныш. Она могла его выронить и разбить.

Одним словом, Микки пришлось оставить в общей клетке и лишь усилить за ней наблюдение.

Большей частью за ней следила сама Екатерина Андреевна. Служительница скоро заметила, что от постоянного недоедания Микки начала быстро худеть; к тому же она ещё простудилась, сильно кашляла, и вдобавок ко всем невзгодам у неё, по-видимому, не хватало молока.

Это стало заметно прежде всего по малышу. Он часто и жалобно пищал, отрываясь от груди матери, и, если она ела, лез ей ручонками в рот. А ведь ему было всего две недели, и в таком возрасте малышу полагалась питаться одним молоком.

Видя, как с каждым днём худеет маленький Мусик и как всё сильнее кашляет его мать, заведующая обезьянником Тамара Александровна, посоветовавшись с Екатериной Андреевной и врачом, решила отобрать малыша.

Конечно, это было очень рискованно, но другого выхода не было.

Все необходимые приготовления сделала сама Екатерина Андреевна. Она застелила всю клетку толстым слоем соломы, чтобы малыш, если и упадёт, не разбился. Потом сняла подвесные лестницы, шесты. Когда же всё было готово, началась ловля.

Но напрасно несколько человек, ловко орудуя сачками, пытались накрыть Микки. словно стрела носилась она между ними, быстро взбиралась вверх или, отталкиваясь от сетки, перелетала мячиком на другую сторону.

Казалось, что поймать её нет никакой возможности.

Но вот во время одного из прыжков Микки, чтобы схватиться за сетку, разжала руку, которой придерживала детёныша, тот не удержался и полетел вниз. Казалось, гибель его неминуема. Но маленький

обезьяний детёныш, счастливо минуя перекладины, упал на сбитую в кучу солому.

Екатерина Андреевна бросилась к нему, но тут одна из обезьян опередила её и, ловко перехватив малыша, бросилась с ним наутёк. Накрыть сачком её успели в тот момент, когда она уже взбиралась со своей ношей на сетку.

Нащупав через брезент обезьяну, сачок тихонько раскрыли. И пока Микки металась по клетке, разыскивая малыша, Екатерина Андреевна его бережно засунула к себе за тёплую вязанку.

Когда Мусика отнимали от чужой ему обезьяны, он так пронзительно кричал и так уцепился за неё ручонками, словно это была его мать. Но едва его отняли и он почувствовал тепло от вязанки Екатерины Андреевны, как так же цепко ухватился за неё и успокоился.

Раиса Антиповна, как врач, тоже присутствовала при ловле. Она хотела взять Мусика, чтобы его осмотреть — ведь при падении он мог ушибиться и что-нибудь себе повредить, — однако Мусик никак не хотел отрываться от Екатерины Андреевны. Пришлось его осматривать прямо на руках у служительницы. Повреждений и даже ушибов у Мусика никаких не оказалось. Но он был такой худенький и маленький, этот двухнедельный детёныш! Его головка была чуть побольше грецкого ореха, сморщенное личико и тонкие, словно прутики, ручонки возбуждали жалость. Он крепко прижимался к Екатерине Андреевне и, когда кто-нибудь к нему наклонялся, прятал в складках её кофты головку и испуганно пищал.

— Ишь, знает, к кому пристроиться! — засмеялась Раиса Антиповна. — Ну как, поместим его на площадку молодняка или сначала возьмём на ветеринарный пункт? — спросила она Тамару Александровну.

— А что, если я Мусика к себе возьму? — сказала Екатерина Андреевна.

За те короткие минуты, которые малыш доверчиво прижимался к ней, служительница почувствовала к нему ещё большую жалость, и ей очень хотелось взять маленькую обезьянку на воспитание.

— Что ж, пожалуй, это неплохо, — согласилась Тамара Александровна и, обращаясь к врачу, добавила: — С ним ведь немало хлопот будет: надо в тепле держать, ночью дежурных оставлять, а у Екатерины Андреевны он в одних руках будет. Да и за обезьянами она больше двадцати лет смотрит, знает их хорошо.

Раиса Антиповна с такими доводами согласилась, и маленький Мусик остался у Екатерины Андреевны.

Первые затруднения

Взяв на воспитание двухнедельную обезьянку, Екатерина Андреевна знала, что с ней будет немало хлопот. Началось с того, что Мусик отказался от пищи. Придя домой, Екатерина Андреевна первым делом согрела молока, налила в пузырёк, надела соску и предложила Мусику. Мусик отвернул голову и даже не хотел смотреть на соску. Тогда Екатерина Андреевна попробовала ему дать с ложечки, но и с неё он не стал пить, а когда она налила ему молоко в рот силой, тут же выплюнул. И какое только ни пробовала ему давать молоко Екатерина Андреевна — сладкое, тёплое, разбавленное водой и, наоборот, отстоявшиеся сливки, — Мусик неизменно выплёвывал всё, что попадало ему в рот.

Промучившись без толку всю ночь, Екатерина Андреевна еле дождалась утра; она уже собиралась идти посоветоваться с Раисой Антиповной и Тamarой Александровной, но те пришли к ней сами.

— Как дела? — спросила первым делом Тамара Александровна.

— Плохо, — ответила Екатерина Андреевна, — всю ночь промучилась, а он даже капли не выпил! — И она беспомощно развела руками, показывая на творившийся в комнате беспорядок.

А беспорядок был действительно ужасный. Весь стол заставлен блюдечками, чашками, пузырьками с разными молочными кушаньями и приспособлениями в виде больших и маленьких сосок, ложечек, пипеток. А виновник всего этого беспорядка, маленький Мусик, по-прежнему сидел у Екатерины Андреевны за вязанкой, которую она, по-видимому, даже не снимала на ночь.

— Да, плохи дела, — покачала головой Раиса Антиповна, окидывая комнату взглядом и догадываясь, что Екатерина Андреевна действительно сделала всё, что возможно. — Ну что ж, давайте попробуем ещё.

И все три женщины снова принялись угощать малыша. Однако, сколько они ни старались, из этого опять ничего не вышло.

Раиса Антиповна даже съездила в ближайшую консультацию и принесла оттуда молоко. Но Мусик не стал пить и его.

Тогда решили ему дать хоть что-нибудь, чем бы он мог поддержать свои силы. Предлагали многое, но из всего предложенного он совсем неожиданно стал пить апельсиновый сок.

Пришлось его кормить одним соком. А через несколько дней Екатерина Андреевна с большим трудом приучила маленького упрямца к молоку.

После того как Мусик начал есть, он стал поправляться.

Молоко брали из детской консультации, такое же, как для маленьких детей. Когда же Мусик немного подрос, ему стали ещё давать тёртое яблоко, размоченный в молоке белый сухарик и многое другое,

что нужно было маленькой обезьянке для правильного роста.

Правда, ел всё это Мусик неодинаково охотно. Он с удовольствием пил разные соки, кое-как мирился с кашей, но когда дело доходило до рыбьего жира, тут уж Екатерине Андреевне приходилось немало потрудиться, прежде чем заставить его выпить хоть несколько капель.

Не меньше затруднений было и с содержанием Мусика. Так, например, он ни за что не хотел оставаться один. Его самое любимое место было сидеть у Екатерины Андреевны за тёплой вязанкой.

У него была своя маленькая, похожая на детскую кроватку клетка. Она была застелена мягкой перинкой, а под перинкой лежала грелка с горячей водой, чтобы Мусику не было холодно.

И всё-таки, едва Екатерина Андреевна туда его клала, как он поднимал такой неистовый визг, так цеплялся за всё ручонками, что приходилось его опять брать на руки.

Проказник

Мусик был очень большой проказник. Пока он был маленький, это ещё можно было терпеть. Но чем больше он подрастал, тем нестерпимее становились и его проказы.

Особенно много неприятностей происходило из-за того, что Мусику очень нравились блестящие и яркие предметы. Бывало, возьмёт Екатерина Андреевна вязанье, а Мусик то очки с её носа стащит, то из вязанья спицу выдернет — всю работу испортит. Или ещё так делал: сядет Екатерина Андреевна обедать, только ложку ко рту поднести хочет, а Мусик схватит её и жирный суп на платье своей воспитательницы выльет.

Тогда Екатерина Андреевна решила купить ему игрушки.

В магазин пришлось ехать вместе с Мусиком, потому что он никак не хотел оставаться один. Не успела Екатерина Андреевна надеть пальто, как Мусик тут же удобно пристроился у неё за пазухой. Он совсем не был виден, и даже в троллейбусе сидящий рядом мужчина никак не мог предполагать, что его соседка везёт обезьяну.

В магазине Екатерина Андреевна попросила показать ей игрушки. Она брала то одну, то другую и никак не могла выбрать подходящую. Перед ней лежал уже целый ворох резиновых уток, собачек, рыбок, плюшевых медвежат, целлулоидных погремушек, а она не знала, на чём остановиться.

Наконец продавщица не выдержала и сказала:

— Не знаю, что вам ещё дать, гражданка, но для маленького ребёнка это самые подходящие игрушки.

— Да, но у меня, видите ли... у меня ребёнок не такой, как все... Он... — нерешительно замялась Екатерина Андреевна.

— ...капризный, — кончила за неё продавщица. — Понимаю, понимаю, — сочувственно покачала она головой. — Так, может быть, вы ему возьмёте что-нибудь заводное? — предложила она.

— Нет. Видите ли... — опять начала Екатерина Андреевна, не зная, как сказать, что ей нужна игрушка для обезьянки.

Но говорить ничего не пришлось. Из затруднения её вывел сам Мусик. Ему, видно, надоело сидеть в темноте. Осторожно высунул он мордашку из-за пальто, увидел перед собой грудку игрушек и в одно мгновение очутился на прилавке.

Нужно ли говорить о том, как удивилась этому неожиданному появлению продавщица. Она так растерялась, что даже не знала, как ей поступить. Зато

маленький проказник не растерялся. Он недолго копался в игрушках, схватил большое красное кольцо с ярко-зелёной погремушкой и тут же поспешил обратно к Екатерине Андреевне.

Опомнилась продавщица лишь после того, как Мусик скрылся со своей добычей. И долго потом и она и все покупатели смеялись над тем, как Мусик сам себе выбрал игрушку.

Вообще в магазинах Мусик проделывал много самых непредвиденных вещей.

Так, однажды он сорвал у стоявшей рядом женщины с носа очки. Правда, женщина не рассердилась и даже угостила Мусика конфеткой, но Екатерине Андреевне такое поведение воспитанника было очень неприятно.

Дома тоже с ним становилось всё труднее и труднее. Теперь, когда он подрос, ему уже не сиделось, как раньше, за тёплой вязанкой, которую он так любил.

Первое время он лазил где-нибудь поблизости. Если же подбирался к чему-нибудь недозволенному, то стоило Екатерине Андреевне приподняться и направиться к выходу, как Мусик тут же с визгом мчался за ней и цеплялся за платье.

Но постепенно маленький проказник разобрался в обмане. Он уже не бежал к Екатерине Андреевне, если она делала вид, что уходит. Шалунишка лишь внимательно следил за тем, чтобы Екатерина Андреевна не скрылась за дверью. А когда она готова была это сделать, он мигом повисал у неё на одежде, и не было никакой возможности от него отцепиться. С каждым днём Мусик всё больше набирался ловкости не только в лазанье, но и в прыжках. Ему ничего не стоило забраться вверх по гардине, прыгнуть оттуда на этажерку или на мягкую постель.

Пришлось всё лишнее в комнате убрать. Уже давно не стояли на этажерке красивые статуэтки, было убрано зеркало, флаконы с духами, гребёнка, сумка и

вообще всё, что могло привлечь внимание любопытной обезьянки.

Немало побил и порвал он у Екатерины Андреевны вещей, но когда однажды забрался в буфет и выбросил оттуда всю посуду, она поняла, что настало время с Мусиком расстаться.

На новом месте

Сначала Мусика хотели поместить в обезьянник, но потом решили отправить в выездную секцию.

В выездной секции Зоопарка находятся самые разные животные. Здесь сидит волк, лисица, нарядный павлин, колючий дикобраз и много ещё других животных. Все они ручные, и любого из них свободно можно взять на руки.

Публика никогда не заходит в этот отдел Зоопарка. Зато животных нередко вывозят на специальной машине в клуб, в школу, в парк и там их показывают детям и взрослым. Лекторы рассказывают о жизни этих животных.

Секцией выездных животных заведовала Галина Григорьевна. Вот ей-то и решили отдать Мусика. Ведь он был совсем ручной, а у Галины Григорьевны как раз не было обезьяны.

Чтобы Мусик скорее привык и не так тяжело переносил разлуку, Галина Григорьевна взяла его не сразу. Она сначала ходила к нему в гости, приносила то вкусный банан, то кисть винограда, играла с ним.

И всё-таки, несмотря на такую подготовку, свой переезд на новое место он перенёс тяжело.

Больших трудов стоило Галине Григорьевне заставить его принимать пищу. Он от всего отказывался, кричал, рвался из клетки и утихал только тогда, когда около него находились люди.

Обучение Мусика

Когда Мусик освоился с новым местом и стал привыкать, Галина Григорьевна поручила его юннатке Оле. Оля выносила Мусика на прогулку и вела за ним наблюдения. Потом она решила научить его сидеть на стуле и есть из тарелки ложкой.

Стул и стол ему сделали сами юннаты. И то и другое было маленькое, как раз под рост Мусику.

Когда ребята преподнесли ему мебель, он ею очень заинтересовался. Сразу залез на стол, посидел на нём, потом слез, перевернул и стал грызть ножку. Пришлось ножку смазать горчицей. Мусик попробовал её, сморщился и больше уже не трогал.

Затем Оля посадила Мусика около стола на стульчик и сказала:

— Сиди, Мусик, сиди, — и дала ему кусочек сахару.

Но Мусик и не подумал сидеть. Он съел сахар, моментально спрыгнул со своего места и полез к Оле за лакомством.

Однако Оля ему сахар не дала. Она опять посадила обезьянку на стульчик и сказала:

— Сиди, Мусик, сиди, — и только после того, как он сел, угостила его ещё одним кусочком.

Мусик быстро усвоил, что от него требуется. Уже на третьем уроке, если Оля ему говорила: «Сиди, Мусик, сиди», он послушно садился на стульчик и терпеливо ждал угощения.

Зато приучить обезьянку брать пищу ложкой оказалось гораздо труднее. Ложку Мусик держал охотно, но едва перед ним ставили тарелку, как он тут же бросал ложку и лез в посуду обеими руками.

Оля просто не знала, что с ним делать. Она горячилась, совала Мусику ложку в руки, а он сердился, кричал и упорно её откидывал.

— Нельзя так горячиться, Оля, — поправила её Галина Григорьевна; она пришла посмотреть на занятия и сразу заметила неполадки. — С животными надо обращаться ровно и спокойно, иначе из твоих уроков ничего не получится. Ну-ка, подумай лучше, как заставить Мусика держать ложку.

Галина Григорьевна напомнила, как Мусик хватал всё яркое, и предложила Оле дать ему вместо металлической цветную пластмассовую ложечку.

Оля так и сделала. На другой же день она купила ярко-голубую ложечку и принесла с собой в Зоопарк.

Едва Оля показала ложку Мусику, как он тут же её выхватил и никак не хотел отдавать. Когда же Оля поставила перед ним тарелку, он не бросил, как всегда, ложку, а крепко зажал её в руке.

Осторожно поддерживая ложку, Оля направила её к тарелке. Помогла зачерпнуть ею вкусный виноградный сок и дала попробовать Мусику.

Через несколько дней Мусик свободно ел ложкой и так её полюбил, что всячески старался утащить к себе в клетку. А если ему это удавалось, то даже ложился с ней спать.

Самым лёгким оказалось научить его «читать» книгу. Конечно, не читать по-настоящему, а просто перелистывать её, а получалось, будто Мусик читает.

Книга была большая, с фанерными листами. В первый раз Оля положила её перед обезьянкой на стол и так, чтобы Мусик видел, сунула между фанерными листами кусочек печенья. Мусик тут же перевернул лист и съел печенье.

Этот номер с «чтением» он освоил моментально. А однажды, когда его выпустили погулять по комнате, так «перечитал» лежавшие на столе у Галины Григорьевны книги и дневники, что от них остались одни лохмотья.

Вскоре Мусик научился ещё «считать» на счётах, и его стали брать на выезды. Сначала показывали в клетке, а когда Мусик привык, Галина Григорьевна стала его оттуда вынимать и держала на руках.

Встреча

Прошёл год. За всё это время Екатерина Андреевна ни разу не навещала своего любимца. Она знала от Галины Григорьевны, что он сильно вырос, совсем не скучает, и не хотела его тревожить.

Однако ей всё же хотелось посмотреть Мусика, но так, чтобы он не видел её. Как раз в эти дни в зрительном зале Зоопарка должен был проводиться показ ручных животных. Екатерина Андреевна знала об этом. Вот и решила она тихонько туда зайти и посмотреть на своего воспитанника.

К началу она опоздала.

В зрительный зал Екатерина Андреевна вошла в тот момент, когда Мусик сидел за столом и показывал, как хорошо он умеет есть из тарелки ложкой.

Она уже хотела сесть, но тут Мусик повернул на шум голову и увидел Екатерину Андреевну. Он весь как-то подался вперёд и вдруг, с силой оттолкнув тарелку, как был, с голубой ложечкой в руке, прямо через ряды, через сидящих в зале людей бросился навстречу Екатерине Андреевне. И никто ещё не успел сообразить, что случилось, как Мусик уже повис на шее у своей бывшей воспитательницы.

Он так крепко её обхватил, так крепко к ней прижался, что нечего было и думать его взять. Впрочем, это делать и не понадобилось. Вместе со своим питомцем Екатерина Андреевна поднялась на сцену, а Галине Григорьевне пришлось на этот раз заменить лектора и рассказать всю историю Мусика.

О том же, как он хорошо помнит Екатерину Андреевну, рассказывать не понадобилось, потому что все сидящие в зале были сами невольными свидетелями встречи Мусика с его воспитательницей.

Когда же Галина Григорьевна кончила говорить, весь зрительный зал дружно аплодировал и Екатерине Андреевне и Мусику и все просили обязательно написать о нём рассказ.

Волк вернулся в клетку

Совещание уже кончилось, но разошлись не все. Как всегда, осталось ещё что-то недосказанное, не совсем ясное, и спор продолжался. В основном он вертелся теперь вокруг того, что помещений для животных мало, что клетки тесные, да и тех не хватает.

Конец спору положил заведующий научной частью Зоопарка Пётр Александрович. Его предложение было кратким и суровым — запретить принимать таких животных, как медведь, волк и лиса, которые и без того заполнили многие клетки Зоопарка.

Это предложение было тут же бурно одобрено. Но не успели ещё замолкнуть клятвенные обещания сотрудников не брать лишних животных, как дверь кабинета открылась и в комнату вошёл человек. Он поставил на пол завязанную кошёлку, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Вот, привёз вам из Казахстана в подарок волчат.

В кабинете воцарилась тишина. Каждый понимал, что отказаться принять от человека подарок, привезённый издалека, — неудобно. А взять волчат — значит занять ещё одну клетку.

Первым нарушил молчание Пётр Александрович.

— Да, дороговато вам обошёлся подарок, — сказал он. — Надо бы в заготпушнину волчат сдать. Получили бы премию, и ехать сюда не надо.

— Хотел сдать, — смущённо ответил охотник. — Да уж вышло так: привёз домой волчат показать, а они такие привязчивые оказались. Только ночь под печкой сидели, а наутро уже к ребятам ластятся, за ними, словно цуцынята, бегают. Жалко губить таких стало, вот и решил сюда везти, пусть живут, раз им такая судьба вышла.

С этими словами охотник нагнулся над кошёлкой и стал её развязывать. Оттуда сразу послышалось царапанье, возня, и не успел охотник приоткрыть крышку, как из-под неё мигом высунулись две серые мордашки и их розовые язычки энергично заходили по руке человека.

— Ну вот, сами смотрите, разве можно таких убить? — улыбнулся охотник, наблюдая за тем, как волчата неуклюже вываливались из кошёлки на пол.

И нужно сказать, что малыши сразу покорили сердца тех, кто находился в кабинете.

Лобастые, пушистые, они мигом бросились ко всем ласкаться: виляли хвостиками, лизали руки, а когда Пётр Александрович посадил волчат к себе на колени, они тут же полезли к нему «целоваться». Облизали ему лицо, нос, шею и уже совсем непочтительно принялись теревить бороду.

— Ну, ну, ну, — засмеялся Пётр Александрович. — Подлиз не люблю!

Но уже по тому, как он смеялся, как их гладил, мы поняли, что судьба волчат решена в их пользу.

Поместили волчат в небольшую клетку, которая стояла на служебном дворе Зоопарка. Клетка была тесновата, но малыши от этого совсем не страдали. Ещё издали увидев проходившего человека, они бросались к дверце, прижимали ушки и так умильно заглядывали, что как-то невольно хотелось доставить им радость и выпустить погулять.

Выпущенные на прогулку малыши бегали и резвились совсем как щенята.

Не всякий мог признать в них волчат — так они были ласковы. Бывало, присядешь на корточки и только позовёшь их: «Тютки! Тютки!» — как они тут же кончали свои забавы, бросались к тебе и старались лизнуть в лицо.

К осени волчата подросли и вытянулись. Зимой покрылись красивой пушистой шерстью и стали похожи на настоящих волков. Их уже никто не звал «тютюками». Волку дали кличку «Каскыр», а волчице — «Каскырка». В переводе с казахского на русский язык это означало волк и волчица.

Но самой красоты волки достигли лишь на третью зиму. Они стали уже настоящими зверями, в своей полной красе и силе. Особенно красив был волк — широколобый, с могучей грудью; ему, казалось, ничего не стоило сбить с ног взрослого человека. Впрочем, сколько раз он это делал играя.

Однако, несмотря на рост и силу, Каскыр и Каскырка были по-прежнему ручными и ласковыми. Правда, они не относились ко всем людям одинаково. Одних, кого знали лучше, встречали с бурной радостью, других более сдержанно, на третьих вообще не обращали внимания. Вместе с тем волков без всякой опаски можно было по-прежнему выпустить погулять во двор или водить на ремне по многолюдной улице и быть уверенным, что они никого не тронут.

Но больше всех любили волки Петра Александровича и своего служителя Лёню. Ещё бы: ведь Лёня кормил и ухаживал за волками, а Пётр Александрович частенько навещал своих любимцев, чтобы выпустить их погулять или просто приласкать.

Волки были такие послушные и так хорошо себя вели, что их даже стали брать на выездные лекции. Такие лекции Зоопарк проводил в школах, клубах, на заводах... Лёня показывал ручных животных, а лектор рассказывал о их жизни.

Сначала Лёня боялся, что с волками будет трудно справиться, но оказалось не так. Особенно хорошо держался на сцене Каскыр. У него даже были свои любимые лекторы, с которыми он не забывал при встрече «поздороваться».

Выводил Каскыра обычно Лёня. Подводил его к столу, который стоял посередине сцены, и зверь легко на него вспрыгивал.

Стоял он на столе спокойно, будто красуясь перед публикой.

Когда же лектор говорил о том вреде, который приносит серый хищник, и о том, сколько он уничтожает домашних животных, волк будто специально открывал пасть и показывал свои огромные острые клыки.

И нужно сказать, что такое поведение Каскыра всегда производило впечатление. «Ну и зверюга!», «Да, такому попадётся на зубок — не вырвешься!» — слышались из зрительного зала возгласы.

Но вот о волке всё оказано. Лёня тихонько тянет своего любимца, и он послушно спрыгивает со стола. И вдруг все видят, что, вместо того чтобы спокойно уйти со сцены, волк, прижав уши, тянет за собой Лёню к лектору.

Вот он уже совсем близко, а лектор, не замечая опасности, продолжает беседу. Напрасно Лёня пытается оттянуть зверя — еще рывок, волк прыгает на грудь человека и... лижет ему лицо.

Волка уводят, а публика ещё долго аплодирует ему вслед.

Возили Каскыра на грузовой машине. Он сам прыгал на машину и сам заходил в клетку, которая там стояла.

Когда после лекции Каскыра привозили в Зоопарк и вели на место, там его с бурной радостью встречала волчица. Волки были очень дружны между собою и если их разлучали, то очень скучали друг без друга.

Как-то раз Каскыра взяли на киносъёмку. Приехав на место, Каскыр в первый день вёл себя прекрасно. Когда его выпустили на небольшой огороженный участок леса, где должна была проводиться съёмка, он спокойно обошёл весь участок, обнюхал всё, что его интересовало. Познакомился и с людьми. Приветливо прижав уши, повил хвостом оператору, дал себя погладить режиссёру. Одним словом, от волка все были в восторге и только жалели, что нельзя сразу приступить к съёмке, так как испортилась погода.

— Ну ничего, сегодня наш «артист» пусть отдохнёт, а завтра погода исправится, и мы его снимем, — сказал режиссёр.

И действительно, погода на следующий день исправилась, но настроение у волка испортилось. Он беспокойно метался по клетке, не стал есть мясо, которое ему дал Лёня, и всё к чему-то прислушивался.

Когда Лёня взял волка на привязь, чтобы отвести на съёмочную площадку, Каскыр заупрямился и никак не хотел туда идти. Он упирался всеми четырьмя лапами и всё тащил Лёню к своему ящику, в котором приехал сюда. Он делал это так выразительно, что Лёня не мог не понять зверя.

— Домой хочет. Соскучился, — перевёл Лёня режиссёру поведение своего питомца.

— Ерунда, — не поверил режиссёр. — Вот отснимем быстренько, и поедете.

Однако «быстренько отснять» не пришлось. Выпущенный на площадку Каскыр даже не отошёл от решётки. Сначала он старался её подрыть, потом схватил зубами и стал рвать. Зверь так нервничал, что о

съёмке не могло быть и речи. Пришлось везти Каскыра в Зоопарк, не сняв ни одного кадра.

Зато сколько радости было при встрече Каскыра с волчицей! Оказывается, всё это время она тоже скучала без волка и отказывалась от пищи. Теперь же, очутившись наконец вместе, они с аппетитом поели свои порции мяса.

Вообще это была на редкость дружная пара. Когда им давали мясо, каждый брал свой кусок и не пытался отнять у другого. Если же волки ссорились, то Каскыр всегда уступал волчице, а если она всё же на него бросалась, то подставлял лишь плечо, хотя расправиться с волчицей ему не составило бы особого труда.

Часто, наблюдая за волками, думалось, как будут вести себя эти звери на свободе, уйдут они или нет.

Об этом мы даже часто спорили. Одни говорили — придут, другие — что не вернуться. Ведь не зря говорится в старой русской пословице: «Как ни корми волка, а он всё в лес глядит». Наши сомнения и споры разрешили сами волки.

Однажды в Зоопарк позвонили из пионерского лагеря и попросили привезти им на открытие лагеря медвежонка.

Лагерь был от Москвы совсем близко, и поехать туда было не трудно. Но случилось так, что в этот день все ручные звери уехали на лекцию и должны были вернуться поздно. Уехал с ними и медвежонок. Тогда мы решили заменить медвежонка Каскыром. Зверь он спокойный, ручной, да и ребятам будет интересно посмотреть волка.

Послали с волком меня и Лёню. Лёня должен был показывать Каскыра ребятам, а я — рассказать о жизни волка на воле.

Привезли Каскыра в легковой машине. Лёня сел впереди с шофёром, а я с Каскыром устроилась на

заднем сиденье.

Пока мы ехали городом, Каскыр сидел около меня и спокойно смотрел в окно. Но вот Москва осталась позади. Потянулись поля, леса, перелески... Волк начал волноваться. Теперь он отодвинулся от меня, прижался головой к стеклу и всё искал носом щель.

Он так тяжело дышал, что мне стало его жалко и я открыла окно.

Каскыр сразу высунул голову и стал с жадностью вбирать в себя встречный воздух. Он высовывался всё больше и больше... Я хотела взять Каскыра за ошейник, но тут он вдруг рванулся и одним прыжком на полном ходу машины выскочил из окна. Это было так неожиданно, что я даже не сразу сообразила, что случилось. Наконец, придя в себя, я закричала:

— Остановите машину! Остановите! Каскыр убежал!

Машина затормозила и остановилась. Мы с Лёней выскочили. Каскыр стоял на обочине дороги и растерянно озирался по сторонам. Потом зверь отряхнулся и как-то не совсем решительно направился в сторону леса.

— Каскыр! Каскыр! — закричал издали Лёня, уверенный, что волк его сейчас услышит и подойдёт.

Я тоже не сомневалась в этом. Но Каскыр, вместо того чтобы подойти или хотя бы остановиться, только прибавил шаг и скрылся среди деревьев.

Мы вбежали в лес почти следом за волком, однако его здесь уже не оказалось. Напрасно мы бегали и звали его — зверь словно сгинул.

Долго ещё мы ходили по лесу в надежде всё же найти волка, но он, видно, успел уйти далеко, и наши поиски были напрасны. В лагерь мы не поехали. Теперь нам оставалось лишь скорее вернуться в Зоопарк и сообщить о случившейся беде.

В эту ночь многие сотрудники Зоопарка домой не пошли. Не пошёл домой и Пётр Александрович.

Пожалуй, он был единственный человек, который верил, что волк найдётся.

Мы сидели в конторе и ждали утра, чтобы отправиться на поиски волка. Уже близился рассвет, но никто из нас даже не дремал. Каждый знал, что утром будет облава на ушедшего зверя. Всем было жаль этого ручного и ласкового волка, а вместе с тем каждый понимал, что именно ручной волк на свободе особенно опасен. Ведь он привык к людям, ничего не боялся и никто не знал, как он себя поведёт.

Здесь наши размышления прервал сторож. Взволнованный вбежал он в контору.

— Скорее... там зверь! — еле переводя дух, сообщил он.

Мы вскочили и побежали за ним.

По дороге он объяснил, что около ворот Зоопарка видел зверя. Зверь проскочил так быстро, что он не успел его рассмотреть. Потом сторож услышал визг на служебном дворе Зоопарка, наверное, там что-то случилось, но идти одному боязно.

Мы подбежали к дворику. Пётр Александрович с силой распахнул калитку, и... мы все изумлённо остановились.

Там возле своей клетки спокойно лежал серый беглец, виновник всех наших волнений Каскыр. Да, да, это был Каскыр, тот самый, на которого собирались делать облаву.

— Каскыр! — крикнул Пётр Александрович.

Волк обернулся и опрометью бросился к Петру Александровичу, потом кинулся к нам. Он радостно скулил, лизал всем руки, лица. Когда же Лёня открыл клетку, волк вбежал туда и стал так же бурно ласкаться к волчице.

А мы смотрели на волка и удивлялись: подумать только, как велика была его привязанность к людям,

если она заставила его вернуться в Зоопарк в свою клетку!

Крылатый друг

Лебеди

В Зоопарк привезли большую партию лебедей. Они сидели в деревянных ящиках по семь-восемь штук, а ящичков было так много, что они еле-еле разместились на двух грузовых машинах.

Лебеди были грязные и очень истощены дорогой. Таких птиц выпускать сразу нельзя. Надо им дать возможность сначала очистить перья, поправиться, а потом уже пускать на пруд.

На первое время лебедей поместили в большое тёплое помещение с двумя просторными водоёмами. Целые дни купались в них лебеди и так старательно мылись, что скоро их перья стали чистыми, без единого пятнышка.

В этом помещении лебеди сидели всю зиму. Наконец наступила весна. Растаял снег на дорожках парка, очистился ото льда пруд. И вот в один из солнечных весенних дней служитель Никита Иванович распахнул двери лебединого помещения. Широкой полосой ворвалось туда солнце. Взволнованные его лучами, лебеди закричали, вытянули шеи и столпились около открытых дверей. Там, перегораживая дорожку вправо, стояли люди, а налево с полным ведром корма манил их за собой знакомый им Никита Иванович.

— Теги, теги, теги! — звал он, высоко поднимая руку, из которой сыпались обратно в ведро золотистые зёрна.

Один из лебедей нерешительно переступил порог. За ним потянулся другой... третий... И, словно белая волна, заполнили они дорожку Зоопарка.

Сначала лебеди шли послушно за своим служителем. Но вот передние птицы увидели пруд. Они взмахнули крыльями, закричали и, уже ни на что не обращая внимания, бросились к воде. За ними остальные.

Десятки красивых птиц, словно белые хлопья, покрыли поверхность воды. Они погружали в воду свои длинные шеи, разбрасывали тысячи брызг, хлопали крыльями, их радостные крики слышались до самого вечера.

Птицы так обрадовались свободе и так волновались, что даже не притронулись к корму, который им насыпал служитель. Зато на другое утро Никита Иванович не успел наполнить кормушку, как лебеди тотчас её окружили и принялись за еду.

Первый выводок

Выпущенные на пруд лебеди жили очень дружно. Они никогда между собою не ссорились и держались всегда вместе. Но вот Никита Иванович заметил, что пара лебедей-кликунов стала отделяться от стаи. Это были лебедь и лебёдка.

Они плавали немного в стороне, и если к ним приближался другой лебедь, то самец тут же спешил отогнать пришельца. Потом возвращался к своей паре, подолгу кивал перед ней головою, и его трубные крики были теперь наполнены какими-то новыми, нежными звуками.

Скоро лебеди выбрали себе место и начали строить гнездо. Они строили его в самой отдалённой части пруда, около старой, развесистой ивы. Носили туда прутья, упавшие с дерева сухие ветки... Всё это птицы складывали кучей. Потом лебёдка залезла наверх и расправляла клювом.

Когда гнездо было готово, самка снесла пять больших белых яиц и села их насиживать. А самец плавал рядом и зорко следил, чтобы никто не приближался к гнезду. Стоило какой-нибудь птице подплыть чуть ближе, как лебедь, рассекая грудью воду, спешил её прогнать. И горе той птице, которая не успевала вовремя скрыться! Лебедь налетал на неё грудью, бил крыльями и, лишь отогнав, возвращался обратно.

Постепенно крылатые обитатели пруда узнали силу лебединых крыльев и уже избегали плавать мимо его гнезда. А Никита Иванович, чтобы не беспокоить лишней раз птиц, сыпал им корм подальше. Ведь из такой большой партии птиц свила гнездо лишь одна пара. Никита Иванович прилагал все старания, чтобы сохранить гнездо, и с нетерпением ждал появления птенцов.

Птенцы вывелись на тридцать второй день. Они были маленькие, неуклюжие, покрытые серым пушком.

Никите Ивановичу очень хотелось посмотреть их ближе, но лебеди охраняли своих малышей ещё с большей тщательностью, чем гнездо. Спускаясь в воду, мать следила, чтобы птенцы держались рядом, а отец плыл тут же, охраняя покой всего семейства.

Глядя на заботы пернатых родителей, Никита Иванович от всей души радовался за птенцов.

Однако спокойствие служителя было неожиданно нарушено. Из клетки убежала лиса. Событие как будто небольшое, но Никите Ивановичу оно доставило массу забот. Лиса могла забежать на пруд, наткнуться на лебединое семейство и загрызть птенцов.

Никита Иванович совсем потерял покой. Днём он работал, а ночью тихонько, чтобы не слышала жена, вставал, одевался, но каждый раз, когда готов был скрыться за дверь, его останавливал голос жены:

— Не крадись, не крадись! Небось не глухая. Вернись назад!

Но Никиту Ивановича никто не мог остановить. Виновато, как-то боком, проскальзывал он в сени и спешил к пруду. Он обходил всю ту часть Зоопарка, проверял, не спят ли сторожа, и, наказав им лишний раз заглянуть на пруд, возвращался домой.

Прошло несколько дней. За это время никто из сторожей не видел лису. Никита Иванович уже начал успокаиваться, когда однажды, обойдя пруд и возвращаясь домой, он услышал страшный шум. С пруда неслось хлопанье крыльев, лебединые крики и злобное тьяканье лисы. Всё это слышалось со стороны того места, где обычно ночевал лебединый выводок. Никита Иванович сразу догадался, в чём дело, и бросился туда.

Ещё издали, под светом фонаря, увидел он лису. Она прижалась к металлической решётке пруда и, лязгая зубами, старалась отразить нападение лебедя.

— Пошла, пошла прочь! — вне себя на ходу кричал Никита Иванович, спеша на выручку лебедям.

Он подбежал совсем близко, но лиса не убегала. Очевидно, лебедь прижал её к решётке и она не могла уйти. Несколько раз бросалась лиса на лебедя, но, сбитая его крыльями, падала. Наконец, заметив подбежавшего служителя, лиса, уже не обращая внимания на сыпавшиеся удары, бросилась бежать. Никита Иванович перепрыгнул низкую перегородку пруда, и... перед ним лежал на земле распростёртый лебедёнок. Он поднимал головку, пытался встать и не мог. Никита Иванович наклонился и поднял птенца. Но едва успел его сунуть за пазуху, как почувствовал сильный удар в спину. Это, увидев в опасности детёныша, бросились его защищать родители.

Домой Никита Иванович вернулся хромя, весь в синяках и ссадинах. Увидев мужа, Прасковья Васильевна ахнула.

— Да кто ж тебя так изуродовал? — чуть не плача, говорила она, помогая мужу раздеваться.

Но вместо ответа Никита Иванович вынул из-за пазухи лебедёнка и, качая головой, проговорил:

— Ишь как покалечила, проклятая!

Лебедёнка уложили в корзину и прикрыли сверху одеялом, а утром пораньше Никита Иванович понёс его к врачу. У птенца оказался сильно помят бок и сломана правая лапка.

— Что ж, Никита Иванович, придётся его здесь оставить, — сказал врач. — К родителям пускать нельзя. Погибнет.

Но Никита Иванович оставить птенца не решился.

— А нельзя мне его домой взять? — спросил он. — Дома-то к нему и ночью встанешь и днём лишний раз подойдёшь.

Врач согласился. Он хорошо знал старательного служителя, да к тому же Никита Иванович жил на

территории Зоопарка и мог носить на перевязку птенца. Ловко забинтовав сломанную лапку, врач вернул лебедёнка служителю.

Питомец

С этого дня птенец поселился в небольшой квартирке Никиты Ивановича. Назвал Никита Иванович своего питомца Васькой. Очевидно, потому, что до этого у него жил кот Васька, которого он очень любил.

Поместили Ваську-лебедёнка около печки. Там ему отгородили уголок, положили солому и поставили мисочку с водой. Первое время птенец совсем не поднимался. Он всё лежал и не мог встать даже за кормом. Кормил его Никита Иванович из рук. Открывал ему клюв, клал туда мочёный хлеб или кашу и давал с ложечки выпить воды.

Постепенно птенец стал поправляться, а недели через три уже свободно вставал на больную лапку и шёл навстречу Никите Ивановичу.

Хорошо он знал и свою кличку. Стоило кому-нибудь сказать «Васька», как лебедёнок тут же поворачивал голову и смотрел, кто его зовёт. Но лучше всех он знал Никиту Ивановича. Наверно, Васька считал служителя своей матерью и повсюду ходил за ним. Если же Никита Иванович садился обедать, то Васька забирался к нему на колени, лез клювом в тарелку или старался перехватить кусок прямо с вилки.

— Да он скоро тебе в рот залезет! — глядя на такое баловство, сердилась Прасковья Васильевна.

Но Никита Иванович только смеялся, поглаживал своего любимца по голове и просил давать обед похолоднее.

— Ты же всегда горячее любил, — удивлялась жена.

— Мало что любил, а теперь не люблю. Зуб что-то побаливает, — оправдывался Никита Иванович.

Но Прасковья Васильевна догадывалась, что настоящая причина была совсем не в больном зубе, а в том, что Никита Иванович боялся обжечь своего питомца.

Больше месяца жил лебедёнок Васька на квартире у своего воспитателя. У него уже совсем зажила лапка, уже давно с неё снял врач лубок и разрешил его выпустить на пруд, а Никита Иванович всё не решался.

— Пусть ещё поживёт, — говорил он, не желая расставаться со своим любимцем.

Но держать подросшего лебедя в доме с каждым днём становилось всё труднее и труднее. Васька так вырос, что уже не умещался в маленьком тазике, и для купания ему теперь ставили корыто.

А как он радовался купанию! Как только корыто ставили на пол, он уже начинал волноваться, пищал, лез головой в ведро с водой. И не успевал Никита Иванович наполнить корыто водой, как Васька спешил забраться в него. Что тут поднималось, сказать трудно! Во все стороны летели брызги, текли по полу лужи, а подушки и одеяла приходилось потом снимать с постелей и выносить на солнышко просушивать.

— Что, Прасковья Васильевна, опять ваш Васька купался? — спрашивали соседки.

— Не говорите! Никакой мочи с ним нет! Настоящий пруд дома устроил! — отвечала Прасковья Васильевна, развешивая вещи.

Никита Иванович видел сам, что держать птицу дома становится невозможно. И вот, собравшись однажды с духом, он понёс его на пруд.

Пошёл он вместе с женой, потому что ей тоже хотелось посмотреть, как примут их питомца остальные лебеди.

— Небось как увидит своих, вот обрадуется! — говорила Прасковья Васильевна.

И верно, не успели они пустить Ваську на пруд, как он радостно взмахнул крыльями и быстро-быстро поплыл к лебедям. Приняли его лебеди дружелюбно. Они окружили новичка, что-то кричали, кивали головами...

Долго стояли Никита Иванович и Прасковья Васильевна и смотрели на своего воспитанника. Среди старых белоснежных лебедей было легко отличить серое оперение молодого. А как обрадовался он свободе! Как плескался!

— Васька! Васька! — позвал его Никита Иванович.

Но тот даже не обернулся.

— Всегда так: корми, ухаживай, а он уплывёт и не глянет! — вздохнул Никита Иванович и повернулся к дому.

Но не успел он сделать десятка шагов, как его окликнула жена:

— Смотри, Никита, наш-то плывёт!

Никита Иванович обернулся и увидел: прямо на него, отделившись от стаи, плыл Васька. Было видно, как он торопливо перебирает лапами, как беспокойно оглядывается по сторонам и вдруг, заметив Никиту Ивановича, ударил крыльями по воде, выскочил на берег и забился грудью около решётки.

— Ах ты мой родименький! — бросился к птенцу Никита Иванович.

А лебедь, словно испугавшись, что его покинут, жался к хозяину и всё старался запихнуть ему под руку голову.

Крылатый друг

После этого случая Никита Иванович решил приучать лебедя к пруду постепенно. Теперь, отправляясь на работу, Никита Иванович шёл не один: рядом с ним шагал вперевалочку его любимец и воспитанник — лебедь.

Прежде всего они отправлялись к проходной будке. В проходной Никита Иванович брал у сторожа ключи от своего помещения, и так же вместе они шли на хозяйственный двор за кормами.

Там, пока кладовщик отпускал корм, а Никита Иванович его принимал, Васька разгуливал по лабазу. Он интересовался содержанием мешков, ящиков, всюду тянулся своей длинной шеей, всё старался потрогать клювом. Как-то раз он даже ухитрился развязать мешок с коноплей. Конопля рассыпалась, и Никита Иванович вместе с кладовщиком потратили немало времени, чтобы собрать семена.

Но даже за такие проделки никто не сердился на лебедя. Все сотрудники Зоопарка любили Ваську, и при встрече каждый старался его чем-нибудь угостить.

Первое время лебедь держался возле Никиты Ивановича. Если служитель убирал около пруда, он купался, плавал, а если Никита Иванович собирался уходить, спешил за ним.

Постепенно Васька привыкал оставаться без Никиты Ивановича. Он уже не бился о решётку, когда тот уходил и оставлял его на ночь с другими лебедями, а только вытягивал шею и смотрел вслед своему хозяину.

Все удивлялись такой привязанности Васьки. Особенно после того, как он однажды заступился за своего воспитателя.

Случилось это поздней осенью. Васька к этому времени вырос и превратился в большую, сильную птицу. Он по-прежнему хорошо знал Никиту Ивановича и, когда служитель его выпускал, всюду ходил за ним. И вот, когда они однажды шли по дорожке Зоопарка,

Никита Иванович вдруг увидел бегущего ему навстречу годовалого медвежонка. Этот медвежонок был ручной. Его привели в Зоопарк, но он испугался необычной обстановки, вырвался из рук хозяина и убежал.

Зверь мог наделать много бед. Никита Иванович хотел его задержать, но перепуганный ещё больше медвежонок взревел. Он уже готов был броситься на человека, но тут внезапно перед ним появился лебедь. Всей грудью налетела птица на зверя. Медвежонок растерялся, а лебедь, не давая ему опомниться, осыпал его градом ударов. В это время подоспел хозяин. Он взял медвежонка на цепь и ушёл.

После этого случая Никита Иванович ещё больше полюбил своего крылатого друга. Тем же платил своему воспитателю и лебедь. Стоило ему увидеть Никиту Ивановича, как он уже издали приветствовал его громкими криками и, радостно хлопая крыльями, спешил к нему навстречу.

Как зоотехник перехитрил оленей

Как-то в начале лета в Зоопарк привезли пятнистых оленей. Эти стройные, красивые животные были совсем ещё дикие. Ведь их поймали недавно, и они ещё не успели привыкнуть к людям.

Сначала оленей поместили в небольшом деревянном дворике с маленьким сарайчиком. В такое тесное помещение их пустили специально, чтобы они перестали бояться и хоть немного привыкли к человеку.

Служитель, который за ними ухаживал, заходил во дворик осторожно, стараясь не сделать лишнего движения, чтобы не напугать своих питомцев. Осторожно клал в кормушку сено, привязывал к столбу связанные веником свежие ветки, потом сыпал в кормушку нарезанную морковь, свёклу, картошку и так же осторожно уходил.

Первое время олени приближались к кормушке лишь после того, как уходил служитель, но постепенно привыкли к нему и даже перестали шарахаться в сторону, когда он заходил. Теперь уже можно было выпустить оленей в загон. Загон был очень большой. Он весь зарос молодой травкой, а посередине, словно рощица, росли деревья.

Когда открыли ворота дворика, олени вышли не сразу. Первым вышел самый большой самец, очевидно, он был вожаком стада, потому что следом за ним тут же потянулись и остальные. Олени шли настороженно, готовые каждую секунду броситься в сторону. Особенно было заметно, как боялись самки. Они мелко-мелко дрожали и большими испуганными глазами смотрели по сторонам.

Но вот олень-вожак, осторожно ступая, направился к деревьям, а за ним и остальные. Очевидно, эта

маленькая рощица среди ровного и открытого места казалась более надёжным укрытием, потому что, собравшись под деревьями, они провели там весь день. Олени, робко оглядываясь по сторонам, вышли лишь после того, как закрылся Зоопарк и ушли все посетители.

Прошло несколько дней. Олени по-прежнему боялись людей и по-прежнему не подходили к решётке, хотя всё же стали вести себя смелее. Лишь иногда, вдруг чего-то испугавшись, лёгкими прыжками проносились через загон к своей рощице и будто замирали среди деревьев. Их тревожило всё, и поэтому около загона постоянно находился дежурный. Он следил, чтобы кто-нибудь из посетителей не напугал оленей, ведь они могли разбиться о решётку.

Дежурный следил очень внимательно, и всё же такая беда случилась. Кто-то пронзительно свистнул. Всё стадо бросилось к деревьям, а одна оленуха в диком испуге ринулась к решётке. Удар! Не чувствуя боли, с содранной по всей груди кожей она кинулась к

стаду. Оленуха встала среди своих собратьев, вся дрожа и даже не замечая крови, которая капала на зелёную траву.

Прибежал зоотехник. Пришёл врач. Издали, насколько это было возможно, разглядели оленуху. По всем признакам рана была неопасна, но нужно было как можно скорее её смазать. Стояли жаркие дни, и мухи липли к ране. Но как же смазать её? Как подойти к дикому оленю? Ловить оленуху — значит разбить других. Выход был один: заманить всех оленей снова во дворик, потом остальных выпустить, а больную оставить. Начали с того, что опять поставили им во дворике кормушки, потом туда перенесли и поилку. Пожалуй, последнее помогло больше всего. Олени уже не держались около привычных деревьев, а переместились ближе к открытым воротам дворика, где заманчиво поблёскивала в чистой поёнке вода, а в кормушках была разложена еда. К тому же дорожку вокруг той части загона, где был дворик, закрыли, чтобы никто не мог побеспокоить оленей.

Олени зашли во дворик уже на второй день. Как только они зашли, зоотехник дёрнул верёвку, и ворота захлопнулись.

Сначала, как и хотели, попытались отделить больную оленуху, а остальных выпустить. Но от этого пришлось сразу же отказаться, потому что испуганная оленуха пыталась вырваться из дворика первой. Тогда решили оставить всё стадо.

Врач принёс мазь. Однако и закрытые в тесном дворике олени не давали к себе подойти. Особенно раненая оленуха. Она тут же пряталась за остальными оленями и не давала до себя даже дотронуться. А медлить дальше было нельзя. Рана уже потемнела и очень мучила животное.

Тогда пришло решение: постараться загнать оленуху в сарай. Там, в тесном помещении, смазать её

будет легче. Но получилось так, что в сарай вместе с раненой оленухой заскочило ещё несколько оленей. Они по-прежнему шарахались в сторону от человека, и зоотехник ничего не мог сделать. Однако он заметил, что, когда в сарай через небольшое оконце проникает в помещение свет, олени боятся больше, а к вечеру, когда в помещении становится темнее, они более беспомощны. Опытный зоотехник сразу догадался, что нужно сделать. Он вышел и так плотно занавесил халатом окно, что туда больше не проникал даже самый маленький лучик света. В этот день запертым в темноте оленям ничего не дали есть, а к вечеру зоотехник, обвесив себя со всех сторон свежими ветками, так что стал похож на куст, взял мазь и вошёл в помещение.

Там было так темно, что только по движению оленей он мог определить, что они делают. Сперва они сбились в кучу и фыркали, но «куст» стоял спокойно, не шевелясь. Потом олени, шумно дыша, топали совсем рядом, потом один из них робко оторвал листок с ветки. Дальше уже пошло, как это было нужно. Олени с жадностью объедали с «куста» ветки. Забыв осторожность, они так теснились вокруг зоотехника, что даже не обратили внимания, как он гладил их спины, бока... как нащупал раненую оленуху и, уже не упуская, смазал ей разбитую грудь, шею, а потом ещё долго, поглаживая, втирал мазь.

Через несколько дней такого лечения рана начала постепенно затягиваться, и больная оленуха стала быстро поправляться. Скоро её опять выпустили в загон. Рана затянулась, покрылась шерстью, и о ней напоминала лишь маленькая лысинка на груди.

Медвежонок

Этого медвежонок назвали Копушей, потому что она вечно копалась: последней выходила на прогулку, последней съедала свой обед. Братец Копуши, Дранный Нос, самый задорный и злой медвежонок, уже успевал подраться с другими медвежатами, сестра Лизунья — облизать свои и чужие миски, а Копуша всё копалась и копалась...

Из всех медвежат Копуша была одна такая спокойная, добрая. Ей можно было без опаски дать в рот палец, отобрать корм. Не то что Дранный Нос. Тому не дашь палец. Подойдёт, полижет и вдруг вцепится, да так, что не оторвёшь. Он и к другим медвежатам всегда приставал. Слабый, а в драку лезет. Недаром с вечно драным носом ходил, оттого его так и прозвали.

Копуша была общей любимицей. Она и играла как-то по-особенному: медленно, важно. Бывало, перевернётся через голову, а потом сядет и смотрит: в чём дело, почему дерево с другой стороны очутилось?

Всех больше она дружила с самой молодой юннаткой — Маней, потому что на Маниных платьях было много пуговиц, а Копуша их любила сосать. Сосать — это любимое занятие медвежат, а Копуши — особенно. Сосала она всё, что попало. Была ли это собственная лапа, пуговица или ухо соседа — всё равно. От удовольствия она только жмурила глаза и урчала. Вообще Копуша была очень смиренная. Такие медвежата встречаются редко. Обычно они бывают очень вспыльчивые, чуть что — кусаются, а она никогда.

Поэтому, когда меня пригласили в детский сад на утренник с каким-нибудь животным, чтобы рассказать о его жизни, я, не задумываясь, остановилась на Копуше.

В гостях у ребят

Приехала за нами машина с утра. Я попросила шофёра подождать и отправилась за Копушей. Копуша любила гулять. Она легко дала надеть цепь, радостно потянула меня из клетки и, неуклюже приشلёпывая лапами, побежала вперёд. Но вот подошли к машине. Машина стояла чёрная, незнакомая, страшная и была совсем не похожа на тех зверей, которых видела Копуша. Она очень испугалась. Поднялась во весь свой маленький рост, глазёнки сделались круглые, губы вытянулись в трубочку, и так стояла не шевелясь. Потом вдруг испуганно повернулась и бросилась бежать. Удержала я её с трудом... Держала крепко, не давала уйти, и Копуша испугалась ещё больше. Откуда взялась и силёнка! Она упиралась всеми четырьмя лапами, хваталась за все предметы и так кричала, что со всего Зоопарка сбежались люди. Пришлось сажать её в ящик и потом уже ставить в машину.

Всю дорогу кричала, стонала и царапалась Копуша. Успокоилась только около детского сада. Я была очень рада, потому что хотела сделать ребятам сюрприз, а она своим криком могла всё испортить,

Копушу поместили в одной из комнат, а я пошла в столовую к ребятам. Несмотря на тайну, они, наверно, кое-что знали: нетерпеливо вертелись на стульях, поглядывали украдкой на дверь и таинственно шептались. И всё-таки, когда Копушу привели, раздалось общее «ах», потом: «Мишка, на!», и всё, что было на столе, очутилось перед ним.

Нужно ли говорить о том, что уж тут Копуша не испугалась. Она быстро оценила вкус яблок, конфет и печенья. Выбирала то одно, то другое, слизывала самое вкусное. Скоро её брюшко стало похоже на барабан, она едва ходила и смотрела посоловевшими глазками.

Ребята были в восторге. Они не знали, что делать. Ходили за Копушей по пятам, наперебой ласкали и всё

упрашивали ещё скушать хоть кусочек.

Уехали мы очень поздно.

Ребята провожали Копушу, просили привозить её ещё, совали на дорогу сладостей. Обратную дорогу она вела себя тише — не кричала, не царапалась. Чтобы не вести её на цепи, мы подъехали прямо к клетке. Вытащили из машины ящик, открыли и... ахнули. Посадили туда медвежонка, а вылез кондитерский магазин. Вся морда и голова Копуши были вымазаны кремом. Прилипли к шерсти кусочки печенья, из мягкой шерсти торчали конфеты, а во рту она держала большое яблоко. В таком виде её не узнали даже медвежата.

Как только Копуша вылезла, все двадцать пять медвежат, словно по команде, очутились на самой верхушке дерева. Зато что было, когда они её узнали и спустились вниз! Бедная Копуша! Она не знала, куда деваться. Вся медвежья стая преследовала её по пятам, вырывала с шерстью прилипшие конфеты, отняли яблоко, а Дранный Нос чуть не откусил ей вместе с кремом ухо.

В этот день медвежата улеглись очень поздно. Они крепко спали, а Копуша, вся ободранная и обсосанная, ещё долго ворочалась с боку на бок и обиженно стонала.

Неудавшаяся съёмка

В Зоопарке снимали картину, называлась она «Насекомые». Играли в ней разные букашки, бабочки, жуки. Копуша играла тоже. Роль её была небольшая: залезть на дерево, открыть улей, достать мёд. Чтобы во время съёмки не вышло ошибки, решили её приучить. Для первого раза поставили улей на землю, положили в него мёд и пригласили Копушу. Копуша подошла

недоверчиво. Вещь незнакомая, страшно: вдруг что выскочит, укусит, а Копуша была труслива. Долго ходила она вокруг улья: то понюхает его, то потрогает; потом увидела, что страшного ничего нет, стала на задние лапы и полезла в отверстие носом. Нос потянул воздух и сказал, что пахнет вкусным.

Копуша заволновалась. Вкусное надо достать. Она попробовала сунуть туда голову, но голова была большая и не влезала. Напрасно Копуша старалась её втиснуть и поворачивала то одной, то другой стороной — ничего не выходило. Тогда она сунула лапу. Лапа прошла свободно. Копуша открыла улей, достала мёд... Конечно, он пришёлся ей по вкусу. Она облизала языком всё-всё, даже доски. Потом легла и, урча, засосала лапу.

В следующий раз мы подвесили улей на дерево. Я залезала с другой стороны по лестнице, клала мёд и звала «артистку». «Артистка» кубарем катилась к

дереву, быстро влезала и делала своё дело. Эти занятия ей так понравились, что она даже лазила, когда не нужно. Впрочем, это продолжалось недолго.

Недаром Копуша считалась у нас умницей. Скоро она заметила, что мёд бывает там только тогда, когда влезает я, и после этого открытия стала зорко следить за мной. Не было возможности залезть незаметно на дерево. Как только я появлялась на площадке, Копуша бросалась ко мне. Я — к дереву, она — за мной. Неуклюжая, а бегала быстро, нипочём не уйдёшь. Поймает за ноги, тащит, кричит, а не дашь мёда — ещё укусит. Однажды целую банку отняла, всё съела и даже не моргнула.

«Ну, — думаю я, — на тебя не напасёшься, буду лучше в клетку запираю и выпускаю, когда всё приготовлю». Так и сделала. Копуше это не понравилось. Чего она только не вытворяла! Кричала, рвала сетку, потом смешно складывала лапки и просила её выпустить.

От такой «артистки» режиссёр был в восторге. Ему не терпелось её скорее заснять.

Но вот наконец наступил долгожданный день съёмки, с утра светило солнышко, а мы волновались, торопились, готовились. Внутри улья уже находились посаженные туда заранее пчёлы, а режиссёр ещё раз проверил, всё ли на месте. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал: Копуша скинула лапой крючок, открыла дверь и вышла.

Какой поднялся переполох, сказать трудно! Все до одного бросились наперерез «артистке». Каждый старался её схватить, задержать. Но, с невиданной для медведя ловкостью увёртываясь от ловивших её рук, Копуша всё-таки вскарабкалась на дерево. Она так спешила, что не заметила маленьких точек, которые злое лезли вокруг.

Привычным движением просунула она в отверстие лапу, и тут... тут вылетела чёрная гудящая масса и окружила Копушу. Сначала она пробовала бороться с пчёлами. Била их то одной, то другой лапой, закрывала морду. Но пчёлы лезли в нос, в уши, в глаза, забивались в шерсть и так кусались, что Копуша даже забыла про мёд. Кубарем скатилась она с дерева, валялась по земле, кричала, потом вскочила и без оглядки помчалась в клетку.

Одним словом, она сделала всё, что было нужно, но заснять её не успели. Заставить же ещё раз лезть на дерево не могли. Не помогла и банка с мёдом. А утром, вся распухшая от укусов, больная и скучная, она отказывалась и от пищи.

Этим и кончился неудавшийся Копуше номер с покражей мёда и её карьера «артистки».

Гнездо 13

Сначала все волнистые попугайчики находились в большой, просторной клетке. Их было очень много и самого разного цвета — голубые, зелёные, жёлтые...

Целые дни они весело щебетали, летали по клетке. Если же волнистые попугайчики сидели на жёрдочках, то, глядя на них, можно было подумать, что это волшебное дерево, украшенное живыми разноцветными листочками. Эти листочки то перепархивали с места на место, то, чем-нибудь испуганные, беспорядочно поднимались вверх и так же беспорядочно опять садились на ветви.

Но вот наступил февраль, и птички начали разбиваться на пары. Тогда тётя Нюша, которая ухаживала за птицами, взяла сачок, сплетённый из толстых, крепких ниток, и стала рассаживать попугайчиков по цвету. Это была очень тяжёлая и кропотливая работа. Нужно было поймать птичку так аккуратно, чтобы не повредить её пёрышек; посмотреть, какого она цвета, и если зелёного, то пустить к зелёным попугайчикам, если жёлтого — к жёлтым, голубого — к голубым.

Тетя Нюша это делала много лет подряд. Никто, кроме неё, не мог так ловко взмахнуть сачком и, не давая пойманной птичке биться и ломать пёрышки, быстро пересадить в нужную клетку.

Закончив работу, тётя Нюша вдруг заметила в клетке голубых попугайчиков невзрачную бледно-голубую самочку.

— И как же я проглядела такую некрасивую? — разволновалась тётя Нюша.

Конечно, птичку можно было тут же поймать и отсадить, но тётя Нюше не хотелось лишней раз

тревожить попугайчиков.

— Ладно уж, пусть остаётся, — махнула она рукой и стала развешивать в клетках домики.

Домики были деревянные, похожие на маленькие скворечники.

Их привезли очень много, потому что в каждую клетку надо было повесить столько, сколько там находилось пар птиц.

Вот и сейчас в клетке, где сидели зелёные попугайчики, тётя Ньюша повесила пятьдесят четыре домика. Это значило, что здесь пятьдесят четыре пары и каждой паре полагается свой отдельный домик, да ещё с номером, чтобы легче было записывать, в каком гнезде что делается.

Не успела тётя Ньюша кончить работу, как каждая парочка поспешно стала выбирать себе помещение. Через несколько дней все гнёзда были заняты, и только номер 13 почему-то остался пустым.

Тётя Ньюша никак не могла понять, почему так получилось. Сначала она подумала, что этот домик неудобен или в нём слишком мал леток. Тётя Ньюша

подставила лесенку и полезла проверить. Но нет, отверстие было гладкое, круглое, нужного размера и внутри ровным слоем лежала подстилка. Одним словом, всё в порядке, а птички почему-то в нём не поселились, Но всё же, чтобы выяснить причину, служительница стала следить за ним.

Сначала тётя Нюша ничего не замечала, потом увидела, что один из зелёных попугайчиков всё время сидит отдельно. Этот попугайчик легко отличался от других. Все уже давно разбились на пары, а он держался один. Пёрышки у него были взъерошены, выглядел он скучным и плохо ел.

Тётя Нюша подумала, что попугайчик болен. Однако не болезнь оказалась причиной такого поведения птички. Однажды, когда попугайчик, взъерошенный и скучный, сидел на жёрдочке, с другой стороны сетки к нему подлетела та самая невзрачная голубая самочка, которая так не понравилась тёте Нюше.

Заметив самочку, зелёный попугайчик сразу встрепелся, повеселел и всё старался к ней просунуть сквозь сетку голову.

Так, значит, вот кто был виновник болезни попугайчика! Очевидно, ещё находясь в общей клетке, они подружились, а теперь, оставшись друг без друга, скучали.

Тёте Нюше стало жаль птичку. И хотя этого не полагалось делать, она всё же отловила некрасивую бледно-голубую самочку и пустила в клетку к зелёному попугайчику.

На следующее утро гнездо под номером 13 уже не пустовало. Около него на жёрдочке сидели два попугайчика: один зелёный, другой бледно-голубой. Они весело щебетали и заботливо чистили друг другу пёрышки. А через несколько дней самочка снесла маленькие нежно-розовые яички и села их насиживать.

Она сидела и днём и ночью и даже не слетала за едой. Кормил свою подружку зелёный попугайчик, кормил прямо изо рта, как птенчика, а если самочке хотелось полетать, он сменял её и садился греть яйца.

Так прошло семнадцать дней. Во всех гнёздышках вывелись птенцы, вывелись и у бледно-голубой самочки. Птенцы лежали на подстилке, маленькие, покрытые беловатым пушком, с огромными клювами, а оба родителя целые дни таскали им еду.

Теперь тётя Ньюша давала всем попугайчикам, кроме семян, как можно больше мягкого корма. Она мелко-мелко рубила сваренные вкрутую яйца, добавляла каши и ставила в мисочках намоченный в молоке хлеб. Всё это она делала для того, чтобы облегчить птичкам кормление птенцов.

Да и на работу тётя Ньюша приходила теперь раньше положенного времени. Войдя в помещение, она надевала белый халат и торопилась обойти клетки, чтобы убедиться, всё ли в порядке. Потом уже убирала помещение, готовила корм и несла его птицам.

Но вот однажды во время обхода тётя Ньюша вдруг увидела в клетке попугайчиков птенцов. Они лежали на полу под гнездом номер 13. Под тем самым, которое так долго пустовало и в котором потом поселилась голубая невзрачная самочка.

— Ах ты негодница! Выбросила да ещё сидит как ни в чём не бывало! — гневно закричала тётя Ньюша и, что с ней редко случалось, замахнулась на сидевшую около гнезда птичку.

Потом осторожно подняла птенцов и положила их обратно в гнездо.

— Попробуй только выкинь ещё раз! — пригрозила она отлетевшей в сторону самочке.

Затем взяла дневник и подробно записала всё случившееся.

После этого происшествия тётя Ньюша стала вести за гнездом номер 13 особое наблюдение. Кто знает, ведь всегда может случиться, что эта самка выбросит своих птенцов ещё раз.

Однако опасения служительницы оказались напрасными. Оба попугайчика так старательно ухаживали за птенцами, словно ничего не случилось. Особенно старалась голубая самочка. С утра до вечера летала она от кормушки к гнезду. Целый день носила птенцам корм и даже не всегда успевала поесть сама.

— Ишь как старается! Сама бы не захудала, — беспокоилась тётя Ньюша и хотя ещё продолжала сердиться на голубенькую самочку, но всё же пододвинула столик с кормом поближе к гнезду, чтобы сократить птичке расстояние.

Вообще тётя Ньюша очень любила своих крылатых питомцев и очень за них волновалась. Особенно когда приближалось время первого вылета птенцов из гнезда. Ещё бы: в этот день она подводила итог своей кропотливой работы. Ведь от того, насколько хорошо она ухаживала за птенцами, зависело и состояние выводков. Поэтому на тридцать пятый день, когда должны были вылетать птенцы из домика номер 13, тётя Ньюша беспокоилась особенно сильно. С самого утра не отходила она от клетки, даже не пошла обедать, а птенцы всё ещё не показывались.

— Неужели слабые? — волновалась тётя Ньюша.

Она уже хотела зайти в клетку и посмотреть, что делается в злополучном гнезде, как вдруг оттуда показался первый птенец.

Легко и свободно выпорхнул он из домика и уселся возле родителей на жёрдочке. Следом за ним последовали ещё. «Два... три... — записывала тётя Ньюша в тетрадку. — Ещё четыре... — поправила она предыдущую цифру. — Подумать только, семь птенцов! И надо же такую ораву выкормить!»

Но тут, к её удивлению, из гнезда вылетело ещё несколько птенцов. «Восемь... десять... одиннадцать!» — быстро сосчитала тётя Ньюша. Одиннадцать!.. Такого огромного выводка тётя Ньюша не видела за всю свою долголетнюю работу.

Она даже не записала последнюю цифру и побежала к заведующей.

Когда тётя Ньюша вместе с заведующей вернулась в попугайник, то на жёрдочке около гнезда сидели уже не одиннадцать, а двенадцать птенцов. Они сидели все в рядок и весело щебетали.

Увидев такую большую семью, заведующая удивилась тоже.

— А не ошиблись ли вы, тётя Ньюша? — опросила она. — Может быть, это из другого гнезда вылетели, а вы спутали?

— Что вы, Анна Васильевна! — рассердилась тётя Ньюша. — Да я своими глазами видела, из какого летка вылетали. Я за этим гнездом специально наблюдала. У меня всё записано: и как кормила и как птенцов выкидывала.

— Птенцов выкидывала? — переспросила Анна Васильевна. — Странно. А ну-ка, покажите дневник. Не может быть, чтобы одна пара столько вывела.

Тётя Ньюша принесла толстую тетрадь и подала заведующей.

Анна Васильевна открыла дневник и долго, внимательно смотрела записи. Она нашла и ту, где было написано, как тётя Ньюша обнаружила на полу птенцов и как она положила их обратно в гнездо.

— Где же лежали птенцы? — переспросила Анна Васильевна.

— Да вот здесь, под самым домиком, — показала тётя Ньюша. — Вот отсюда я их и взяла.

Она даже нагнулась над тем самым местом, как будто там и сейчас лежали птенцы. Потом выпрямилась

и... прямо перед собой увидела домик с номером 12, а номер 13 висел чуть-чуть в стороне.

— Ну, вот видите, — засмеялась Анна Васильевна, — птенцы-то, оказывается, из двенадцатого гнезда, а вы их в тринадцатое положили.

Тётя Нюша даже остолбенела. Потом бросилась за лесенкой, подставила её к номеру 12 и быстро поднялась по ступенькам. Так и есть: гнездо пустое. Значит, вот откуда выкинули родители своих птенцов! А она, тётя Нюша, сунула их в соседний домик, да ещё так ругала маленькую голубую самочку.

Тётя Нюша даже невольно протянула руку, чтобы погладить птичку, но та не поняла её движения. Она тревожно заметалась около своих двенадцати птенцов и всё старалась их загородить. Когда же тётя Нюша вышла из клетки, голубая самочка сразу успокоилась. Она уселась рядом со своими птенцами, из которых шесть было зелёных, а шесть ярко-ярко-голубых, и стала чистить свои бледные, невзрачные пёрышки. Но теперь эта невзрачная с виду птичка показалась тёте Нюше такой красивой, что она не выдержала, обернулась к заведующей и, показывая на птичку, сказала:

— И как только я не заметила, что она такая красивая!

И Анна Васильевна с ней согласилась.

Белла

В Зоопарк привезли большую партию обезьян. Здесь были вертлявые мартышки, длиннохвостые капуцины, похожие на собак гамадрилы и две шимпанзе — Бера и Белла.

Бера ничем особенным не отличалась от тех шимпанзе, которые до этого жили в Зоопарке, зато Белла была на редкость крупная, мускулистая, с широкими, могучими плечами и необыкновенно внимательным взглядом небольших карих глаз. Она невольно привлекала к себе внимание.

Когда Беллу впустили в клетку, она, довольно похрюкивая, сразу направилась к трапеции. Схватила её своими длинными сильными руками и, раскачавшись, словно акробат, ловко перепрыгнула на другую трапецию. Сделав несколько таких прыжков, Белла соскочила на пол, не торопясь подошла к решётке и стала следить за тем, что делает служительница.

Вообще Белле очень нравилось следить за тем, что делалось в помещении. Особенно её внимание привлекали ключи. Стоило служительнице положить их на стол, как Белла тут же старалась достать рукой. Заметив это, служительница стала класть ключи подальше, чтобы обезьяна не могла их достать. И всё-таки такая беда случилась.

Однажды служительница пошла на кухню за кормами. Закрывая за собой дверь, она не заметила, как упала щётка. Не успела щётка стукнуться об пол, как в одну минуту очутилась около решётки Белла.

Совсем немного времени потребовалось ей, чтобы просунуть сквозь железные прутья руку и достать щётку. Потом Белла подтащила ею ключи, схватила их и стала отпирать клетку. Правда, открывать замок, когда

он висит с наружной стороны дверцы, не совсем удобно, однако ловкие руки обезьяны отлично справились с этой задачей.

Очутившись на свободе, Белла первым делом обследовала помещение. Она заглянула во все кастрюли, попробовала их содержимое; то, что ей не нравилось, она тут же выливала на пол, а то, что приходилось по вкусу, выбирала руками и ела. Наевшись, Белла открыла наружную дверь помещения и спокойно вышла.

Появление обезьяны на дорожках Зоопарка было замечено сразу. Она даже не успела отойти от помещения, как её окружили посетители, потом прибежал дежурный комендант, зоотехник, служители...

Увидев около себя столько народу, Белла резко изменила своё поведение. Шерсть у неё на плечах и на загривке поднялась дыбом. Она оскалила зубы и, визжа, стала угрожающе приплясывать. В это время принесли сачок и большую верёвочную сеть.

Несколько человек подняли сеть и хотели накрыть ею беглянку. Но Белла неожиданно бросилась под ноги окружающих её людей и в одно мгновение взобралась на дерево.

Напрасно манили оттуда обезьяну конфетами, яблоками, бананами. Она даже не смотрела на лакомства и продолжала сидеть на дереве, по-видимому совсем не собираясь покинуть своё убежище.

Пришлось вызывать пожарную команду. Это, пожалуй, был единственный случай такого странного вызова.

Приехала машина. Пожарные быстро протянули рукав, потом один из них взял брандспойт и направил его на обезьяну. Струя холодной воды обдала Беллу. Она закричала и, закрывая рукой голову, стала быстро слезать с дерева.

Все думали, что обезьяна побежит обратно в своё помещение, но получилось совсем не так. Очевидно, Белла ещё на дереве приглядела себе другой путь спасения. Проскочив через оставленный ей к дверям обезьянника проход, она вдруг неожиданно свернула в сторону и, прежде чем кто-либо успел преградить ей путь, перескочила через забор и по водосточной трубе полезла на пятиэтажное здание соседней школы.

Взобравшись на крышу, Белла сразу успокоилась. Она разгуливала по самому краю крыши и с любопытством глядела на то, что делалось внизу. Теперь её взять было гораздо труднее, и она, по-видимому, прекрасно это чувствовала. Действительно, поймать огромную, сильную обезьяну на крыше

пятиэтажного здания было не только трудно, но и рискованно.

Полез за ней старший зоотехник. Он давно работал в Зоопарке и хорошо знал повадки животных. Оставив своих помощников на чердаке, чтобы зря не беспокоить обезьяну, он смело вышел к ней на крышу. Этот зоотехник одно время присматривал за обезьянами и рассчитывал, что она его узнает и не тронет. И он не ошибся. Увидев зоотехника, Белла его сразу узнала. Ласково похрюкивая, подбежала она к нему, схватила за руку и стала тащить к водосточной трубе, как бы приглашая спуститься вместе с ней. По-видимому, ей уже надоело находиться тут, да к тому же она была мокрая и заметно дрожала от холода.

Чтобы обезьяна не простудилась, зоотехник снял с себя пиджак и надел его на Беллу. Белла тут же вывернула карманы, всё из них вытащила, но пиджак не сняла. Потом она опять схватила зоотехника за руку и теперь уже сама никуда его от себя не отпускала.

Несколько раз люди пробовали выйти с чердака и окружить обезьяну. Но каждый раз, едва они показывались, Белла приходила в страшное возбуждение. Сразу бросалась к самому краю крыши и тащила с собой зоотехника.

Положение создавалось довольно затруднительное — не оставаться же с нею на всю ночь на крыше пятиэтажного дома!

Пришлось идти на риск. К стене дома была приделана большая пожарная лестница. Вот по ней-то и решил спуститься зоотехник. С такой спутницей, как обезьяна, это делать было очень рискованно. Никто не знал, как будет себя вести Белла. Она могла толкнуть человека, а сорваться с такой высоты совсем не трудно.

Когда зоотехник сделал первый шаг к лестнице, все замерли. Кто-то вскрикнул, но тут же замолчал. Внизу

быстро растянули на всякий случай сеть, и сотни глаз с напряжением следили за тем, что происходило наверху.

Вот зоотехник подошёл к самому краю крыши, держа за руку обезьяну, и осторожно поставил ногу на перекладину. Вот он спустился на следующую. Белла отпустила его руку и вдруг пронзительно завизжала. Толпа вздрогнула. Зоотехник перестал спускаться и ласково позвал обезьяну. Так же внезапно успокоившись, она послушно полезла вслед за человеком.

На высоте четвёртого этажа в школе оказалось открытым одно окно. Воспользовавшись этим, зоотехник по перекладине перебрался сначала на подоконник, а потом и в класс. Следом за ним перелезла и его четверорукая спутница. К счастью, в школе была перемена и класс был пустой.

Быстро заперев окна и дверь, зоотехник предупредил, чтобы никто не заходил в класс, а сам остался с Беллой.

Очувтившись в большой, просторной комнате с партами, Белла ими очень заинтересовалась. Она стала поднимать крышки, вытаскивать портфели, ранцы, книги... Зоотехник хотел остановить Беллу, но она начала носиться по партам, хлопать крышками и подняла такой шум, что пришлось её оставить в покое.

Неизвестно, какой бы беспорядок натворила в классе обезьяна, но вдруг ей попался кусочек мела. Очевидно, Белла умела с ним обращаться, потому что взяла его в руки и что-то стала рисовать.

Пока она занималась «рисованием», принесли перегонную клетку. Белла взвизгнула, бросилась назад, но, увидев, что уйти некуда, спокойно вошла сама.

А через тридцать минут беглянка уже сидела в своей клетке и с аппетитом ела виноград.

Живой подарок

Дед Назар возвращался из города дорогой через лес, как вдруг какой-то маленький серенький зверёк выскочил из-под самых ног деда и скрылся в кустах.

Раздвинул дед кусты и видит: прямо перед ним притаился маленький лисёнок. «Вот так находка!» — подумал дед, сорвал с головы шапку и накрыл лисёнка. Всю обратную дорогу дед думал о том, как принесёт лисёнка домой, как обрадуются ему внучата...

Дома внучата ждали дедушку с подарком, да только не с таким. Едва дед успел войти в избу, как его окружили ребята и, узнав, что он принёс лисёнка, совсем затормошили. Прыгают, кричат:

— Покажи, дедушка, лисёнка! Покажи!

Дедушка неторопливо вынул лисёнка из сумки и пустил на пол. Но ребята даже разглядеть его не успели — лисёнок метнулся в одну сторону, в другую и скрылся под печку. Чего только не делали ребята, чтобы выманить его оттуда! Предлагали ему мясо, молоко — ничто не помогало!

Пришлось ребятам лечь спать, не разглядев как следует подарка.

Вылез лисёнок ночью, когда все уснули. Долго искал он выхода из избы, царапал лапками дверь, пробовал грызть её зубами. Потом сел посередине комнаты, поднял голову и жалобно затывкали.

— Вишь, неугомонный! — ворчал дед,

А лисёнок всю ночь кричал и звал свою мать. Утром, когда все встали, лисёнок опять залез под печь.

Сперва лисёнок всех дичился. Вылезал только ночью и пугался всякого шороха. Потом осмелел, а однажды даже вылез днём, когда все были дома. В это время ребята сидели за столом и обедали. Когда увидели они

лисёнка, все словно замерли. Сидели тихо-тихо. А лисёнок подбежал совсем близко к столу и остановился. Маленький, пушистый, такой серенький, с белым кончиком на хвосте, он был совсем не похож на ту большую рыжую лису, которую они привыкли видеть на картинках.

Осторожно, чтобы не испугать трусишку, кинули ему ребята кусочек мяса. Лисёнок жадно его схватил и скрылся под печкой. С этого дня он стал всё чаще и чаще вылезать из своего убежища. Перестал бояться людей и даже скучал, если все уходило из комнаты.

Назвали его «Лисок». Целые дни теперь проводил Лисок с детьми. Спал с ними, бегал, играл. Привяжут ребята на ниточку бумажку и водят перед зверьком, а он спрячется, потом неожиданно выскочит и старается поймать бумажку.

Брали Лиска дети с собой и на прогулку. Несли его на руках или привязывали на верёвочку, и Лисок бежал за ними, как собака. Без привязи лисёнка пускать боялись. Как-то раз на одну минутку выпустили и то чуть не потеряли. Трава в том месте росла густая, высокая — нырнул в неё Лисок и пропал. Целый час искали и звали его ребята, насилу нашли.

Всех своих Лисок знал хорошо. Бывало, увидит ребят и сразу к ним бежит — визжит, ласкается, хвостом виляет, подползает к ногам, на спину перевернётся и ждёт, когда его погладят.

Лисок становится взрослым

Рос Лисок очень заметно. Через два месяца заострилась мордочка, вытянулся хвост, а серый пушок сменился огненно-рыжей шерсткой.

Настоящий красавец лис!

Зато в избе его стало держать невозможно. Лисок прыгал на стол, стулья, везде лазил, всё таскал. Ничего оставить нельзя: то в шкаф влезет — сливки слижет, то мясо из супа вытащит. Всё съест, а что останется — в дедову постель спрячет.

Да и прятал-то как! Разроет лапами подушку, одеяло, положит мясо и закопать старается. Сколько раз попадало за это Лиску! Поймает его дед, надерёт уши и начнёт выговаривать:

— Ах ты поганец рыжий! Вот спущу с тебя шкурку на воротник, будешь знать!

Он всегда так Лиску грозился, а сам старался ему что-нибудь сунуть вкусное.

Впрочем Лисок и так голодным не оставался. Не успеют за стол сесть, а он тут как тут. Зубами за платье дёргает — попробуй не дай ему! Разве утерпишь?

Вообще Лиска любили и баловали. Один дед Назар ворчал на него. Уж очень много хлопот стало, и что делать с лисёнком — не знает: расстаться жалко, привыкли, и в хозяйстве держать его трудно — как выскочит Лисок ночью из избы, сразу по курятникам шарить начнёт. Все щели, куда пролезть, где вылезть, знал.

Из-за него дед Назар со всеми соседями перессорился. Одних денег за чужих кур переплатил сколько! И решил он отвезти лисёнка в Москву. Может быть, купит кто лисицу ручную. Однако это сделать оказалось не просто: как узнали ребята, что их любимца продать хотят, такой плач подняли, хоть из дому беги.

Ребята плачут, а Лисок около них увивается, хвостом пушистым виляет, а сам так умильно в лицо заглядывает, словно утешить хочет.

И всё-таки пришлось с ним расстаться. Как-то вечером удрал из дому Лисок. Не возвращался он всю ночь. А утром дед Назар открыл дверь да так и обмер: перед самым крыльцом аккуратнo, головками к двери,

лежали одиннадцать задушенных кур, а рядом сидел довольный своей ночной охотой Лисок. Дед Назар даже не успел подумать, что делать, как стали появляться пострадавшие соседи.

Нужно ли говорить о том, сколько было шуму и крику! Грозилась даже в суд на деда подать, если не уберёт из деревни лисицу.

В этот же день дед Назар ехал поездом в Москву, а рядом с ним стояла корзина с лисой.

На новом месте

В Москве дед Назар долго ходил по рынку и никак не мог найти место, где ему остановиться с лисой.

В мясном отделе нельзя — туда пропускали только с мясом, а не мог же он там стоять с живой лисой. В молочном ряду тоже неудобно — всё-таки молоком, а не лисами торгуют. Постоял дед, подумал и решил стать около входа, где торговали овощами.

Не успел дед Назар открыть корзину, как его окружила толпа. Всем было интересно посмотреть живую лисицу. А дед Назар брал её на руки, разглаживал пушистую шерсть и даже надевал лису на шею, чтобы виднее было, какая она красивая и ручная.

Но охотников купить живую лису не было. Все её хвалили, ласкали, но купить не решались.

Дед Назар уже собрался ехать домой, как вдруг к нему подошла какая-то женщина.

Долго и внимательно разглядывала она Лиска, потрогала пушистую шкурку и спросила деда, сколько просит он за лису.

Дед Назар так обрадовался покупательнице, что дорого запрашивать не стал и отдал лису за полцены, как она была — с ошейником и цепочкой.

Мария Ивановна, так звали новую хозяйку Лиска, была очень рада своей покупке. Она хотела сделать подарок своей приятельнице к именинам и никак не могла придумать, что купить. Правда, подарок, который она купила, был живой, но зато интересней тех, которые она видела в магазинах.

И вот с живой покупкой на цепочке отправилась Мария Ивановна домой.

По дороге за ней бежали ребята, а прохожие останавливались и с удивлением смотрели ей вслед. Но Мария Ивановна ни на кого не обращала внимания. Она быстро дошла до дому, отперла дверь и тихонько, чтобы не услышали соседи, прошла в свою комнату.

Дома Мария Ивановна накормила лису, а потом не удержалась, повязала ей шею большим голубым бантом, поднесла к зеркалу и долго, внимательно разглядывала: выходило очень красиво.

На другой день Мария Ивановна встала позднее, чем обычно. Она так спешила на работу, что забыла накормить лису.

На работе она всё думала о том, как преподнесёт живой подарок, как все удивятся и как будет рада ему именинница.

А бедный «живой подарок» сидел весь день запертый в комнате, голодный и напрасно ждал, когда его накормит хозяйка. Пришла хозяйка только вечером.

О, как обрадовалась её приходу голодная лисичка! Не успела Мария Ивановна открыть дверь, как Лисок

бросился к ней навстречу, вилял хвостом, визжал и так ласкался, что Мария Ивановна удивилась. Она никогда не думала, что лисицы могут быть такими ручными и ласковыми. Приветливость зверя её тронула.

Она тут же налила Лиску молока и накрошила хлеба. В одну минуту голодная лиса всё съела и облизала миску. Но есть ещё хотелось; тогда Лисок поступил так, как привык это делать в доме деда Назара: подошёл к Марии Ивановне и тихонько дёрнул её за платье. Тут уж Мария Ивановна совсем умилилась и отдала Лиску свою котлету и оставленный на утро бутерброд.

После такого сытного ужина Лисок залез к своей новой хозяйке на колени, доверчиво свернулся клубочком и уснул.

Долго сидела Мария Ивановна с Лиском на руках, потом тихонько, чтобы его не испугать, переложила на подстилку, а когда Лисок опять уснул, заботливо прикрыла ещё платком.

В этот день Мария Ивановна к подруге не пошла. Не пошла и на другой день, а лисичку, которую купила в подарок, она решила оставить себе.

С этих пор у Марии Ивановны появилось много новых хлопот. Утром надо было встать пораньше, чтобы приготовить лисичке еду. Вечером спешить домой, чтобы накормить и вывести её погулять. Она даже купила своему питомцу новый ремешок и ошейник и на нём написала свой адрес.

О том, что у неё живёт лиса, Мария Ивановна от соседей скрыла. Кто знает, как отнесутся они к такой «квартирантке».

Тайна открылась совсем неожиданно.

Как-то раз, уходя из дому, Мария Ивановна забыла закрыть дверь. Осторожно оглядываясь, вышел из комнаты Лисок. Потянул носом. Откуда-то пахло мясом. Тут уж Лисок забыл всякую осторожность. Быстро по

запаху добрался он до кухни, ещё раз потянул носом и ловко вспрыгнул на стол. На столе в большом блюде лежало нарезанное кусками мясо. Лисок жадно его схватил и уже съел несколько кусков, но тут в кухню вошла соседка. Вошла и остолбенела.

Она даже не поверила своим глазам: на её столе, в их кухне, в самом центре Москвы, — настоящая, живая лиса, да ещё ест приготовленное к обеду мясо! Нет, этого уж она вытерпеть не могла. Она схватила полотенце и стала грозно наступать на лису. Но Лисок не растерялся. Не обращая внимания на разгневанную женщину, он набил полный рот мясом, быстро спрыгнул со стола и скрылся в комнате.

Вечером к Марии Ивановне постучал управдом. В руках у него было заявление соседки, в котором она просила немедленно убрать лису.

Напрасно доказывала Мария Ивановна, что купила лису для подарка, напрасно просила её оставить. Управдом был неумолим. Пришлось Марии Ивановне позвонить своей подруге.

Она рассказала, как хотела сделать ей подарок — купила лису, и теперь, хоть с опозданием, хочет её подарить. Но подруга пришла от такого «подарка» в ужас, решительно от него отказалась и повесила трубку. Тут уж Мария Ивановна растерялась совсем. Всё валилось у неё из рук, и она думала, куда бы ей пристроить лисичку. Наконец решила: отдать в Зоопарк. В Зоопарке ей будет хорошо, да и, наверно, ещё заплатят. Мария Ивановна даже повеселела от такого решения. Быстро оделась, взяла Лиска на ремешок и повела в Зоопарк. Но радость была преждевременной: в Зоопарке купить лису отказались.

— Лисиц не покупаем, — ответили ей, — у нас их и так много. Если оставите в подарок, возьмём, а за деньги не нужно.

Такой ответ Марию Ивановну озадачил. Всё же обидно остаться и без денег и без лисы. Она повернулась и пошла из Зоопарка, но тут же вспомнила, что идти некуда. Она снова вернулась к воротам Зоопарка и нерешительно остановилась.

Сколько времени Мария Ивановна простояла тут раздумывая, она не помнила; наконец любовь к лисичке победила... Мария Ивановна решительно потянула за ремешок, но... ремешок повис в руке — лисы не было.

Долго бегала Мария Ивановна по соседним улицам, заглядывала во все дворы, звала Лиска. Всё было напрасно: лиса пропала. Со слезами на глазах вернулась Мария Ивановна в Зоопарк. Она плакала и рассказывала о том, как уже совсем решила подарить Лиска, как он перегрыз ремешок и убежал, просила помочь найти лису.

Прошло несколько дней. Ночной сторож делал обход Зоопарка. Вдруг из кустов выскочила лисица. Ночь была лунная, и сторож хорошо рассмотрел лису. Он остановился, не зная, что делать: бежать за подмогой или ловить самому. Старик сделал несколько осторожных шагов в сторону лисы, но она, вместо того чтобы бежать, продолжала стоять на месте, потом вся как-то прижалась к земле, завизжала, виляя хвостом, поползла к нему навстречу.

Сторож растерялся. Он много лет работал в Зоопарке, но такой лисы, которая ночью на свободе сама лезла к человеку, не встречал. Лиса оказалась ручная. Сторож свободно взял её на руки и отнёс в комендатуру.

В комендатуре лису осмотрели, сняли ошейник и на нём прочли адрес хозяйки. Лису посадили в клетку, а Марии Ивановне сообщили, что лисичка нашлась.

Но Мария Ивановна Лиска не взяла. Она оставила его в Зоопарке и теперь каждое воскресенье навещает

своего любимца, приносит ему угощение и выводит гулять.

Догадливый лев

В Зоопарке очень много лет жил старый лев. Звали его Менелик. Хотя поймали его на воле и привезли в Зоопарк уже взрослым, он оказался на редкость спокойным зверем. Быстро понял, что на время уборки нужно переходить в другую клетку, и стоило служителю открыть дверцу, как он тут же, не ожидая окрика, шёл туда. После еды Менелик спокойно давал служителю выбрать из своей клетки остатки костей и не старался их задержать, как это делали остальные львы.

Служитель любил Менелика.

— Уважительный зверь, гордый, — нередко говорил он. — С ним и хлопот мало. Откроешь дверцу, он сам перейдёт. И поймать тебя не старается, хоть вплотную с клеткой стой.

И верно, к другому зверю чуть подойдёшь, он уже лапу высовывает, схватить старается, а Менелик никогда так не делал. Он стоял и терпеливо дожидался конца уборки.

Взгляд у Менелика был спокойный, уверенный, а высоко поднятая голова с густой длинной гривой придавала ему величавый вид, который особенно подчёркивался сединой на морде и уже изрядно пожелтевшими клыками. Однако, несмотря на свой преклонный возраст, Менелик был на редкость здоровый зверь. Он никогда не болел. Всегда хорошо и с аппетитом съедал все восемь килограммов положенного ему мяса. Ел он степенно, не торопясь, а потом так старательно вылизывал кости, что они становились совсем белые, будто на них никогда не было даже крошки мяса.

Но вот однажды случилось, что Менелик не доел свою порцию. Это было так необычно, что служитель сразу поспешил сообщить врачу.

Врач, хорошо знал не только своих опасных пациентов, но и признаки тех болезней, которыми они болели. А признаки у Менелика были такие: не доел мясо, вместо того чтобы после еды отдохнуть, беспокойно ложился то на один бок, то на другой, а по губам стекала слюна, которую лев даже не пытался вытереть лапой или облизнуть.

Пронаблюдав некоторое время льва, врач обернулся к служителю и сказал:

— У Менелика глисты, и нужно их гнать. С завтрашнего дня начнём лечение.

На другой день врач пришёл к тому часу, когда начинают кормить зверей. Одетый в белый халат, он прошёл сразу в кормовую комнату, где на огромном противне уже лежали приготовленные для раздачи куски мяса. Отрезав от порции Менелика небольшой кусочек, врач начинил его лекарством и сам дал льву.

Менелик, который уже чувствовал себя хорошо и успел основательно проголодаться, с жадностью проглотил предложенный ему кусочек мяса с лекарством. Однако через некоторое время, как только начало действовать лекарство, у Менелика началась сильная рвота. Он мучился от неё долго, но ведь это так и полагалось.

Через несколько дней нужно было снова повторить лечение. Опять одетый в белый халат, прошёл в кормовую комнату врач, опять начинил лекарством кусочек мяса и предложил его льву, но Менелик, хотя и был очень голоден, на этот раз не пожелал брать мясо из рук врача.

Тогда врач поступил иначе. Он начинил лекарством всю порцию мяса и попросил служителя дать её льву. Каково же было его удивление, когда Менелик и от

служителя не взял мясо! Он даже не притронулся к нему, хотя лекарство было без запаха и так хорошо запрятано, что лев никак не мог его учуять.

На другой день врач снова пришёл проверить зверя. Лев выглядел совсем здоровым и чувствовал себя прекрасно. Он не спускал глаз с кормовой комнаты, и было видно, с каким нетерпением ждал еды. Однако, когда положили мясо, Менелик и на этот раз не притронулся к нему, хотя оно было без лекарства.

Опытный врач был очень озадачен таким странным поведением зверя: на больного не похож, а мясо не ест.

В следующий раз врач пришёл уже через день, так как накануне был выходной. Он зашёл во львятник и спросил, как себя чувствует зверь и как он ел.

— Хорошо ел, — сказал служитель, — и чувствует себя хорошо. Сейчас кормить буду, сами посмотрите.

Но, к удивлению служителя, Менелик опять не стал есть мясо, а только, издали глядя на свою порцию, облизывался.

— Ничего не пойму. Без вас ест, а как придёте вы, не ест, — развёл руками служитель.

— Кажется, начинаю понимать. Без меня ест, а при мне нет, — это вы сказали правильно. Так вот, завтра я не приду, а вы начините мясо лекарством и дадите сами. Думаю, что всё будет в порядке.

Врач оказался прав. Менелик съел всю порцию вместе с лекарством, обгрыз даже кости, потом отошёл в свой угол и лёг спать. Теперь всем стало понятно поведение зверя. Врач приходил в белом халате и дал лекарство, от которого льва сильно рвало. Понятливый зверь сразу догадался, что эта неприятность исходила от человека, одетого в белый халат. Он хорошо это запомнил и, когда тот приходил, стал отказываться от мяса.

Только эта догадливость не помогла Менелику, потому что лекарство он всё-таки принял и через несколько дней был совсем здоров.

Галины питомцы

Галя училась на биологическом факультете, но ещё ей хотелось обязательно пойти работать в Зоопарк. Ведь она изучала птиц, а в Зоопарке, уж наверное, сможет хорошо с ними познакомиться.

Когда Галя пришла в Зоопарк и спросила заведующую секции орнитологии Анну Васильевну, кем можно поступить на работу, та внимательно посмотрела на Галю, на её модную причёску, высокие каблочки и сказала:

— Служительницей.

— Служительницей?! — переспросила Галя, — А что это такое и что нужно делать?

— Служитель — это человек, который ухаживает за животными, — ответила Анна Васильевна. — А делать нужно всё. Нужно убирать клетки, кормить птиц, за ними ухаживать, готовить корма, мыть посуду и вообще всё, что нужно.

— Но это, наверное, трудно, — нерешительно проговорила Галя. Она до этого нигде и никогда не работала, и такой длинный перечень обязанностей её испугал.

— Работать не трудно, — ответила Анна Васильевна, — нужно только стараться и любить своё дело. — И, протягивая Гале какую-то бумажку, добавила: — Вот вам записка в отдел кадров. Если хотите к нам поступить на работу, идите и оформляйтесь, а завтра к восьми утра приходите на работу.

Когда Галя уходила, Анна Васильевна с сомнением посмотрела ей вслед. Она никак не думала, что эта хорошенькая, модная девушка придёт. Но Галя пришла. Она пришла ровно к восьми часам утра и осталась

работать служительницей в попугайнике. Птицы, за которыми она должна была ухаживать, совсем не походили на домашних кур или уток, а в первый же день работы попугаи так оглушили Галю пронзительными криками, что она пришла домой с головной болью.

Сначала Галю в клетку одну не пускали. Её сопровождала старая, опытная служительница — тётя Нюра. Она заходила вместе с Галей в клетку и, пока Галя смотрела, как проводится уборка или кормят попугаев, поясняла:

— Этих не бойся. Как войдёшь, они мигом вверх полезут.

И верно, попугаи, цепляясь за решётку клювом и лапками, быстро карабкались вверх. Когда же служительница ставила им корм и выходила с Галей из клетки, попугаи слезали вниз. Они ловко брали лапкой большие грецкие орехи и легко их разгрызали своим сильным, крючковатым клювом.

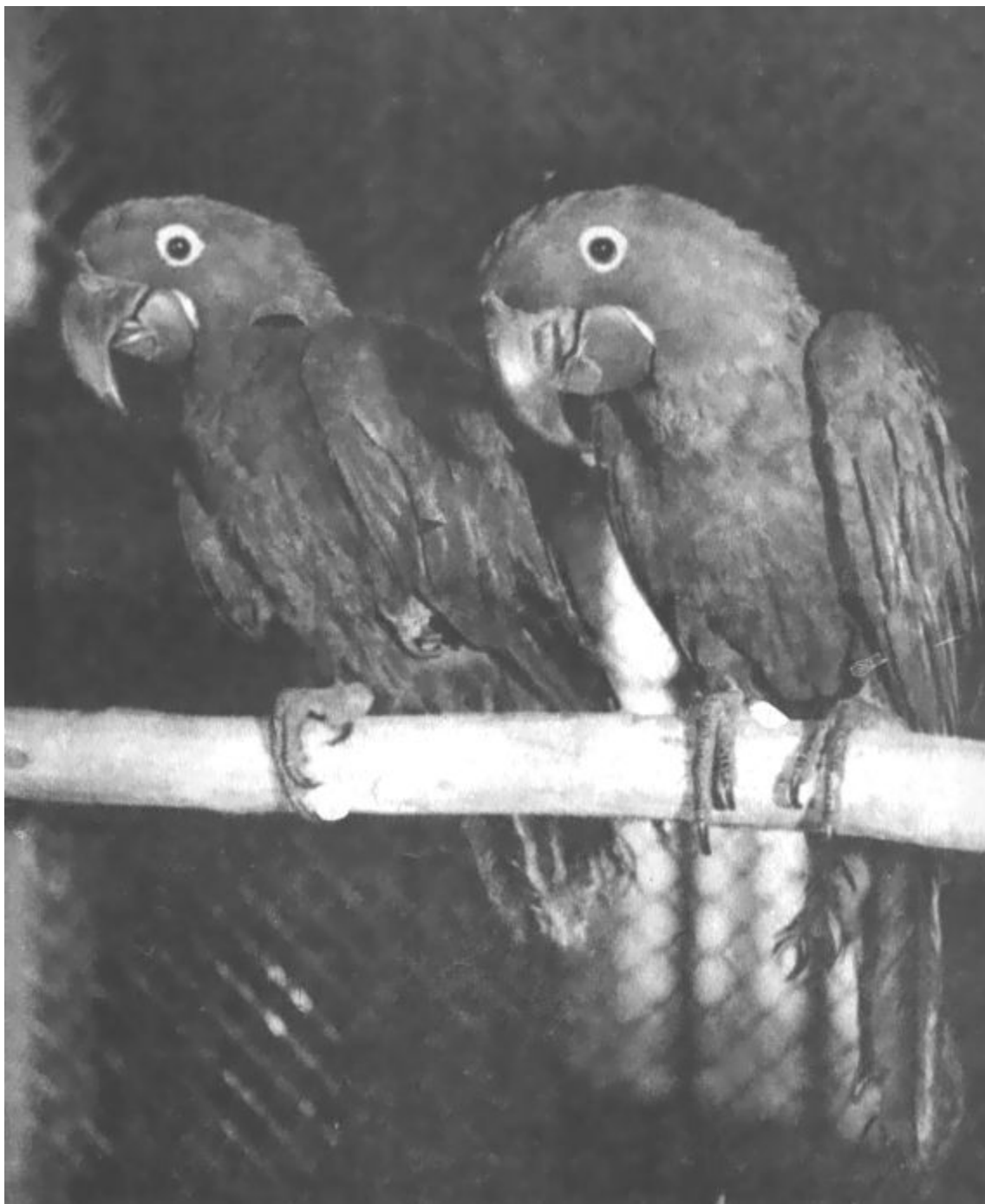
Потом тётя Нюра входила с Галей в клетку, где сидели два больших попугая какого-то неопределённого тёмно-голубого цвета и с такими огромными клювами, каких Гале никогда не приходилось видеть.

— Это гиацинтовые ара, — поясняла каждый раз служительница, осторожно заходя в клетку. — И запомни: сюда одна не ходи. Сколько за ними ухаживаю, а они и сейчас меня стараются укусить, уж очень норовистые.

Галя с интересом наблюдала за «норовистыми» птицами. Вместо того чтобы забраться наверх, как это делали другие попугаи, они всячески старались схватить своими огромными клювами служительницу, дёрнуть её за халат или сорвать с головы платок. Такое поведение попугаев Гале даже понравилось. Уж очень энергично они действовали и интересно проявляли своё

отношение к людям. Пусть кусались, но зато не висели словно груши на решётке. Гале они так понравились, что ей даже захотелось с ними познакомиться поближе и попытаться приручить этих непокорных птиц. О своём замысле она не сказала тёте Нюре, но с первого же дня старалась лишней раз подойти к клетке гиацинтовых попугаев, поговорить с ними или отдельно угостить чем-нибудь вкусным. Одним словом, делала всё возможное, чтобы привлечь к себе внимание птиц. И нужно сказать, что её старания не пропали даром. Не прошло и недели, как оба гиацинтовых ара стали заметно интересоваться своей молоденькой служительницей.

Наблюдая за ними, Галя заметила, что самец, которого она назвала Кутя, был храбрее и спокойнее своей подружки. Когда Галя совала ему сквозь сетку сахар, он спускался с жёрдочки и смело брал кусочек. Зато самочка — Галя назвала её Ара — была трусливей. Несмотря на все Галины усилия, она ничего не желала брать из её рук. Однако было заметно, что обоим попугаям Галя нравилась, особенно когда она с ними разговаривала, Попугаи тоже что-то бормотали ей в ответ, а Кутя прижимался к решётке и топорщил перья. Но что это означало — сердится он или ласкается, Галя ещё не знала.

В клетку к гиацинтовым попугаям Галя продолжала ходить только с тётёй Нюрой, и та её одну никак не пускала.

— Тётя Нюра, можно, я сама у них уберу? — не раз спрашивала Галя. — Ведь я уже две недели работаю.

— Рано ещё, не спеши, — отвечала тётя Нюра. — Попугай хоть и птица, а знать её надо. Поработаешь ещё месяц, привыкнешь, а там и сама пойдёшь. Сперва приглядеться нужно.

Однако начать самостоятельно работать Гале пришлось значительно раньше, чем она предполагала сама. Тётя Нюра заболела и на работу не вышла. Конечно, можно было пойти к заведующей и попросить замену, но Гале очень и очень захотелось проверить себя. И вот, вооружившись ведром с водой, тряпкой, ножом и метлой, Галя пошла убирать клетки. Это был первый её самостоятельный день. Пусть в этот день она не очень чисто и долго убирала клетки. Пусть не решилась зайти к гиацинтовым попугаям и с таким опозданием приготовила корм, что все птицы уже возмущённо кричали. Зато на другой день она справилась отлично, но нельзя сказать, что без робости вошла к гиацинтовым попугаям.

Увидев новую служительницу, Кутя и Ара мигом спустились со своей полочки. Они лазали по решётке вокруг Гали и всячески старались ещё щипнуть. Но Галя не стала их отгонять ни метлой, ни тряпкой. Ласково и спокойно она начала уговаривать птиц не сердиться. И попугаи не тронули Галю. Когда же она, продолжая разговаривать, протянула руку к Аре, та схватила её за палец своим огромным сильным клювом, немного подержала и выпустила. Очевидно, ласковый голос девушки успокоил птиц, и поэтому они её не тронули.

Теперь Галя узнала «ключ» к этим птицам. Оказывается, они любят, когда с ними разговаривают ласково и спокойно. Она ещё чаще и больше стала заниматься с Арой и Кутей и скоро перестала их опасаться.

Познакомившись с гиацинтовыми попугаями, Галя стала к ним заходить теперь всегда одна. Тётя Нюра поправилась и, придя на работу, только удивлялась

своей молодой помощнице да потихоньку её похваливала.

— Молодец всё-таки, — говорила она, — ишь как приручила. Небось меня, старую, всё клюнуть норовят, а молодую не трогают.

И на самом деле попугаи к Гале привыкли и совсем её не боялись. Не успевала она войти в клетку и поставить ведро, как оба попугая буквально скатывались вниз. Ара тотчас, зацепившись лапками за край ведра, низко опускала туда голову, доставала тряпку и, что-то довольно бормоча, долго с ней возилась. Потом клювом вытягивала тряпку из воды и лезла вместе с нею на самый верх клетки. Кутя тоже не терял время зря. Он поспешно хватал нож, брал его клювом за деревянную ручку и так же торопливо взбирался наверх, а Гале приходилось очень долго уговаривать попугая отдать опасный предмет. Ведь Кутя мог поранить себя или при резком повороте головы ударить ножом Ару и поранить её.

Однако, несмотря на уговоры, Кутя подолгу не желал расставаться с любимой вещью. При этом он дико кричал, и нередко именно этот крик помогал Гале завладеть ножом. Потому что, забывшись, Кутя открывал клюв, и нож падал.

За своими предметами для уборки Гале уследить было очень трудно. А если она оставляла ведро и нож в другой клетке, то Кутя довольно ловко сбрасывал клювом крючок с дверцы и проникал туда, устраивая панику среди других птиц. Тогда Галя стала запирает дверь на замок, но попугаи тут же переключали своё внимание на метлу и так старательно её общипывали, что к концу уборки оставался один черенок.

Все эти проделки хоть и мешали Гале при уборке, но такое забавное поведение птиц ей нравилось. Она даже перенесла уборку их клетки под самый конец, чтобы побольше находиться со своими любимцами. А как

привыкли за это время попугаи к своей новой служительнице! Они даже разрешали ей себя трогать. Особенно Кутя. Он всегда первый подходил к Гале, наклонял головку и, растопырив пёрышки, всем своим видом просил, чтобы она почесала ему затылок. Галя ласково почёсывала ему пёрышки, а Кутя довольно бормотал и топорщил их ещё больше.

Нередко Кутя забирался к Гале на руки, ловко влезал в карман клювом и вытаскивал лакомства, которые Галя не забывала туда положить. Или занимался ещё тем, что обкусывал все пуговицы на Галином халате, пока она его ласкала.

— И куда ты их только деваешь?! — возмущённо спрашивала Галина мама, почти ежедневно пришивая дочери пуговицы то на халате, то на платье.

Пришлось Гале сознаться, что это дело «рук» попугая. Сначала мама очень рассердилась, а потом сказала:

— Знаешь, Галя, что я придумала: давай сошьём платье без пуговиц, тогда сколько хочешь, столько и ходи к своим попугаям.

Нельзя сказать, что Галя была очень довольна предложением мамы. Хотя и работала она служительницей, и работа была не чистой, а приодеться она любила. Но мама знала вкус своей дочери и подобрала такой фасон, что впоследствии это было самое любимое Галино платье на работе. Во-первых, оно ей очень шло, а во-вторых, Галя в нём смело заходила к попугаям и не боялась, что Кутя обломает пуговицы и придётся пришивать новые.

Зато Ара совсем не интересовалась пуговицами. Ей гораздо больше нравилось танцевать или петь. Танцевала Ара всегда одно и то же, приседая то на одну, то на другую лапку, а если Галя хлопала в ладоши, она кивала в такт головой и танцевала с таким азартом и так старательно поднимала лапки, что без

смеха невозможно было на неё смотреть. Танцевала Ара в любое время, особенно когда у неё было хорошее настроение. А вот пела она только по утрам или вечером, когда уходила публика. Ара смешно брала высокие или низкие ноты из каких-то неизвестных мотивов и тянула их очень долго.

Однажды Галя принесла с собой на работу проигрыватель и пластинки. Ей хотелось узнать, как отнесутся к музыке её любимцы. И здесь у них оказались разные вкусы. Аре больше всего понравились вальсы и цыганские песни. Она сразу начала подпевать, старалась попасть в тон, и это ей иногда удавалось, особенно высокие ноты и смех. Зато Кутя на вальс не обращал внимания и продолжал заниматься своими делами. Но стоило заиграть шумному джазу, как он вострепнулся и тут же принялся петь или, вернее, кричать. Очевидно, он не был так музыкален, как его подруга.

Другие попугаи тоже заинтересовались музыкой, и, когда пластинка кончилась, в попугайнике поднялся необычный шум. Все попугаи что-то бормотали, что-то говорили, совсем как базарные торговки. Глядя на них, Галя от всей души смеялась.

Уж очень смешно вели себя эти птицы.

Чем больше работала Галя с попугаями, чем больше их узнавала, тем больше удивлялась памяти и сообразительности этих птиц. В какой бы одежде Галя ни пришла, Кутя и Ара её мигом узнавали и спешили к двери, чтобы скорее к ней приласкаться. Они так привыкли к девушке, что, если даже она их иногда шлёпала за непослушание, в ответ только сердито кричали, но никогда не кусались. Но стоило Гале протянуть руку и сказать ласковое слово, как они тут же успокаивались и опять лезли ласкаться.

Зато как ненавидели и запоминали они тех людей, которые хоть когда-то их обидели. Был такой случай с

зоотехником Куприяновым. На всю жизнь запомнили его попугаи. А случилось это так: наступило лето и настала пора переводить попугаев в летние вольеры. Обычно это делал зоотехник. Правда, Галя сразу предложила перенести гиацинтовых попугаев сама, но этого ей сделать не разрешили.

— Ты что, без пальцев задумала остаться! — рассердилась тётя Нюра, подавая Куприянову сачок.

Когда Куприянов зашёл с сачком к Куте и Аре, они ещё не знали, в чём дело, так как попали в Зоопарк сравнительно недавно. Оба попугая стали спускаться вниз, чтобы познакомиться с вошедшим к ним человеком. Первым, как всегда, спускался Кутя. Но вот ловкий взмах, и Кутя, даже не успев вскрикнуть, очутился в сачке. Потом Куприянов вытряхнул попугая в летний вольер и, пока растерянный и взъерошенный Кутя приводил себя в порядок, пошёл за Арой.

Тем временем Ара, испуганная столь таинственным исчезновением своего друга и чувствуя в этом что-то неладное, залезла под самый потолок клетки.

Увидев оттуда подходившего Куприянова, она сразу его узнала, страшно переполошилась, стала кричать, махать крыльями. Нелегко было зоотехнику справиться с Арой. Она забилась в угол клетки под самым потолком, и накрыть её там сачком было очень неудобно. К тому же она очень энергично отбивалась, отталкивала от себя сачок лапой, хватала клювом.

Наконец после долгих усилий Куприянов всё же накрыл Ару и тоже перенёс её.

С тех пор оба попугая хорошо запомнили зоотехника. В чём бы он ни был одет, как ни старался подойти незамеченным или спрятаться за посетителями, попугаи моментально его замечали. Они поднимали такой шум и крик, что работники птичника мигом узнавали, кто идёт.

— Ну, Куприяныч, — смеялись они, — теперь к нам не подкрадёшься, за километр слышно, когда идёшь.

Сколько раз Куприянов пробовал «помириться» с Кутей и Арой, но из этого ничего не получалось. Напрасно он предлагал своим недругам самые различные лакомства. Из его рук они ничего не желали брать, а в ответ только зло кричали и старались укусить.

А какой они подняли скандал, когда зоотехнику понадобилось прикрепить на их клетке этикетку с надписью! Такого пронзительного крика даже тётя Нюра за все годы работы в Зоопарке ни разу не слышала. Особенно старался Кутя. Он бросался на решётку, бил крыльями, и не успевал зоотехник просунуть проволоку, чтобы привязать надпись, как он тут же её вырывал клювом.

Пришлось Куприянову сдаться и звать на помощь Галю.

Галя открыла дверь клетки и спокойно подошла к разъярённому попугаю.

— Осторожно, как бы не укусил, — предупредил зоотехник. Но Галя теперь хорошо знала своих питомцев. Она только попросила зоотехника отойти, чтобы птицы не нервничали.

А когда Куприянов отошёл, наклонилась к Куте и стала ласково его уговаривать:

— Не волнуйся, Кутя... не надо... тебя никто не тронет... тебя все любят...

Она говорила так ровно и спокойно, что Кутя перестал кричать и вытаскивать проволоку. Потом, окончательно успокоившись, он полез к Гале на руки, прижался к её щеке и уже совсем спокойно дал ей возможность закрепить этикетку.

Находясь в летней вольере, оба попугая стали заметно подвижней и веселей. По-видимому, им нравилось, что в клетке много солнца, что под его

лучами хорошо погреться и что кругом вместо скучных стен помещения свежая зелень. Попугаи старались достать клювами случайно упавший на сетку листочек и, если это удавалось, с удовольствием съедали. Теперь часто, как никогда, можно было услышать, как они хохотали, пели, кричали какие-то слова. Но какие именно, Галя разбирала не всегда.

Слов и даже фраз Кутя с Арой знали много, но произносили их невнятно и, конечно, совсем произвольно. Например, если Ара произносила фразу «попочка хочет кушать», это совсем не значило, что она действительно голодная. Совсем нет. Она говорила так сразу после еды, когда была уже сыта, но если Галя всё же предлагала ей добавку, то отказывалась

Кормили попугаев летом иначе, чем зимой. Старались дать побольше зелени, фруктов, ягод, орехов. Орехи чаще всего давали грецкие. Сначала Галя их раскалывала, так как думала, что попугаям трудно разгрызть такую твёрдую кожуру. Но потом она увидела, клюв у них такой сильный, что они разгрызают орехи, словно семечки.

Им даже доставляло удовольствие грызть что-нибудь твёрдое. Заметив это, Галя притащила и поставила им в клетку круглое полено. И надо же было видеть, с каким удовольствием оба попугая стали его обгрызать! Они так старательно над ним трудились, что очень скоро от полена осталась одна труха.

Ещё нравилось попугаям купаться, особенно под тёплым, летним дождём. Стоило ему заморосить, как Ара и Кутя, вместо того чтобы спрятаться под навес, поспешно вылезали, взбирались на обтянутый сеткой верх клетки и повисали на нём, подставляя брюшко под дождевые капли. Смешно растопырив перья и раскинув крылья, они висели, словно под душем, минут по тридцать-сорок, а потом спускались на свою жёрдочку и, довольно бормоча, отряхивались и чистили пёрышки.

Жили попугаи дружно, но всё же иногда не обходилось без ссор. Особенно летом. Здесь Кутя нередко так долбил клювом свою подругу, что она забивалась в угол и поднимала крик. Галя уже хорошо знала своих питомцев, по тону крика сразу догадывалась о происходящем и спешила на помощь Аре.

Увидев Галю, Кутя мигом прекращал избиение своей подруги и спешил к дверям. Когда же Галя заходила в клетку, залезал к ней на руки и позволял с собой делать всё, что угодно. Он позволял даже класть себя на спину и качать, как ребёнка. Попугай лежал на руках девушки спокойно, брюшком кверху, и ласково ворковал. Потом Галя его сажала на жёрдочку и уходила, а успокоенный Кутя присаживался к своей подружке и больше её не обижал.

Экзамен

Лето прошло незаметно. Наступила осень, а вместе с ней и время переводить попугаев в зимнее помещение. Впрочем, на этот раз Кутю и Ару переносил уже не Куприянов, а Галя. Ей не понадобился сачок, чтобы ловить птиц. Она просто вошла в клетку, взяла Кутю, прижала его к себе и, почёсывая ему головку, перенесла в зимнюю клетку, а следом за ним и его подругу Ару.

Очувтившись снова в помещении, попугаи остались очень недовольны. Они раздражённо лазили по клетке, заглядывали в окна и громко, пронзительно кричали. Им вторили попугаи из других клеток. В помещении поднимался невообразимый шум и гам, который мог оглушить любого нового человека. Но Галя к такому шуму привыкла, и он ей ничуть не мешал.

Свою работу Галя очень любила. Ей не трудно было убрать клетки, накормить птиц, а потом ещё спешить в институт. У неё был самый строгий распорядок дня, и поэтому она успевала сходить иногда вечером ещё в кино или в театр.

Но вот однажды получилось так, что весь её распорядок нарушился. Случилось это зимой, как раз в то время, когда нужно было готовиться к экзаменам. Наступили самые морозы, и вдруг беда — лопнул отопительный котёл. Срочно перевели систему отопления на запасной котёл. Но он оказался слишком мал, и температура в помещении падала с каждой минутой.

Прибежала Анна Васильевна.

— Надо быстрее поставить электропечи, — сказала она, — а то птицы простудятся. Вон как мёрзнут.

Действительно, попугаи сидели нахохлившись и тесно прижавшись друг к другу. Кутя с Арой тоже прижались друг к другу, и Гале даже показалось, что они дрожат. Она зашла в клетку, будто хотела что-то прибрать, а на самом деле обняла руками сидевших на жёрдочке попугаев и прижала их к себе, чтобы согреть. Пока она так стояла, пришёл Куприянов с двумя большими электрическими печками. Анна Васильевна распорядилась поставить их на пол, посередине помещения, и включить. От печек пахнуло жаром. Через некоторое время температура на градуснике стала подниматься.

— Всё в порядке, — облегчённо вздохнув, сказала Анна Васильевна. — Только придётся около печек дежурить, а то проводка старая, как бы не вспыхнули провода.

Первую ночь остался дежурить Куприянов. Потом составили расписание, в списке были перечислены все сотрудники попугайника, кроме Гали.

— А почему нет меня? — возмутилась Галя, но ей сказали, что она пусть учится и сдаёт экзамены.

Это же подтвердила и заведующая.

— Сдавайте, Галя, экзамены, — сказала она. — Вам и так трудно работать и учиться.

— Совсем не трудно, вот посмотрите, — упрашивала Галя, но Анна Васильевна, несмотря на все просьбы девушки, осталась непреклонна.

Тогда Галя, стараясь хоть чем-нибудь помочь, стала приходить раньше, чтобы к приходу остальных сотрудников убрать как можно больше клеток, и уходила позже. Она уже не успевала зайти домой переодеться и поесть. Переодевалась прямо на работе и, жуя на ходу булку, спешила в институт. Домой Галя приходила совсем поздно. Она сразу ложилась спать, а утром чуть свет спешила в Зоопарк, чтобы прийти раньше всех и побольше сделать.

Наконец котёл починили. В этот день Галя кончила работу вовремя. Она шла домой, и ей было необыкновенно легко и весело. Так легко, словно экзамены она уже сдала.

«Домовой» в зоопарке

Когда служитель Правиков пришёл утром убирать львятник, он не узнал помещения: валялись на полу разбитые горшки, цветы, земля, а из открытой печки высыпалась вся зола. Правиков протёр глаза. Вчера они со вторым служителем, дядей Павлом, ушли, оставили всё в порядке, а сегодня!.. Кто же это мог сделать? Но задумываться было некогда. Надо убрать помещение и вымыть клетки до прихода публики, в это время пришёл дядя Павел, и, решив, что это чья-нибудь шутка, служители принялись за уборку. Как и всегда, Правиков начал с огромного тигра Раджи. Раджи был самым злым из всех тигров Зоопарка. Когда Правиков к нему подходил, он бросался на решётку и так бил лапами, что она тряслась.

Правиков Раджи не боялся. Он знал, что широкая лапа тигра не пройдёт через прутья и что гораздо больше нужно опасаться узкой лапы леопарда Васьки. Васька любил поохотиться даже в клетке. Идёт, бывало, Правиков, а он притаится в углу и караулит служителя. Ну совсем как кошка за мышкой! А чуть только служитель зазеваётся — схватит. Лапа у него сильная, когти острые, ни за что не вырвешься.

Хорошо знал служитель своих зверей. Но вот почему сегодня Васька не бросился, как всегда, на решётку? Подошёл Правиков и видит: в клетке леопарда кровь. Кровь покрывала пятнами пол. Правиков испугался. Он схватил длинный железный прут и стал им стучать по решётке. Нужно было поднять зверя и посмотреть, что с ним случилось. Васька встал и, хромя, отошёл в сторону. Одна из его передних лап оставляла кровавый след.

Вызвали ветеринара. Ветеринар поманил Ваську к решётке, внимательно осмотрел его лапу и сказал, что это укус. Хотя сидевший в той же клетке леопард Маруська никогда не дралась, подумали на неё.

Остальная часть дня прошла как обычно. В два часа привезли мясо, в три накормили зверей, и, перед уходом налив в поёнки воды, служители ушли.

На следующее утро дядя Павел и Правиков пришли вместе. Вместе открыли помещение и... остолбенели. Что за штука! Можно было подумать, что они вчера не убрали. Везде валялись черепки разбитых горшков, поломанные цветы, а у любимицы Правикова — Маруськи текла из лапы кровь. Это уж было чересчур!

Оставив всё, как застали, служители пошли узнать у сторожа, не брал ли кто ключ. Тот даже обиделся. «Сколько лет работаю, — кричал он, — ни разу греха не было!»

Врач, осмотрев Маруськину лапу, тоже сказал, что укус.

Совсем такой же укус и тоже на передней лапе оказался ещё у пантеры.

С этого дня начались мучения служителей. Каждое утро, отпирая львятник, находили они в нём беспорядок, каждое утро кто-нибудь из зверей был покусан. Правиков не знал, на кого и подумать. Чего он только не делал! Брал с собой ключ, ставил на дверях заметки — всё безрезультатно. Зато его помощник дядя Павел сразу решил, что это дело рук «домового». Он крепко верил, что есть на свете ведьмы, черти, и, когда решил, что в львятнике завелась нечистая сила, подал заявление о переводе на другую работу. Тогда, чтобы выяснить причину ночных происшествий, решили изловить виновника всего — «домового».

Вечером, когда Правиков с дядей Павлом сдали ключи и ушли домой, к сторожу подошли несколько дежурных ребят из КЮБЗа. Они попросили у него ключи от львятника и показали записку от директора. В записке было сказано, чтобы ребятам выдать ключи. Крепко удивился сторож, но ключи всё-таки дал. Ребята давно убежали, а он ещё долго смотрел им вслед.

Позднее, когда закрылся Зоопарк, к львятнику подошли знакомые нам ребята. Быстро открыли дверь помещения и спрятались под длинными рядами клеток. Некоторое время там слышалась возня, потом всё затихло. Встревоженные звери успокоились, и только скучавший по воле Раджи, хрипло мяукая, долго ещё ходил по клетке. Наконец лёг и он. Стало совсем тихо, и было слышно, как тикают часы. Было одиннадцать часов.

Вдруг в самом дальнем углу львятника что-то завозилось. Ребята вздрогнули, но тут же успокоились — в своей клетке проснулся барсук. Он подошёл к решётке, потянул носом воздух и осторожно полез вверх. Встревоженный леопард насторожился. А барсук, держась лапами за перекладины, просунул

сквозь прутья голову и, ловко извернувшись, очутился на свободе.

Леопард Васька подбежал к решётке и замер, ожидая барсука. Ничего не подозревая, барсук слез вниз и медленно пошёл вдоль клеток по длинному, узкому карнизу. Когда он поравнялся с клеткой леопарда, подстерегавший его хищник прыгнул. Далеко за решётку просунул он лапу, чтобы схватить барсука, но тут же её с рёвом отдернул. Из лапы текла кровь, а барсук спокойно продолжал свой путь. Дойдя до конца, он спустился по скамейке на пол и, цокая длинными когтями, побежал к стоявшим в помещении цветам.

Ребятам очень хотелось поймать беглеца, но, вспомнив, что пришли не за этим, они остались на месте.

Барсук опасности не замечал. Он спокойно залез на подставки и стал сбрасывать оттуда цветы. Ломались хрупкие хризантемы, астры... Их красивые белые шапки откатывались в стороны, а падающие горшки наполнили помещение шумом. Проснулись звери. Они метались по клеткам, рычали. Горевшие злобой глаза жадно следили за погромщиком, а барсук продолжал своё дело. От одной подставки перешёл к другой, третьей, пока все цветы львятника не очутились на полу. Тогда он стал разбрасывать землю. Выгребал её из разбитых горшков, что-то усердно искал и, находя, с аппетитом чавкал.

Покончив с этим, барсук перевернул все урны, подставки, слазил даже в печку и выбросил оттуда всю золу. Потом стал играть. До чего же смешны были его движения! Сидевшие в засаде ребята едва сдерживали смех. Мягко, словно тело его было без костей, барсук кувыркался через голову, подняв дыбом шерсть, отчего становился вдруг похожим на шар; он подпрыгивал, как заводная игрушка, или валялся на спине, держа в передних лапах осколок черепка, камешек.

Время шло. Сквозь окна львятника уже пробивалась узкая полоска света наступавшего дня. Но никто из ребят не уснул. С барсуком не уснёшь!

Зазвенел в дверях ключ. Уловив этот звук, барсук насторожился. Потом, вдруг засопев, торопливо побежал к табуретке, влез на карниз и знакомой дорогой, через раздвинутые под потолком прутья, проник к себе в клетку. Клетка заменяла ему нору, и барсук искал в ней спасения. Едва он скрылся, как в помещение вошли дядя Павел и Правиков. Увидев беспорядок и выползавших из-под клеток ребят, они только развели руками. Тут, перебивая друг друга, рассказали им ребята о ночных похождениях барсука.

— А домового мы так и не видели, — сказал в заключение один из мальчиков.

Правиков засмеялся. Он подошёл к клетке с барсуком, внимательно осмотрел изогнутые прутья и аккуратно переплёл их проволокой. С этого дня в помещении был полный порядок, а дядя Павел перестал верить в домовых.

Невыдуманный случай

Был чудесный майский день. Хотелось открыть не форточку, а балконную дверь. Открыть широко-широко, чтобы подышать этим тёплым, пахнущим весной воздухом. Татьяна Степановна смыла бумагу, которой она заклеила на зиму дверь, открыла её и вышла на залитый солнцем балкон. Но не успела Татьяна Степановна сделать и двух шагов, как откуда-то сверху послышалось шипение. Татьяна Степановна взглянула и охнула: прямо над ней из отдушины комнаты высовывалась и шипела змеиная голова.

Татьяна Степановна не помнила, как вскочила в комнату, как захлопнула дверь. Опомнилась она лишь после того, как задвинула её тумбочкой.

Теперь нужно скорее бежать в домоуправление, сообщить, что на балконе змея, просить помощи! Впрочем, нет, уходить нельзя: вдруг придёт из школы Аллочка... И от одной мысли, какой опасности подвергнется её дочка, она в ужасе закрыла глаза. Лучше позвонить мужу.

Долго не мог понять Владимир Николаевич жену: какая-то змея на балконе... немедленно ехать... наконец, разобравшись, в чём дело, сказал:

— Что за глупости! Змея? Откуда она могла взяться на пятом этаже! Тебе просто показалось.

Однако в ответ послышалось столько упрёков, что Владимиру Николаевичу пришлось ехать. Дома его встретила не только жена, но и Аллочка. Она уже пришла из школы и, прижавшись к балконной двери, старалась увидеть змею.

Не снимая плаща, Владимир Николаевич сразу прошёл к балкону. Он отодвинул тумбочку, открыл дверь и тут же поспешно её захлопнул. Лицо у него

было очень растерянное; да, действительно, кажется, змея. Но откуда же она могла взяться? А потом, как же её вытащить из отдушины? Надо что-то предпринимать, и скорее. Запретив жене открывать балкон, Владимир Николаевич вышел на улицу. Он ещё не знал, куда ему идти и к кому обратиться за помощью. Наконец, после некоторого раздумья подошёл к постовому милиционеру.

— Вы не можете сказать, куда мне обратиться? — несколько смущённо спросил он. — Дело в том, что у нас на балконе чья-то змея, а мы не знаем чья и не знаем, как её поймать!

— Змея?! — удивлённо переспросил милиционер, но тут же строго добавил: — Я, гражданин, здесь на посту стою, а не шутками занимаюсь.

Но, разобравшись, что стоявший перед ним гражданин не шутит, предложил обратиться в Зоопарк.

— Зоопарк здесь совсем близко, — сказал он, — люди там учёные, они и посоветуют, как вам с вашей змеей поступить.

В Зоопарке Владимира Николаевича послали к заместителю директора. Та внимательно его выслушала и сказала:

— Поезжайте домой и успокойте жену с дочкой, а я сейчас пошлю к вам одного из наших специалистов, и выясним, кто там у вас поселился.

Поблагодарив её, Владимир Николаевич поспешил домой. За время его отсутствия жена опять заклеила балкон и теперь, несколько успокоившись, ждала мужа.

— Ну как? — был её первый вопрос.

Узнав же, что к ним сейчас придут из Зоопарка, она стала наводить в комнате порядок. Впрочем, навести порядок Татьяна Степановна не успела. Она даже не успела расставить мебель, как в прихожей раздался звонок.

— Танюша! Аллочка! Это тот самый специалист, которого мы ждём! — радостно воскликнул Владимир Николаевич, и все разом бросились открывать дверь.

Но там стоял какой-то мальчик.

— Аллочка! К тебе из школы, — обернулась к дочери Татьяна Степановна.

— Это не ко мне, — ответила Аллочка, с любопытством разглядывая мальчика. — Я его не знаю.

Тем временем мальчик полез в карман, достал записку и протянул её Владимиру Николаевичу.

— Я из кружка юных биологов Зоопарка, — представился он. — Меня прислали выяснить, кто у вас поселился на балконе.

— Заходите, пожалуйста, заходите! — приветливо закивал головой Владимир Николаевич и, несколько обеспокоенный юным возрастом специалиста, добавил: — Только уж на балкон не ходите. Лучше я сам, а то вдруг змея ужалит.

Татьяна Степановна тоже была согласна с мужем, что мальчика нельзя подвергать такой опасности. Было решено, что выйдет первым на балкон всё же Владимир Николаевич. Так и сделали. Владимир Николаевич приоткрыл дверь, змея опять высунулась из отдушины и зашипела. Однако мальчик, вместо того чтобы, увидев «змею», испугаться, весело рассмеялся,

— Это же не змея, это огарь! — сказал он.

— Огарь? — удивилась незнакомому названию Татьяна Степановна. — А что это такое и зачем этот огарь забрался к нам в отдушину?

Тогда Саша — так звали мальчика — объяснил, что огарь — это водоплавающая птица, что называют её ещё красной уткой, прилетела она из Зоопарка, а в отдушине устроила гнездо и высидивает утят.

— Только вы её не беспокойте, — сказал Саша, — а когда выведутся птенцы, сообщите в Зоопарк.

Потом он посоветовал Аллочке вести за уткой наблюдения и, распрощавшись, ушёл.

Не успела за мальчиком закрыться дверь, как все принялись хохотать. Всех громче смеялась Аллочка.

— Ну и мамочка! Утку за змею приняла! — наконец сквозь смех проговорила она.

— А папа тоже хорош! — хохоча, махнула рукой на Владимира Николаевича мама. — В милицию побежал, в Зоопарк... Я-то ладно, трусиха известная. А он тоже: «Змея. змея... дверь не открывай!» — передразнила она мужа.

— Ну это ты зря, Танюша, про меня так говоришь! — обиделся Владимир Николаевич. — Ведь я сразу сказал, что змея тебе, наверное, показалась, а ты на меня кричать стала.

Весь вечер смеялись они над своим беспричинным страхом. А на другой день не только Аллочкина школа, но и весь дом знал, какая интересная птица живёт на балконе Ивановых.

За пернатым поселенцем Аллочка наблюдала очень старательно. Она теперь вставала пораньше. Правда, утка редко покидала гнездо. Она в нём проводила почти всё время и улетала лишь на кормёжку. Кормилась утка всегда в Зоопарке. Несколько раз Аллочка и Татьяна Степановна клали ей на балкон мочёный хлеб, но утка почему-то его не ела и всё равно летела в Зоопарк.

Но вот однажды, вместо того чтобы улететь, утка сделала около дома круг, другой... опустилась среди улицы и начала кричать. Если бы Аллочка была дома, она сразу догадалась бы, что утята вывелись и мать их зовёт к себе. Но Аллочка была в школе, а что могли знать те случайные прохожие, которые оказались поблизости! Напрасно пытались они прогнать утку. Она

никак не желала уходить, несколько раз взлетала, но тут же снова опускалась на мостовую и не переставая кричала.

— Это какая-то сумасшедшая утка! — возмутилась одна из гражданок и вдруг закричала: — Смотрите! Смотрите!

Откуда-то сверху промелькнул и упал на мостовую маленький пушистый комочек. Это был утёнок. Он отряхнулся и быстро засеменил к матери. За ним из отдушины пятого этажа вывалился ещё один... ещё... Одних прохожие успевали подхватить, другие спланировали на землю сами. Утка волновалась и суежилась среди людей, собирая своих малышей.

Завизжали тормоза, и огромный автобус остановился, чтобы не задавить столь необычных нарушителей порядка. А утка, не обращая внимания на суматоху, собрала утят и, убедившись, что все в сборе, повела своё многочисленное семейство.

Останавливались удивлённые прохожие, высывались из машин пассажиры, а молодежавый регулировщик торжественно поднял жезл — пусть спокойно пройдёт утиное семейство! Утка пересекла улицу и уверенно направилась к Зоопарку, а за нею, забавно семеня лапками, спешили семь маленьких утят.

Когда Аллочка пришла домой, она очень огорчилась, узнав, что утка с утятами переселилась в Зоопарк. Впрочем, Аллочка огорчалась недолго и в первое же воскресенье пошла навестить утиное семейство.

Вайгач

В Зоопарк пришла телеграмма. В ней было написано, что на острове Вайгач поймали красного волка и что его отправили в подарок Зоопарку. Мне никогда не приходилось видеть такого зверя, и поэтому я с нетерпением ждала его прибытия.

Волка привезли в большом, крепко сколоченном ящике. Когда ящик сняли с машины, я хотела разглядеть зверя через щёлку. Но в ящике было темно и ничего не видно. Пришлось ждать, когда выпустят волка в клетку.

Поместить его решили в том ряду, где сидели лисицы и шакалы. Там, с краю, была одна свободная клетка. К ней подтащили ящик, приставили к двери и открыли. Обычно дикие звери очень неохотно переходят в незнакомое помещение, и на перегон приходится тратить много времени.

Однако на этот раз никаких усилий не понадобилось. Не успели открыть ящик, как волк тут же из него вышел, отряхнулся и стал осматривать клетку.

Волк был крупный, широколобый, с пушистой, красноватого оттенка шерстью. Спокойно и уверенно обошёл он клетку и так же спокойно улёгся на самой её середине.

— Так это же не волк! — первым выразил сомнение служитель.

— Да, — разглядывая его, подтвердил заведующий научной частью, — глаза и поведение у него совсем не волчьи. Очевидно, это помесь с одичавшей собакой, а охотники приняли его из-за красноватого оттенка шерсти за красного волка.

Все очень жалели, что это оказался не красный волк, но делать было нечего, и Вайгач, как его назвали,

остался в Зоопарке. Сначала служитель боялся к нему заходить и, когда нужно было чистить клетку, перегонял его в другую. Но как-то раз он не закрыл дверь перегона, где находился в это время Вайгач. Стал мыть пол и вдруг увидел, что сзади стоит Вайгач. Служитель испугался. Он думал, что зверь сейчас бросится на него. Но Вайгач спокойно продолжал стоять. Он даже чуть-чуть отвернулся и зевнул, как бы показывая этим, что никого не собирается трогать.

— Уважительный зверь, понятливый, — отзывался о нём служитель после этого случая.

Да иначе и нельзя было сказать. Во время кормёжки Вайгач не метался по клетке, как другие волки, а терпеливо ждал около дверей своей порции. Спокойно брал мясо и так же спокойно отправлялся на место.

Спокойный, но угрюмый Вайгач никогда ни к кому не ласкался. День за днём проходили у него похожие один на другой. Утром размеренным шагом ходил он из угла в угол своей клетки, днём ждал корма, вечером, поев, спал, свернувшись клубком, а ночью... Что он делал ночью, никто не знал, потому что как бы тихо ни подходил к нему человек, Вайгач уже встречал его чутким, насторожённым взглядом.

Казалось, ничто не может нарушить распорядок дня зверя.

Но вот однажды в его перегонную клетку посадили собаку со щенятами. Звали её Джана. Джана была на редкость добрая и ласковая собака. Ко всем всегда ласкалась, всех встречала радостным визгом. Жила она до этого на складе, но, по доброте своего нрава, совсем не годилась в сторожа. Поэтому временно, пока она кормила щенят, её перевели в свободную клетку, с тем чтобы потом кому-нибудь отдать.

Когда Джану со щенками поместили рядом, Вайгач очень заинтересовался таким соседством. Обнюхивал дверь, прислушивался к пisku щенят, а если кто-нибудь

из них взвизгивал, он волновался и царапал лапами дверь. Он даже переменял своё постоянное место, на котором спал, и теперь ложился около двери, за которой помещалась Джана.

Прошло около трёх недель. За это время щенки подросли, и в перегонной клетке им стало тесно. Мы никак не могли придумать, куда бы их перевести.

Неожиданно помог случай.

Служитель нечаянно открыл перегонную дверь. Не успел он оглянуться, как все девять щенят вместе с Джаной очутились в клетке Вайгача.

Перепуганный служитель бросился за дежурным зоотехником. Обрато они бежали с сачками, с крейцером, ожидая увидеть кровавую расправу. Однако вместо этого застали вполне мирную картину. Посередине клетки стоял Вайгач. Окружённый всей щенячьей ватагой, он растерянно озирался, а их мамаша с видом полновластной хозяйки уже знакомилась с новым помещением.

Служитель хотел переманить щенят на прежнее место. Он налил в миску молока и стал их звать. Но малышам, очевидно, куда больше нравилось теребить за пушистый хвост Вайгача, и они не обращали внимания ни на молоко, ни на звавшего их человека. Щенята вертелись около зверя, тьякали, э он осторожно переступал лапами, боясь наступить на малышей.

Увидев, что Вайгач не собирается трогать щенят, решили их оставить вместе.

В этот день Вайгач не ел. Он отдал свою порцию мяса щенятам. Спал на жёстком цементном полу, а на его месте устроилась Джана со своим потомством.

Теперь в спокойной, размеренной жизни Вайгача появилась масса забот. словно нянька, следил он за девятью щенками Джаны, облизывал их, отдавал свою порцию мяса. Он уже не мог спокойно отдыхать, как раньше, потому что не успевал улечься, как вся орава тотчас лезла к нему бороться. Они бесцеремонно теребили его за уши, хватали за хвост. Но Вайгач на них не сердился. А если они ссорились между собой, подходил и расталкивал драчунов мордой.

Изменил он своё отношение и к людям. Всегда угрюмый, он теперь даже ласкался к служителю. Правда, у него это получалось не так, как у Джаны. Он подходил слишком медленно и слишком скупно вилял хвостом, но всё-таки ласкался.

Потом он ещё научился улыбаться. Улыбался он во весь рот, широко, почти до ушей растягивая пасть и скаля зубы. При этом морда у него делалась совсем доброй и вовсе не похожей на звериную.

Он стал и играть: хватал кусок мяса, подбрасывал его, бегал по клетке, а за ним с визгом и лаем гонялись щенята. Они старались догнать Вайгача, отнять мясо, он же то клал его перед ними, то снова подхватывал и убегал.

Такая игра больше походила на охоту. Очевидно, Вайгач по-своему, по-звериному, обучал щенят быстроте и ловкости. И действительно, от таких упражнений они с каждым днём становились сильнее и крепче.

Когда щенята подросли, их постепенно роздали, и Вайгач остался с Джаной. Но недолго они жили вместе. Вскоре продали и Джану. Купил её какой-то гражданин. Он пришёл за ней с цепочкой и уже оплаченной квитанцией.

И вот Вайгач остался один.

Сначала он стоял у дверей и ждал, что Джану впустят обратно. Когда же её повели, как бешеный заметался по клетке.

Всю ночь грыз двери и старался разорвать зубами решётку Вайгач. А утром, когда пришёл служитель и хотел зайти в клетку, он с такой яростью бросился на него, что тот едва успел выскочить из клетки и захлопнуть за собой дверь.

Теперь никто больше не видел, чтобы Вайгач улыбался. Он стал опять злой, угрюмый, никого не пускал к себе в клетку, на всех бросался, плохо ел. Целыми часами смотрел Вайгач в ту сторону куда увели Джану, а ночами выл. Выл долго, протяжно, заунывно, как настоящий волк.

Прошло почти две недели. И вдруг совсем неожиданно позвонил тот самый гражданин, который купил Джану.

К телефону подошла я.

— Вы извините, что я вас беспокою, — сказал он, — но собака, которую я у вас купил, наверно, больная. Она ничего не ест и скулит. Не можете ли вы сказать, что с ней делать?

— Конечно, могу, — ответила я. — Она просто скучает по тому волку, с которым сидела в клетке, — и посоветовала как можно скорее вернуть её в Зоопарк.

— Пожалуй, вы правы, — согласился новый владелец Джаны и на другой же день привёз её в Зоопарк.

Когда я увидела Джану, то даже не поверила, что это она, так сильно она похудела и изменилась. Но Джана меня узнала сразу, бросилась ко мне, стала ласкаться, визжать, а когда её повели к клетке, так спешила, что её хозяин еле-еле поспевал за ней.

Вайгач увидел Джану издали. Он вскочил, бросился к решётке, потом к двери, опять к решётке. Он даже не дал открыть дверь, протиснулся в коридор и, не обращая внимания на людей, кинулся к Джане.

Я не могу описать их встречу, но когда владельцу Джаны предложили получить обратно уплаченные за собаку деньги, то, растроганный, он сказал:

— Мне не нужны деньги. Я вас только попрошу оставить собаку и больше никому её не продавать, пусть они всегда живут вместе.

Его просьбу исполнили. Много лет жили после этого в Зоопарке Вайгач со своей подругой, и больше никто и никогда их не разлучал.

Уголек

Уголёк был самый маленький, самый слабый и самый чёрный лисёнок. Вот за этот чёрный цвет и прозвали его «Уголёк». Когда его братья и сёстры подползали к матери, чтобы сосать молока, он всегда оказывался последним, и ему доставалось еды меньше, чем остальным лисятам.

Недоедавший лисёнок худел всё больше и больше. Первой это заметила юннатка Галя. Галя вела за лисьим семейством наблюдения. Она аккуратно записывала всё, что происходило с лисятами, и каждые три дня взвешивала малышей.

Новорождённые лисята совсем не походили на свою мать — взрослую лису. Скорей всего, они напоминали котят: такие же маленькие, мордочки тупые, а крохотные уши плотно прижаты к голове.

Когда Галя в первый раз открыла крышку домика, чтобы взять и взвесить лисят, они лежали плотной кучкой, тесно прижавшись друг к другу. Но едва Галя дотронулась до них рукой, как они сразу закопошились, запищали и стали толкаться своими ещё слепыми мордашками.

Через три дня Галя снова проверила малышей. За эти дни они успели подрасти. Стали кругленькие, пушистые. Уголёк тоже стал пушистый и ещё больше потемнел. Но он почти не прибавил в весе и так ослаб, что еле двигался. Чтобы лисёнок не погиб, его пришлось взять от матери и поместить на площадку молодняка.

На площадке молодняка Галя положила лисёнка в плетёную корзину, на мягкую, чистую подстилку, и поставила около печки. Потом Галя налила тёплого молока в пузырёк, надела на него соску и поднесла к

самой мордочке лисёнка. Но ослабевший зверёк не смог даже пить. Он жалобно пищал, открывал рот. Галя осторожно пробовала влить ему немного молока, и опять ничего не получилось. Лисёнок молоко не стал глотать.

Как же теперь поступить? Отнести малыша обратно к матери — это значит дать ему погибнуть. Оставить здесь — он не берёт соску.

Не знаю, что решила бы Галя, но тут её раздумье прервал телефонный звонок. Галю вызывали в контору. Она пододвинула корзину ближе к печке, слегка прикрыла лисёнка подстилкой и вышла.

Не успела за Галей закрыться дверь, как из-под стола показалась Мурка.

Мурка — это кошка. Там, под столом, у неё лежали два маленьких, ещё слепых котёнка. Мурка давно прислушивалась к писку лисёнка. Этот писк её заметно беспокоил. Она то нежно лизала своих малышей, то поднимала голову и насторожённо поглядывала в

сторону лисёнка. Теперь, когда Галя положила его в корзину и ушла, Мурка тут же вышла из своего убежища.

Осторожно, крадучись, подошла она к стоявшей корзине, долго, старательно её обнюхивала, потом вытянула шею и заглянула внутрь. Лисёнок опять закопошился и пискнул. Кошка вытянулась ещё больше и вдруг, мгновенно схватив лисёнка за шею, потащила к себе.

Через некоторое время пришла Галя. Каково же было её удивление, когда лисёнка в корзине не оказалось! Куда же он мог деться? Галя окинула взглядом комнату и только тут заметила Мурку. Ужасная догадка промелькнула у неё в голове. Неужели... Мурка... Галя подбежала к кошкиному гнезду, наклонилась, и... там, на мягкой подстилке, среди котят, лежал и жадно сосал свою приёмную мамашу лисёнок, а та нежно прилизывала его взъерошенную шёрстку.

Теперь Гале уже не приходилось опасаться за его жизнь. Мурка была очень хорошей матерью. Скоро Уголёк поправился, окреп. Через две недели у него открылись глазки, поднялись ушки, а когда исполнился месяц, то он уже отлично бегал и ел мясо. К этому времени Муркиных котят отдали, и она с ещё большей заботой стала относиться к своему приёмышу.

Лисёнок тоже привык к кошке. Он всюду за нею бегал и, если Мурку выпускали гулять, царапался в дверь и старался выскочить.

Тогда Галя, боясь, как бы лисёнок не убежал и не пропал, перевела его вместе с кошкой в клетку. Там им было гораздо лучше, чем в помещении: клетка весь день освещалась солнцем и было где побегать, поиграть.

К зиме лисёнок сильно вырос, изменился: стал пушистый, красивый, сам весь чёрный — настоящий

Уголёк, а кончик хвоста ярко-ярко-белый.

Уголёк так перерос свою мамашу, что она свободно проходила у него под животом. Но это им не мешало дружить по-прежнему. Они спали, как и раньше, всегда вместе. Бывало, лежит, свернувшись в пушистый клубок, Уголёк, а на нём, словно на пуховой подушке, устраивалась пёстрая Мурка.

Хотя Мурке и неплохо жилось в клетке, она всё же была не прочь погулять. Выпускала её обычно Галя, и, когда она приходила, Мурка уже заранее подбегала к двери, мяукала и просилась из клетки. Гуляла Мурка недолго. Походит немного около клетки и быстро возвращается обратно.

А как радовался её приходу Уголёк! Он бросался навстречу кошке, визжал, ползал около неё на брюхе или хватал кусок мяса и мчался с ним к Мурке, как бы желая её угостить.

Но как-то раз получилось так, что Мурка не вернулась. Поблизости её не оказалось, а следы,

которые хорошо отпечатались на свежесвыпавшем снегу, вели к забору.

Убедившись, что кошка ушла дальше, чем обычно, Галя не стала её искать. Она была уверена, что, нагулявшись, Мурка вернётся, и спокойно пошла домой.

Однако не так спокойно отнёсся к уходу своей кормилицы Уголёк. Оставшись один, он жалобно таявал, метался по клетке. Утром, когда служительница пришла убирать клетку, в ней Уголька не оказалось. Сетка была разорвана, а лисьи следы на снегу говорили о том, что Уголёк ушёл в том же направлении, что и кошка.

Кошка на следующий день вернулась, а Уголька, сколько ни искали, так и не нашли.

Прошло несколько дней. И вот однажды в Зоопарк позвонили из одной подмосковной мастерской и сообщили, что в машинное отделение заскочил какой-то зверь. Он спрятался под машину, рычит и никого к себе не подпускает.

За неизвестным зверем поехал зоотехник. Каково же было его изумление, когда в этом звере он узнал убежавшего Уголька! Как он очутился там, сказать трудно. Очевидно, слишком далеко отошёл от Зоопарка, заблудился, попал за город, а потом заскочил в помещение, где и был обнаружен.

Зоотехник знал, что Уголёк ручной. Он хотел его взять, но тот забился ещё дальше и никак не давался в руки. Положение создавалось довольно затруднительное. Поскольку Уголёк находился под машиной, её не могли включить. Суточный график работы срывался, и мастер ругал зоотехника, что тот не может вытащить виновника простоя — Уголька.

Пришлось звонить в Зоопарк и вызывать Галю. Зоотехник надеялся на то, что Уголёк узнает Галю и выйдет к ней сам.

Однако его расчёты не оправдались: приехала Галя, звала и манила Уголька, бросала ему мясо, но

напуганный лис упорно не желал выйти.

Тогда рассерженный мастер решил действовать по-своему. Он схватил стоявшую в углу половую щётку, засунул под машину и пытался вытолкнуть ею лиса. Но не помогло и это. Уголёк испугался ещё больше, забился за какой-то выступ, и теперь его даже нельзя было достать палкой.

— А что, если съездить в Зоопарк и привезти Мурку? Может, он к ней выйдет? — предложила Галя.

Зоотехник и мастер безнадежно махнули рукой. Они совсем не верили в возможность этой затеи, но всё же согласились. Другого выхода не было.

Галя быстро поехала в Зоопарк. Обрато она вернулась с корзиной, в которой сидела Мурка. Галя попросила всех отойти в сторону, поставила корзину на пол и выпустила Мурку. Мурка осмотрелась, мяукнула и пошла вдоль помещения. Но не успела она сделать и десятка шагов, как из-под машины стремительно выскочил Уголёк. С пронзительным визгом бросился он к кошке, вилял хвостом, ползал около неё и всё визжал, визжал и визжал...

Уже спокойно, без всякой опаски Галя взяла беглеца на руки и отнесла в машину. Туда же сел и зоотехник с Муркой.

— Простите за невольный простой, — извинился он, прощаясь с мастером.

— Ничего, наверстаем, — уверенно ответил тот, крепко пожимая руку Гале и зоотехнику.

Он уже больше не сердился на них и обещал обязательно зайти в Зоопарк, чтобы проведать Уголька с Муркой.

Всю обратную дорогу Уголёк спокойно сидел на Галиных коленях. Он поглядывал то в окно, на мелькавшие мимо дома, то на Мурку, как бы боясь, чтобы опять куда-нибудь не делась его четвероногая воспитательница.

Приехав в Зоопарк, Галя снова посадила Уголька с Муркой в прежнюю клетку. Порванная сетка была в ней уже заделана, но Уголёк больше не интересовался ею. Мурка находилась с ним, и он от неё никуда не отходил.

Почти три года прожил Уголёк вместе со своей воспитательницей — кошкой. Потом Мурку взяли, а вместо неё к Угольку посадили красную лисичку Рыжку.

Уголёк с Рыжкой очень подружились. И всё-таки, если даже и сейчас к клетке Уголька подойдёт Мурка, он бросается к ней навстречу, ласкается и всё старается лизнуть через сетку свою приёмную мамашу.

Случай с оленем

Осторожен и пуглив олень, особенно в то время, когда у него спадают старые рога, а новые, ещё молодые, покрыты мягкой кожей. Когда служитель убирает загон, олень торопливо отходит в сторону или, прижав уши, поспешно убегает. Зато к осени, когда у оленя рога уже отрастут и затвердеют, он становится очень опасным зверем. Далеко по Зоопарку слышится его грозный рёв: он вызывает на бой соперников. В такое время к нему заходить опасно. Теперь он уже не боится служителя. Он бросается на любого, кто осмелится к нему зайти. Олень бросается даже на решётку и бьёт её рогами, стараясь достать посетителей. Бьёт даже дерево, которое растёт в загоне.

В годы войны Новая территория Зоопарка, где находились олени, была закрыта. Публика туда не ходила. Ухаживали за животными люди нередко малоопытные, и это кончалось не всегда благополучно.

Однажды получилось так. Служитель был новый и работал на этом участке всего около года. Он убрал загон, положил в кормушку корм, а когда выходил, вместо того чтобы запереть ворота на замок, лишь накинул щеколду.

Заметив, что служитель уходит, олень бросился следом за ним. Сильный удар рогов — щеколда соскочила в сторону, ворота открылись, и олень вышел. Заметив свою оплошность, служитель хотел загнать оленя и замахнулся на него метлой. Но вместо того чтобы послушно вернуться в загон, олень наклонил свою ветвистую голову и с такой яростью бросился на служителя, что тот еле успел укрыться за деревом.

Однако, загнав человека за дерево, олень на этом не успокоился. Он стал гонять свою жертву вокруг ствола и, чем дальше гонял, тем больше приходил в ярость. Глаза его налились кровью, бока покрылись пеной, и, стараясь достать служителя, он с такой силой ударял рогами по дереву, что во все стороны летели куски коры. Как нарочно, в этот час никого из сотрудников Зоопарка поблизости не было и никто не мог прийти служителю на выручку. Что же касается оленя, то он упорно продолжал преследовать свою жертву.

Сколько пришлось незадачливому служителю сделать кругов вокруг дерева, сказать трудно. Но в те короткие моменты, когда олень, по-видимому, отдыхал, служитель старался обдумать, как же ему теперь поступить. Добежать до следующего дерева — слишком большое расстояние, и олень, конечно, его догонит. Да

не всё ли равно, вокруг какого дерева вертеться? В конце концов, он устанет, выдохнется, и вряд ли тогда уйти от острых рогов разъярённого животного.

Оставалось лишь одно: добежать до того самого загона, из которого вышел олень, и в нём закрыться. Однако это тоже было довольно рискованно. Хотя загон был ближе и находиться в нём было куда надёжнее, чем за деревом, всё же надо иметь время до него добраться. Олень же, словно назло, ни на шаг не отходил, а если и давал служителю короткие передышки, то стоило ему чуть-чуть шевельнуться, как зверь сразу же опять бросался. Надо было его чем-то отвлечь. Но чем?

Тут служитель вдруг вспомнил, что он где-то читал, как на одного охотника набросился медведь. Охотник не растерялся. Он кинул медведю шапку, а пока тот её обнюхивал, застрелил зверя. А что, если этим же примером воспользоваться и ему! Недолго думая служитель снял кепку и бросил её в сторону. Заметив упавшую кепку, олень сразу направился к ней, а служитель, не теряя зря времени, бросился со всех ног к загону. Он услышал за собой тяжёлый топот, но даже не мог обернуться. И только успел захлопнуть ворота и накинуть щеколду, как следом раздался такой удар, что даже содрогнулась изгородь. Служитель держал ворота, а олень в ярости бил по решётке. Теперь, находясь в безопасности, служитель мог спокойно обдумать, как ему поступить дальше. Правда, он мог вылезти с противоположной стороны загона и быть в полной безопасности, но ведь зверь-то останется на свободе! А мало ли что может натворить взбешённый олень! Оставить его на свободе — слишком рискованно, надо во что бы то ни стало его загнать. Служитель опять залез на решётку и стал открывать ворота, чтобы заманить оленя в загон. Но каждый раз, как только он с

трудом их приоткрывал, олень бросался и ударом рогов опять закрывал ворота.

Наконец после многих усилий их удалось распахнуть. Однако олень в загон не пошёл. Он продолжал бить по решётке и старался с неё стрясти служителя. Тогда служитель придумал вот что: он снял с себя пиджак и стал дразнить им оленя. Он тряс пиджаком перед самой мордой разъярённого зверя, а потом швырнул в загон.

Увидев перед собой нового врага, олень бросился к нему. Он бил злополучный пиджак рогами, топтал ногами и пришёл в такое неистовство, что даже не заметил, как слез с загородки человек, как закрыл ворота и запер их на замок.

Правда, спасти пиджак не удалось, но служитель был рад, что всё кончилось благополучно и он отделался одним пиджаком.

Шанго

Шанго — самый большой слон Зоопарка. Увидев его, маленькие дети кричали: «Мама, смотри, какая гора!» И он правда был похож на гору — такой большой, тяжёлый, серый.

Привезли его из какого-то зверинца. Говорили, что он очень злой, опасный, поэтому его и отдали в Зоопарк.

Везли Шанго по железной дороге, на большой платформе, потому что в вагоне он не помещался. Платформу со всех сторон загородили досками, сделали двери, крышу, и получился целый дом на колёсах. В этом доме и ехал Шанго. Он стоял прикованный к полу, и вместе с ним ехали сопровождавшие его люди. Они следили за каждым движением слона, но это не помешало ему в пути разобрать и сбросить с платформы всю надстройку. Зато в Москве Шанго вёл себя на редкость спокойно. Всю дорогу до Зоопарка послушно шёл за своим служителем и так же послушно вошёл в помещение.

Когда я пришла утром посмотреть на Шанго, он стоял в слоновнике, прикованный цепями за все четыре ноги. Слон поднимал то одну, то другую ногу, пробовал хоботом цепи. Цепи были большие, тяжёлые, их с трудом могли поднять два человека, а для этого гиганта, казалось, они были совсем лёгкими.

Шанго поместили отдельно от других слонов. Ведь нужно было с ним познакомиться, узнать его характер, повадки.

Первое время слон вёл себя смирно. Так смирно, что все перестали верить рассказам о буйном характере Шанго.

По первому знаку Шанго сажал себе на голову служителя и так же осторожно снимал его на пол. Если Шанго приказывали ложиться, то он сразу же ложился, хотя это делать было очень трудно в тесном помещении, да ещё скованному цепями.

За такое послушание Шанго вскоре решили выпустить к другим слонам.

На свободе

В Зоопарке, кроме Шанго, было ещё четыре слона — Нона, Джиндау, Манька и Мирза. Самая крупная из них — африканская слониха Нона, а самая маленькая — Мирза. Мирза была ещё совсем небольшим слонёнком, капризным, избалованным. За неё-то больше всего и волновались сотрудники парка: кто знает, как отнесётся к такому малышу Шанго, Вдруг ударит хоботом, покалечит?

Но рисковать всё-таки приходилось. Ведь не мог же такой огромный слон стоять всю жизнь прикованным в слоновнике!

Когда с ног Шанго сняли цепи и открыли двери, чтобы выпустить его на слоновью горку, Шанго даже не понял, что от него требуется. Продолжал стоять на месте и, по многолетней привычке прикованного слона, переминался с ноги на ногу. Он даже волновался, что не слышит привычного звона цепей. Трогал их хоботом, приподнимал, опять клал; сделал несколько нерешительных шагов к двери, остановился, немного постоял и вдруг неожиданно, захватив хоботом цепи, уже широким, уверенным шагом вышел на площадку.

Увидев Шанго, слоны сбились в кучу и с любопытством стали смотреть на него. А он, словно никого не замечая, прошёл мимо слоних, поднялся на

пригорок и остановился. Слоновья горка — это самое высокое место в Зоопарке.

Казалось, что весь Зоопарк, со всеми его клетками, прудами и деревьями, лежал у ног этого гиганта. Шанго стоял неподвижно, точно изваяние. С его хобота свисала большая, тяжёлая цепь. Некоторое время слон стоял так, а потом отбросил цепь далеко в сторону, и, когда она со звоном упала на землю, Шанго высоко поднял хобот, и его трубный клич услышали все обитатели Зоопарка. Сначала Шанго трубил один, потом к нему присоединились остальные слоны. Они кружились около него, стучали по земле хоботами и так дружно трубили, что, кроме их крика, ничего не было слышно.

С первого же дня знакомства слоны признали Шанго вожаком своего маленького стада и подчинились ему. Даже Мирза, после того как ей попало за непослушание, перестала капризничать. Теперь слоны выходили из помещения только вместе, а впереди всегда шёл Шанго. Никакими силами и соблазнами нельзя было выманить слоних из слоновника без Шанго. Он же загонял их вечером обратно в слоновник, подталкивая сзади головой.

Слоны уже не ссорились во время еды и не отнимали друг у друга корм, а если это иногда и случалось, то виновник тут же получал от Шанго удар хоботом.

Зато к людям Шанго стал относиться совсем по-другому. Прежде служители всегда свободно подходили к слонам, клали корм, убирали площадку, а

тут Шанго начал их гонять. Поднимет хобот и бежит прямо на человека. Пришлось служителям придумывать всякие уловки, чтобы зайти на слоновью горку. Отвлекали Шанго кормом, а пока он ел, убирали. Только продолжалось это недолго. Как-то раз Шанго заметил служителя и, когда тот подошёл ближе, бросился на него. Служитель хотел убежать, но споткнулся и упал. Все замерли от страха. Кто-то крикнул. Думали, что слон вот-вот раздавит человека. Но слон человека не тронул. Он осторожно поднял его хоботом, поставил на ноги и только тогда, когда тот стал перелезать через барьер, «слегка» ткнул хоботом; но и этого «слегка» было достаточно, чтобы остальную часть барьера служитель перелетел по воздуху.

Хотя слон поступил великодушно, после этого случая желающих заходить к нему больше не стало.

Решили загонять Шанго на время уборки во внутреннее помещение слоновника. Заманивали его кормом, а когда он входил, быстро закрывали дверь. Чтобы закрыть вовремя дверь, требовалась большая сноровка, и делал это всегда опытный и старый служитель. Он давно работал со слонами и хорошо знал их повадки. Иногда Шанго упрямялся и не хотел идти в слоновник. Тогда служитель забирал и уносил корм. Голод брал своё, и слону приходилось подчиняться. Шанго заметил и хорошо запомнил человека, который запирали его в слоновнике и этим доставлял ему столько неприятного.

Ненависть Шанго

Шанго крепко возненавидел своего служителя и всячески старался ему досадить: пытался ударить хоботом, бросал в него камни. Камней на слоновьей горке было много. Шанго выбирал самые крупные,

потому что их было удобней брать хоботом, и бросал. Правда, бросал он не очень метко — служитель легко успевал уклониться, — поведению слона никто не придавал значения.

Однако с каждым днём Шанго совершенствовался в своём искусстве. Вся дорожка, по которой ходил служитель, была усыпана камнями. Шанго часами караулил своего недруга у выхода из помещения, высматривал его среди публики.

Служитель старался не попадаться слону на глаза, особенно в то время, когда парк был открыт, чтобы предназначенный ему камень не попал в кого-нибудь из посетителей. И всё-таки, несмотря на всю осторожность служителя, Шанго его чуть не убил. Случилось это так. Служитель зашёл в бухгалтерию. Окна этой комнаты выходили на слоновью горку, и с неё было видно, что делается в помещении. Шанго увидел своего врага.

Никто не обратил внимания, как слон взял камень и подошёл к барьеру. Служитель уже собирался уходить, когда за его спиной раздался звон разбитого стекла и огромный камень просвистел над его головой и упал на письменный стол. Вдребезги разлетелся чернильный прибор, чернила залили бумаги, а в разбитое окно летели другие камни. Прикрываясь папками, едва успели выскочить сотрудники, а разбушевавшийся Шанго ещё долго обстреливал камнями комнату.

После этого случая решили слона опять заковать в цепи. Но заковать себя Шанго не дал. Когда его отделили от слоних, он пришёл в страшную ярость: метался по слоновнику, бил хоботом, ревел, потом начал выламывать рельсы, из которых была сделана перегородка. Он просунул между ними свои огромные бивни, и мы увидели, как под их напором стал медленно сгибаться рельс. Он гнул рельс до тех пор, пока не сломал себе бивень. Бивень хрустнул, обломился и упал, а слон продолжал выламывать рельс другим

бивнем. Чтобы Шанго не сломал второго бивня, пришлось его выпустить опять к слонихам.

Оставалось ещё только одно средство — убрать с площадки камни. Десять человек несколько суток занимались этой тяжёлой работой. Они перерыли всю площадку, выбрали камни, а чтобы не осталось даже маленьких камешков, просеяли землю через специальную сетку.

Но не помогло и это. Буханки хлеба, свёкла, морковь, картошка — одним словом, весь корм, который давали Шанго и слонихам, бросал слон в ненавистного ему человека. Пришлось перевести служителя на другую работу.

Коварный слон

После ухода ненавистного человека Шанго как будто успокоился. Перестал буяннить и даже к остальным служителям стал относиться лучше. Большую часть дня он грелся на солнышке, а когда становилось слишком жарко, купался в водоёме. Купаться Шанго любил. Он забирался в самое глубокое место, плавал там или с головою погружался в воду и совсем скрывался из виду.

Публика очень любила смотреть, как купается слон, и в это время около него всегда собиралась толпа. А коварный слон набирал полный хобот воды и, как из пожарного шланга, поливал любопытных. Пострадавшие отбегали в сторону, бранились, с их одежды стекала грязная вода. Многие шли жаловаться администрации.

Жалоб поступало так много, что около водоёма пришлось поставить дежурную. Когда Шанго купался, дежурная предупреждала публику, что слон может их облить водой. Очевидно, Шанго нравилось устраивать

среди посетителей переполох, и когда его лишили этого удовольствия, он придумал новую забаву: срывать с посетителей шапки. И надо оказать, что проделывал это Шанго очень хитро и ловко. Он даже нарочно подманивал к себе посетителей: клал на барьер хобот и медленно им шевелил. Хобот слона напоминал змею. Он то изгибался, то слегка вытягивался, то вдруг неподвижно повисал на барьере. Сонно-добродушный вид слона и неподвижно лежавший хобот привлекали посетителей. Они подходили к самому барьеру, трогали хобот, брали его в руки. Слон, казалось, не замечал этого, но стоило неосторожному посетителю подойти слишком близко, как слон обвивал хоботом голову доверчивого человека, ловко срывал с него шапку и тут же её съедал. Это была настоящая охота за шапками, и бывали дни, когда Шанго съедал их по несколько штук.

Особенно нравились Шанго пёстрые дамские шляпы. Однажды он увидел на голове какой-то пожилой дамы необычайную шляпу: с большими полями и ярким большим цветком. Слон сразу обратил внимание на шляпу, перешёл на ту сторону, где стояла дама, и стал подманивать её к барьеру.

Как услужливый продавец раскладывает перед покупателем свой товар, так положил перед доверчивой дамой свой хобот хитрый слон. Если же кто-нибудь из посетителей случайно становился между ними, Шанго дул ему в лицо и этим заставлял отойти в сторону. Симпатия слона к даме в шляпе была так заметна, что все обратили на неё внимание. Польщённая посетительница подошла совсем близко и со словами «какой милый слоник» протянула к нему руку. А «милый слоник» только этого и ждал. Сорвал с её головы шляпу и, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, немедленно направил её в рот.

Напрасно дама кричала, кидала в Шанго камешками — ничего не помогло. Шляпа с широкими полями и

цветком исчезла в пасти слона. Шанго съел её без остатка. После этого случая пришлось поставить к Шанго дополнительных дежурных.

Опять один

Шанго, как обычно, грелся на солнышке, когда радио принесло весть о войне. Наверно, и слон почувствовал, что всё изменилось с этого дня.

Во-первых, в Зоопарке почти не стало посетителей, куда-то исчезли знакомые служители, и их заменили женщины.

По всему Зоопарку рыли какие-то канавы.

Потом начались тревоги.

Пронзительный, воющий звук сирены неожиданно прорезал привычный городской шум. Он нарастал всё сильнее и сильнее, до тех пор пока в городе не наступала полная тишина, и так же неожиданно обрывался.

Шанго ни разу не слышал воя сирены. Он не был похож на привычный вой зверей, не был похож на обычные городские звуки. Но этот звук почему-то вселял в него беспокойство. Казалось, что теперь всё зависело от этого воя — и то, что слонов загоняли в помещение по несколько раз в день, и то, что иногда не выпускали вовсе на горку.

Однажды слонов не загнали в помещение совсем. И тут же, после воя сирены, глухие удары разрывов начали сотрясать землю. Слоны сбились у стены слоновника, когда что-то неожиданно со свистом упало неподалёку на площадку. Это была зажигательная бомба.

Она шипела, разбрасывала брызги пламени; горящие струйки растекались во все стороны и грозили зажечь помещение.

Шанго знал, что такое огонь. Ещё в зверинце привык он его не трогать, но и не пугаться. Но тут в этом маленьком горящем предмете он почувствовал врага. Врага, от которого надо защищаться и вместе с тем нельзя трогать. Инстинктивно он стал шарить хоботом камень, чтобы бросить его в горящий предмет, но камня не было. Тогда Шанго захватил хоботом песок и бросил — в горящую бомбу. Огня стало как будто меньше. Тогда слон бросил ещё и ещё... Он бросал песок до тех пор, пока бомба не погасла и над местом, где она упала, не образовался холмик. Тогда Шанго поступил так, как поступают на воле с самым ненавистным врагом его сородичи: он стал на холмик ногами и топтал его до тех пор, пока не сровнял с землёй.

После этого слонов, как и других зверей, решили увезти из Москвы. Однако Шанго был в таком возбуждении, что опасались вести его по улицам, и пришлось оставить его в Зоопарке. Но Шанго остался не один.

Когда хотели увести Джиндау, слон ни за что не хотел расставаться со своей подругой; ни на шаг не отпускал её от себя и даже не дал Джиндау подойти к корму, на который её хотели заманить в помещение. Пришлось их оставить вдвоём.

Однако недолго прожили они вместе. Скоро Джиндау заболела. Она перестала купаться в бассейне, не сыпала себя больше песком. Целые дни стояла на одном месте, печально наклонив голову, и не шевелилась.

Шанго беспокоило такое поведение подруги. Он лез к ней с играми, толкал её, как бы приглашая побегать, но Джиндау не двигалась.

Она тонко и жалобно кричала и, когда Шанго продолжал донимать её, отходила в сторону. Через два-

три дня Шанго и сам почувствовал, что с подругой творится что-то неладное, и перестал её беспокоить.

С каждым днём ухудшалось здоровье Джиндау. Она отказывалась от самой вкусной пищи. Не помогало ей и лечение.

Говорят, больные слоны перестают ложиться, потому что боятся, что больше не встанут: боятся не поднять своего тяжёлого тела. Не знаю, правда ли это, но Джиндау тоже перестала ложиться. Она спала теперь стоя, прислонившись к стене, а когда шла, было видно, как тяжело передвигает она ноги.

И всё-таки её тянуло на воздух, на солнышко. Как-то днём она хотела выйти, сделала несколько шагов в сторону двери и вдруг тяжело опустилась на пол и легла.

Шанго заволновался.

Он бросился к Джиндау, стал помогать ей подняться. Но Джиндау не поднялась. Тогда Шанго закричал, затрубил, выскочил в другое помещение. Поняв, в чём дело, служители быстро прикрыли за ним дверь. Несколько дней Шанго держали в закрытом помещении. Всё это время напрасно кричал и звал свою подругу Шанго. А когда его выпустили на опустевшую площадку, увидели, как он похудел за эти дни.

Шанго не искал Джиндау. Он взошёл, как всегда, на свой любимый пригорок. Некоторое время стоял неподвижно, потом медленно стал опускать голову. Он опускал её всё ниже, ниже, пока не коснулся бивнями земли. Тогда он стал на колени и глубоко, до самого основания, воткнул бивни в мягкую землю.

Стоял он так долго, не шевелясь, а я смотрела на Шанго и думала о том, как каждый зверь по-своему проявляет горе.

Оставшись один, Шанго опять стал мрачный, угрюмый. Часами стоял он на одном месте или, вытянув хобот, безразлично обходил стоявших у барьера

посетителей. И ни один из служителей не мог войти к нему в загон — с такой яростью он на них кидался.

Молли

Прошло несколько лет. Кончилась война. Опустевший Зоопарк снова начал пополняться животными. Привезли и новую слониху. Звали её Молли. Молли оказалась совсем ручная и очень послушная. Всю дорогу от вокзала до самого Зоопарка она спокойно шла за своей служительницей и так же спокойно зашла в помещение слоновника.

Поместили её отдельно от Шанго.

Увидев Молли, Шанго разволновался. Он не отходил от перегородки, за которой стояла слониха, просовывал сквозь рельсы хобот, старался её достать. Но ничего не получалось.

Слониха боялась этого незнакомого ей огромного слона и не подходила близко. Она стояла в стороне и не спеша ела свой корм. Зато Шанго не ел совсем. Он то подходил, то отходил от перегородки; потом вдруг взял буханку хлеба и бросил её слонихе.

Трудно сказать, почему так поступил Шанго. Быть может, он просто хотел этим привлечь к себе внимание слонихи. Но когда она, с опаской оглядываясь, подошла, чтобы взять хлеб, Шанго осторожно просунул сквозь перегородку хобот и стал им поглаживать Молли.

После этого Молли перестала бояться своего соседа, а через несколько дней их выпустили вместе на площадку.

Ручная и ласковая Молли хорошо «влияла» на беспокойного Шанго.

Она даже по-своему его «воспитывала». Если Шанго бросался на входящую служительницу, слониха загоразживала её собою и не давала в обиду.

Пользуясь таким заступничеством, служители не стали перегонять слона на время уборки. Они подзывали Молли и под её «охраной» подметали, чистили загон, давали слонам корм.

Постепенно Шанго привык к тому, что трогать служителей нельзя, перестал на них набрасываться, и теперь уже никто не жаловался на его беспокойный характер.

Маленький Москвич

Два года прожили слоны вдвоём, а на третий в Зоопарке произошло большое событие — у Молли родился слонёнок.

Это был первый случай рождения слонёнка в неволе; до этого слоны в неволе никогда не размножались.

Родился слонёнок ночью. Утром, когда пришли служители, он уже стоял у матери под животом, а Шанго забился в самый угол загона. Наверно, его прогнала туда Молли, потому что как только он сделал попытку выйти, Молли грозно заревела, и он опять поспешно стал на прежнее место.

Чтобы не беспокоить Молли, слонов пришлось разъединить. Молли с малышом оставили в том же загоне, где они находились, а Шанго перевели в соседний. Впрочем, для этого даже не пришлось затрачивать усилия. Видно, Шанго сам был рад уйти от грозной мамы. Едва открыли ворота, как он тут же поспешил проскочить мимо Молли, но она всё же успела наградить его основательным ударом хобота.

После того как перевели Шанго, Молли стала гораздо спокойней. Она уже не так старательно загораживала собой малыша и даже позволяла служителям к нему подходить и трогать.

С первый же дней после рождения слонёнок уже крепко держался на ножках. Он даже пытался отходить от матери и всё порывался приблизиться к ограде, за которой находился Шанго.

Шанго тоже интересовался слонёнком. Протягивал к нему между рельсами свой огромный хобот и всё старался до него дотянуться.

Но Молли бережно охраняла малыша, никуда его от себя не отпускала, и стоило сделать слонёнку хоть несколько шагов в сторону, как она тут же загораживала ему дорогу и подпихивала под себя хоботом.

Такая забота не совсем нравилась малышу. Кругом было столько интересного, хотелось побегать, поиграть, а тут приходилось стоять около матери. Слонёнок тонко, капризно кричал, топал ножками и старался удрать.

Постепенно Молли стала отпускать его от себя порезвиться. Трудно себе даже представить, как забавно он играл: подпрыгивал, приплясывал, топал ножками, неуклюже скакал вокруг слонихи. Он всё время приставал к ней, хватал её хоботком за ноги, за хвост и, если она ела, бесцеремонно залезал к ней хоботком прямо в рот и старался вытащить оттуда еду.

Бегая теперь по площадке, малыш часто подходил к самой ограде, за которой стоял Шанго. А как-то раз, когда слониха отвернулась в сторону и занялась едой, вдруг совсем неожиданно протиснулся между рельсами и очутился в загоне у Шанго.

Шанго, видимо, страшно обрадовался такому гостю; он начал трогать его хоботом, обнюхивать... Не растерялся и слонёнок. Он заигрывал с Шанго, хватал его за бивни, наскокивал на него, а этот огромный, могучий слон осторожно переступал с ноги на ногу, чтобы как-нибудь нечаянно не повредить малыша.

Зато как испугалась Молли, когда увидела слонёнка возле Шанго! Подняв хобот, она бросилась к ограде и стала громко, тревожно трубить.

Слонёнок очень неохотно вернулся на её призыв. Тут Молли принялась его ощупывать, обнюхивать и наконец, убедившись, что он цел и невредим, наверно в виде наказания, загнала его хоботом под себя.

Однако с этого дня слонёнок стал всё чаще и чаще ходить «в гости» к Шанго.

Молли к этому постепенно привыкла, и тогда решили открыть в изгороди ворота, чтобы слоны могли находиться вместе.

К этому времени слонёнок порядочно подрос. Он уже с трудом пролезал под матерью, но по-прежнему оставался таким же весёлым, игривым. И игры его стали значительно разнообразнее. Он отлично научился владеть своим хоботком и хватал им всё, что ему попадалось.

Принесут, бывало, слонам овощи, а слонёнок подбежит, выхватит из ведра свеколину хоботком и начнёт с ней, как с мячом, играть: бросит на пол, свёкла катится, а он бежит за ней, ножками поддаёт, ну совсем будто в футбол играет. Или наступит, ножкой раздавит свеколину и покатится, как на коньке. А то ещё принесут слонам отруби, высыплют в кормушку, тут слонёнок всеми четырьмя ногами в кормушку залезет, топтать их начнет, а то еще сядет на них, как на перину, никак вылезать не хочет. А слониха стоит и ждёт, пока сынок баловаться кончит.

Чаще всего он разыгрывался именно в то время, когда приносили корм, и мешал родителям есть.

Однажды, когда слонам дали сено, слонёнок лёг на него, начал валяться, даже пытался перекувырнуться: головку вниз наклонит, упрётся лбом в сено, а заднюю ножку вверх поднимет. Долго играл слонёнок. Всё это время Молли терпеливо ждала, когда её сынок перестанет развлекаться и даст ей поесть.

Но Шанго, видимо, оказался не так терпелив. Он подошёл к слонёнку, попробовал вытащить из-под него сено, потом подсунул под него хобот, пытаясь приподнять озорника. Но слонёнок никак не хотел вставать. Тогда Шанго взял хоботом его за хвост и довольно сильно дёрнул. Слонёнок вскочил. А Шанго мигом перехватил его хоботом за ухо и, потрепав, отвёл в сторону, потом вернулся и спокойно принялся за еду.

По-видимому, такое наказание подействовало на шалуна, потому что с тех пор стоило Шанго подойти к кормушке, как слонёнок тотчас переставал баловаться и отходил в сторонку.

Вообще же он был страшный непоседа и если не лез с играми к родителям, то начинал приставать к служительнице.

Как только она входила в загон, слонёнок со всех ног бежал к ней. И прежде всего засовывал свой

хоботок в карман халата — там у служительницы всегда был приготовлен для него кусочек сахара.

Слонёнок вытаскивал сахар и отправлял себе в рот. Потом он начинал теревить служительницу за халат, за юбку, за кофту. Ему хотелось, чтобы с ним поиграли. Он протягивал ей то переднюю, то заднюю ножку, то подставлял бочок, чтобы его почесали.

Однажды служительница взяла свежий берёзовый веник и начала им чистить слонёнка. Слонёнок был очень доволен. Он поворачивался то одним, то другим боком, а потом вдруг изловчился, вырвал хоботом веник — и бежать. Чего он только с ним не проделывал! Начал по полу размахивать, только опилки в разные стороны полетели. А потом подбросил, опять подхватил, опять подбросил, размахнулся им и прямо попал в Шанго.

Но Шанго сразу прикончил это веселье. Он забрал веник хоботом, опустил его в рот и с аппетитом съел. Так на этом игра и кончилась.

Пока слонёнок был совсем маленький, ему давали самые различные имена. Один служитель называл его

«Милок», другой — «Сынок», третий — «Малыш»...

Когда же малышу исполнился год, то настало время ему дать настоящую кличку. Долго не могли решить сотрудники Зоопарка, как бы лучше назвать слонёнка. Наконец после долгих споров остановились на кличке «Москвич». Это была самая подходящая для слонёнка кличка, потому что он родился в Московском Зоопарке.

Когда Москвичу исполнилось три года, он так вырос, что стал ростом почти с мать. Москвич по-прежнему был большой шалун, однако Шанго он слушался, и вся слоновья семья мирно проживала в Зоопарке.

Марьям и Джек

Небольшой пограничный отряд неожиданно наткнулся на медведицу. Медведица поднялась на дыбы и пошла навстречу людям.

Грянул выстрел. Зверь заревел, сделал ещё несколько шагов и рухнул.

Когда люди подошли к убитому зверю, то в нескольких шагах от него увидели маленького медвежонка. Медвежонок растерянно оглядывался по сторонам и искал, куда же делась его мать.

Пограничники взяли малыша с собой и привезли в часть. Назвали его Марьям.

Марьям была совсем маленькой, такой маленькой, что когда вставала на задние лапы, то даже не могла достать до колен сержанта Петрова, который взялся ухаживать за малышом. Кормил его Петров из соски молоком, а спал медвежонок у него в комнате, прямо на кровати. Петров очень привык к своему питомцу и проводил с ним почти всё свободное время.

Но не только один Петров так относился к медвежонку. Скоро маленькая Марьям стала общей любимицей. Да и нельзя было не любить её, до того она была забавной, пушистой, приятной — ну совсем как плюшевая игрушка.

Утром Марьям вставала вместе со всеми бойцами. По сигналу «подъём» сразу вскакивала и спешила на физическую зарядку, а во время завтрака всегда старалась попасть в столовую. Правда, её туда не пускали, но стоило не запереть на крючок дверь, как малышка тут же открывала её лапками и стремглав бросалась к столам. А как трудно было её выпроводить обратно!

Медвежонок так кричал, сопротивлялся и так смешно просил угощения, что каждый старался сунуть маленькой попрошайке что-нибудь вкусное.

Марьям росла совсем ручной. К тому же у неё был на редкость покладистый характер. Обычно медведи очень вспыльчивы, непостоянны и могут ни с того ни с сего укусить своего хозяина. С Марьям этого никогда не случалось.

Почти до июля прожил медвежонок в части. В июле, когда Марьям исполнилось четыре месяца, её постоянный воспитатель Петров уезжал в отпуск. Ехать он должен был через Москву, и пограничник решил передать Марьям в подарок Московскому зоопарку.

Неудачное знакомство

Когда Марьям привезли в Зоопарк, её поместили на площадку молодняка. В это время там уже находилось много разных зверят: динго, лисята, волчата, маленькие львята и несколько медвежат. Увидев новичка, они все разом устремились к нему. Каждый спешил с ним познакомиться, поиграть. Однако Марьям, которая спокойно шла за людьми через весь Зоопарк, неожиданно испугалась. Она никогда до этого не встречала никаких зверят и теперь, увидев их, заревела и бросилась бежать. Приняв это за желание поиграть, все зверята погнались за ней.

Сделав два круга по площадке, с выпученными от страха глазёнками, Марьям забилась в угол. Когда же к ней приблизились её собственные собратья-медвежата, она стала во весь свой маленький рост и угрожающе заревела.

Медвежата и другие зверюшки отошли от не желающего с ними познакомиться новичка. Они стали

играть между собой и больше не обращали на Марьям внимания.

Весь день просидела Марьям в своём убежище. Вышла она лишь после того, как зверята, пообедав, легли отдохнуть. Она ходила между спящими зверятами по площадке, кричала, а как только они встали, опять забилась в угол.

На другой день повторилось то же самое. И дежурные и зоотехники несколько раз пытались познакомить медвежонка с обитателями площадки, но Марьям, которая была такой ручной и так хорошо шла к людям, никак не желала знакомиться с животными. Всё время проводила она забившись в угол, а ночами жалобно кричала и дёргала лапами дверь. Пришлось медвежонка с площадки молодняка взять и поместить в секцию выездных животных.

На новом месте

Секция выездных животных находилась около служебного входа в Зоопарк. Это был небольшой огороженный дворик. По одну сторону дворика стоял длинный ряд клеток, и в нём помещались самые различные животные.

Сначала Марьям посадили в клетку. Но она привыкла жить на свободе, среди людей, и никак не могла привыкнуть к неволе. Целые дни она лежала около решётки, жалобно стонала и почти ничего не ела. Заведующей секцией, Галине Григорьевне, стало жаль медвежонка, и она решила его выпускать во дворик, где бы он мог побегать и повозиться.

Марьям очень веселилась, когда её выпускали. Она вспоминала все свои фокусы, которые умела делать: ходила на задних лапах, кувыркалась через голову или

смешно вытягивала переднюю лапу и просила, чтобы её угостили.

Она так забавно всё это проделывала, так примерно, совсем не по-медвежьи, вела себя даже в помещении, что её стали запирают в клетку только на ночь.

Остальное время Марьям проводила во дворе или в служебной комнате.

Однако держать медвежонка на свободе, даже очень послушного и ручного, было нелегко. Не все сотрудники Зоопарка знали, что Марьям ручная, и, заходя во дворик, пугались её. Случалось и так, что забывали закрыть калитку, медвежонок выскакивал, и его приходилось ловить. А поймать такого шалунишку было не всегда легко. Иногда он давался сразу, а иногда, желая поиграть, спешил удрать или залезал на дерево. Вот тут-то приходилось помучиться. Забравшись на дерево, Марьям проводила там и два и три часа, а пока она проделывала свои акробатические номера, Галина Григорьевна сидела под деревом и караулила беглянку.

Потом ещё Марьям нравилось с кем-нибудь бороться, а так как товарища по играм у неё не было, то она приставала к служащим, мешала им работать.

Несколько раз пробовала Галина Григорьевна познакомить её с кем-нибудь из животных, но Марьям по-прежнему их дичилась и не желала играть.

Марьям находит друга

Товарища для игры Марьям нашла себе сама, и совсем случайно. Это был шестимесячный щенок из породы эрдельтерьеров. Звали его Джек.

Джек тоже сидел в одной из клеток. Поместили его туда недавно, и он ещё скучал по своему хозяину:

лежал в углу и ко всему относился безразлично.

Вот этим Джеком и заинтересовалась Марьям. Когда её выпустили погулять, она долго ходила около клетки с собакой, обнюхивала её. Потом приподнялась на задние лапы и стала обследовать дверь. На двери висел замок, но не запертый. Медвежонок тронул его лапой и потянул. Замок упал, и дверь открылась.

Увидев открытую дверь, Джек вскочил и радостно бросился во дворик. Но дворик был закрыт, и выхода из него не было. Джек обернулся и только тут увидел около себя медвежонка.

Шерсть у щенка поднялась дыбом, он зарычал и слегка куснул медвежонка около уха. Поведение собаки Марьям приняла за игру. Она весело мотнула головой, потом подвернула её под себя и перекувырнулась.

Джек опять слегка куснул медвежонка, но уже не рыча, и Марьям опять перевернулась через голову. А когда пришла Галина Григорьевна, то медвежонок и собака уже весело гонялись друг за другом.

С этого дня они стали неразлучными друзьями. Если первым выпускали на прогулку Джека, то он сразу бежал к Марьям и вертелся около её клетки. Что же касается Марьям, то она просто-напросто сама открывала лапами дверь и выпускала собаку.

Всё лето их пускали играть во дворик, но жили они в разных клетках, а когда наступила осень и пошли дожди, их посадили вместе и поставили большую, просторную конуру, в которой каждый выбрал себе место. Марьям устроилась у выхода, а что касается Джека, то он всегда прятался за Марьям. За спиной медведя было теплей и совсем не задувал ветер.

Неразлучники

Пока Марьям сидела отдельно от Джека, она как-то мирилась с тем, что их разлучали. А происходило это в то время, когда Марьям брали на выезды. Она хоть и поглядывала на клетку с собакой, но всё же спокойно шла за человеком, послушно влезала в машину и садилась в транспортный ящик. Но как только к Марьям поместили собаку, всё сразу изменилось. Теперь Марьям ни за что не хотела расставаться со своим другом. Когда её попробовали взять на выступление, а собаку оставить, она кричала, упиралась и ни за что не хотела лезть в машину одна. Справиться с годовалым медведем было трудно, и пришлось вместе с ней брать и Джека.

Вместе их и выводили на сцену. Причём, если медвежонок иногда упрямился, Джек хватал его за ухо и тащил за собою. На такое обращение Марьям не сердилась, и стоило Джеку схватить её за ухо, как она тут же успокаивалась и послушно следовала за собакой.

На съёмке

Когда Марьям исполнилось четыре года, она стала большой, красивой медведицей. Джек теперь перед ней казался совсем маленьким, но они по-прежнему жили в одной клетке, по-прежнему их возили вместе на выступления, а когда Марьям не слушалась, то Джек, как и раньше, брал её за ухо, и она послушно шла за ним. Они никогда не расставались, и их всегда брали вместе. В это время для кинокартины «Повесть о настоящем человеке» нужно было снять встречу раненого Мересьева с медведем. Это был очень трудный и ответственный эпизод. Сначала хотели взять дрессированного медведя из цирка и снять его не с человеком, а с восковой куклой. Сценарий дали

просмотреть артисту Кадочникову, который должен был играть роль героя картины Мересьева.

— А что, если взять медведя из Зоопарка? — предложил Кадочников.

Перед этим он снимался в картине «Робинзон Крузо» и среди ручных зверей Зоопарка приобрёл немало друзей.

Режиссёр согласился и поехал договариваться в Зоопарк. Когда же он увидел Марьям и ему показали, какая она ручная, он тут же, не откладывая, заключил договор. А на следующий день Галина Григорьевна со своими питомцами выехала на место съёмки.

До Звенигорода доехали хорошо. Дальше надо было ехать в сторону от шоссе по узкой просёлочной дороге, по которой не могла пройти машина. Пришлось звонить по телефону и вызывать из колхоза лошадь.

— Ничего не выйдет, — сразу отказал председатель, — наши лошади к медведям не привычны, разнесут или ещё ноги себе поломают.

— Что же мне теперь делать? Не на руках же тащить медведя! Ну пришлите хоть какую-нибудь клячу! — взмолился администратор картины.

— Кляч у нас не имеется, — обиделся председатель, — У нас все лошади хорошие, племенные, а если хотите, пожалуй, быка пришлю, — тут у нас один такой имеется, воду на скотный двор возит. Смирный бык, ленивый — он, пожалуй, бочку от медведя не отличит.

Конечно, ехать на быке было не очень, заманчиво, но другого выхода не было, и пришлось согласиться.

Бык пришёл часа через два. Он был откормленный, жирный и, по-видимому, действительно очень ленивый, потому что еле-еле тащил за собой пустые сани. Управлял быком молодой парень. Он подъехал к самому ящику, бросил вожжи и подошёл посмотреть медведя.

— А не уйдёт «транспорт»? — спросила его Галина Григорьевна.

— Не уйдёт, — уверенно возразил парень. — Он у нас ленивый. — И, хозяйски оглядев медведя, добавил: — Ну что ж, грузить, что ли? А то с таким «транспортом» не скоро доберёшься.

Парень ещё немного пододвинул сани, рабочие погрузили ящик с медведем и собакой. Галина Григорьевна стала сзади на сани, а остальные решили идти пешком. Парень сел на ящик, взял вожжи и крикнул:

— Но, Яшка, пошевеливай!

Бык тяжело вздохнул и тронулся с места.

— Ишь ленивый! За всю жизнь из шага не вышел...

Парень хотел ещё что-то сказать обидное про быка, но тут случилось совсем непредвиденное: сделав ещё два-три шага, бык неожиданно рванулся и, задрав хвост, помчался вскачь. Возница свалился в снег, Галина Григорьевна уцепилась за ящик, Марьям заревела, залаял Джек.

— Тпру! Тпру! — кричал вскочивший возница, напрасно пытаясь догнать быка.

Перепуганный рёвом медведицы, бык понёсся ещё быстрее. С невиданной быстротой проскакал он по деревне и как был, с санями, ворвался в открытую дверь скотного двора. Сани застряли в дверях, но ненадолго задержали «скакуна». Сорвав оглобли и волоча их за собою, он бросился к себе в стойло.

К счастью, всё обошлось благополучно. Подбежавшие на помощь колхозники отодвинули в сторону сани с ящиком. Кто-то принёс Марьям и Джеку миску с молоком и хлебом, а когда прибежали возница и сотрудники киногруппы, то медведица уже доедала свою порцию и просила ещё.

Поместили Марьям с Джеком у одной старушки в хлеву. Правда, корову пришлось убраться к соседям, но в остальном всё устроилось очень хорошо.

На другой день надо было ехать на съёмку, но дело опять стало из-за транспорта. Везти медведя на непривычных лошадях рискованно, а машина в лесу не пройдёт. Наконец, после долгих споров и предложений, пришлось всё же остановиться на быке. Однако, прежде чем им воспользоваться, решили приучить его к запаху и виду медведя. Взялась за это дело Галина Григорьевна.

Быка перевели в хлев, где стоял ящик с медведицей. Положили ему в кормушку побольше корма, а самого быка крепко-накрепко привязали к столбу, чтобы он не мог сорваться. Но, ко всеобщему удивлению, бык на этот раз даже не обратил на медведицу внимания. Он сразу принялся за вкусные корнеплоды, а когда Марьям, недовольная тем, что угостили не её, заревела, бык, не отрываясь от корма, только скосил в её сторону глаза.

Со съёмкой надо было торопиться, потому что стоял конец марта и днём на солнышке снег быстро таял. По

картине же требовались зима и снег.

Поэтому режиссёр не стал откладывать дело и, убедившись, что бык действительно спокойно относится к зверю, решил в тот же день выехать на съёмку.

И вот Марьям в лесу. Первый раз в жизни она на свободе, в настоящем «таёжном» лесу.

Осторожно ступают мохнатые лапы зверя. Марьям пригибается, принюхивается к новым, незнакомым ей запахам, прислушивается. Сейчас она совсем не похожа на ручного медведя. Глядя на неё, кажется, что это идёт настоящий дикий зверь, никогда не встречавший человека. Оператор вертит ручку киноаппарата. Он спешит заснять каждый шаг, каждое движение медведя.

Всё шло как нельзя лучше. Марьям быстро освоилась с новым местом и послушно шла в ту сторону, куда её манила Галина Григорьевна. Но вот в один из проходов медведица неожиданно провалилась в яму, и прежде чем кто-нибудь успел опомниться, Марьям с испуганным рёвом выскочила из ямы и скрылась в лесу.

О том, чтобы догнать медведя, не могло быть и речи. Пришлось скорей бежать в деревню за Джеком.

Привели Джека, пустили, и он в одно мгновение скрылся тоже. Следом побежали Галина Григорьевна, подсобные рабочие, администратор. Сначала бежали по следу, потом услышали лай Джека и побежали ему наперерез.

Первой выбежала на шоссе Галина Григорьевна, и то, что она увидела, заставило её остановиться. Посреди дороги стояла легковая машина «Москвич», около неё с лаем прыгал Джек, а поодаль стоял в некоторой растерянности, по-видимому, владелец машины.

Галина Григорьевна сразу догадалась, в чём дело. И действительно, когда она подбежала и заглянула внутрь машины, то увидела. сидящую там Марьям.

Долго потом смеялись Галина Григорьевна, работники киногруппы да и сам владелец машины над тем, как медведица завладела его «Москвичом».

— И надо же было такому случиться! — рассказывал он. — Еду я по шоссе, смотрю — навстречу медведь бежит, и прямо в лоб моей машине. Дай, думаю, остановлюсь, ему дорогу уступлю. Отъехал в сторону и остановился, а медведь — прямо к машине. Схватил лапами за ручку и дёргает. Я к себе дверь, а он к себе. Выскочил я из машины, а он залез в неё и сидит. Тут, смотрю, следом собака бежит. Подбежала и лает. Ну, думаю, значит, медведь ручной. Да только как с ним быть, не знаю. А тут как раз вы подоспели. — И, обернувшись к Марьям, со смехом добавил: — Отдохнули в машине — и хватит. Теперь вылезайте.

Однако Марьям и не думала вылезать. Тут Галина Григорьевна вспомнила, что у неё в кармане лежит сахар, и показала его Марьям.

Марьям была большая сладёна. Она увидела сахар и поспешила вылезть из машины.

Потом медведице надели на шею ремень и под надёжным конвоем повели обратно на киносъёмку. Ещё надо было снять оскаленную морду зверя, и режиссёр настаивал, чтобы это сделали обязательно сегодня.

Сделать это было совсем нетрудно. Марьям поставили перед аппаратом, и Галина Григорьевна тихонько пустила ей в нос дым от папиросы — Марьям оскалила зубы, сморщила нос и чихнула.

— Будь здорова! — сказал режиссёр. — А ну-ка, давайте повторим.

Опять пустили дым — Марьям снова оскалилась и стала тереть лапой нос.

— Не годится, момент испорчен, надо ещё повторить, — отдал снова приказание режиссёр.

Но повторять не пришлось: Марьям, по-видимому, надоело нюхать табачный дым — трясая головой и чихая,

пустилась она наутёк.

Снова, весело лая и очень довольный такой игрой, погнался за ней Джек. Снова пришлось бежать Галине Григорьевне и другим сотруди́кам за беглянкой.

Бежала Марьям теперь по чаще, и пробираться за ней по кустам, да ещё по глубокому снегу, было очень трудно. Догнали Марьям около большого поля. Она ходила, что-то выкапывала из-под снега и ела, но, увидев приближающихся людей, опять побежала.

— Не могу больше! — остановилась Галина Григорьевна, задыхаясь и еле переводя от усталости дыхание. — Она просто разыгралась и теперь будет убежать.

С этими словами Галина Григорьевна решительно повернулась и пошла назад. Джек посмотрел на хозяйку и побежал следом за нею, а за ними во всю свою медвежью прыть припустилась Марьям. Так и дошли они до места: впереди Галина Григорьевна, а за нею — собака и медведь.

Когда сняли медведя в лесу, оскаленную морду и другие моменты, наступило время съёмки самого трудного эпизода. Надо было заснять лежащего на снегу артиста, а рядом с ним стоящего медведя. Медведь должен был обнюхать человека и разорвать на нём куртку.

Потом все эти отдельные кусочки будут смонтированы, и зритель увидит на экране всю сцену.

Ещё задолго до съёмки Кадочников начал приручать к себе Марьям. Он заходил к ней, кормил, ласкал, выпускал на прогулку. Познакомился с характером медведя, с его привычками. И всё-таки в день съёмки основного эпизода все очень волновались. Кто знает, как поведёт себя медведь: а вдруг схватит лежащего человека за лицо и его изуродует? Место, на котором должен был сниматься этот эпизод, заранее окружили милицией, чтобы никто не мог пройти из посторонних и

помешать съёмке. Вся аппаратура была заранее расставлена, все стояли на своих местах, и только потом привезли Марьям.

Когда Марьям выпустили, Кадочников уже лежал на снегу, загримированный и одетый лётчиком. Марьям осмотрелась и направилась прямо к нему. Кругом стояла мёртвая тишина. Все замерли.

Одна Галина Григорьевна чуть вышла вперёд и с напряжением вглядывалась в каждое движение зверя. Вот он подошёл к лежащему человеку... вот нагнулся, нюхает ему лицо, трогает зубами... Кадочников лежит. Он чувствует на своём лице близкое дыхание зверя. Ему, как и Мересьеву, безумно хочется вскочить, но огромным усилием воли он сдерживается и лежит неподвижно, как мёртвый. Обнюхав лицо человека, Марьям переходит к обследованию его куртки, и все облегчённо вздыхают. Марьям нюхает куртку, от неё пахнет чем-то очень вкусным; медведица отлично знает, как ей поступить, чтобы получить лакомый кусочек. Ведь не раз Кадочников нарочно прятал себе в карман что-нибудь вкусное и учил Марьям, как надо доставать.

Огромными, сильными когтями разрывает медведица куртку, достаёт спрятанный кусочек и отходит. Отходит она потому, что Галина Григорьевна машет ей руками и высыпает на землю целый пакет сахара. Марьям бросается к сахару. Съёмка окончена.

Все ласкают Марьям, наперебой расспрашивают Кадочникова, как он себя чувствовал во время съёмки.

— Нельзя сказать, что очень хорошо, — смеётся он. — Особенно было неприятно, когда сия медведица взяла меня за нос. Ну, думаю, сейчас откусит. Но, к счастью, она ограничилась тем, что слизала грим. Что, сахар вкуснее? — И просит добавить Марьям ещё один пакет за хорошую игру.

Покончив с сахаром, Марьям послушно направляется в свой ящик. В этот же день медведицу вместе с Джеком отправляют обратно в Зоопарк. Везёт её на станцию ленивый бык. Не спеша, еле-еле тащит он сани, а за санями бегут ребяташки из колхоза, и каждый старается бросить что-нибудь вкусное в клетку...

На шоссе уже ждёт машина, и через несколько часов Марьям с Джеком дома.

Марьям спит у себя в конуре, а сзади, согревшись от её тёплой шубы, крепко спит Джек.

Заключение

До шести лет жили Марьям и Джек в Зоопарке. Марьям по-прежнему была ручной, ласковой медведицей, но брать её на лекции теперь опасались. Особенно после того, как она однажды сорвалась с привязи и, вместо того чтобы идти на сцену, отправилась в буфет. Нашла Марьям его довольно быстро, и пока перепуганная буфетчица, сообразив, откуда взялся у неё за прилавком медведь, бегала за помощью, Марьям успела съесть не только все сладости и фрукты, но и выпить вино.

Справиться с опьяневшей медведицей было, конечно, нелегко. Она никак не хотела уйти, оставив недоеденной закуску. С большим трудом удалось с помощью Джека водворить её на место, но выступать она, конечно, уже не могла.

После этого случая Марьям перестали брать на выступления, перевели на Новую территорию Зоопарка и поместили в просторном выгуле вместе с другим медведем, по кличке «Шалун». Сначала Марьям как будто обрадовалась новому приятелю. Не ссорилась с ним, играла, потом вдруг совсем неожиданно стала

скучать по собаке. Целые дни ходила по загону, ревела. Скучал и Джек. Тогда их решили опять посадить вместе и отправить в один из зверинцев.

Когда после месячной разлуки собака и медведь встретились, то Джек от радости визжал, а Марьям всё старалась обхватить ему лапами шею и лизнуть в морду.

В зверинце их тоже поместили в одну клетку.

Прошла осень. Наступила зима. Марьям и Джек по-прежнему жили вместе. Правда, последнее время Марьям перестала играть. Она устроила в клетке что-то вроде логова. Сгребла туда подстилку и целые дни лежала, а в феврале у Марьям родилось два медвежонка.

Когда раздался писк, Джек очень заинтересовался. Он подбежал к Марьям и всё старался понюхать малышей. Первое время Марьям загораживала их лапами от любопытного Джека, потом успокоилась и разрешила собаке не только нюхать, но и трогать малышей. Интересно отнёсся Джек к такому разрешению. Он проводил около малышей почти целые дни. Старался поближе к ним лечь, лизал их, а когда медвежата кричали, начинал волноваться и скулить.

Однажды он даже попробовал перенести малышей в другое место. Взял медвежонка за шиворот и потащил, но тут уж вмешалась мамаша, отняла малыша от чересчур заботливой няньки и унесла его обратно в свой угол.

А сколько весёлых минут доставила эта интересная группа посетителям зверинца! Особенно когда медвежата начинали играть. Зачинщиком почти всегда был Джек: то он теребил за пушистую шёрстку медвежат, и они, смешно махая лапками, лезли к нему бороться, то, лая, спешил от них удрать, а те, неуклюже переваливаясь, старались его догнать.

Почти до осени прожили вместе медвежата, Марьям и Джек. Потом медвежат пришлось отправить в другой зоопарк, так как в клетке стало слишком тесно. Что же касается Марьям и Джека, то они и сейчас живут вместе, по-прежнему дружат и никогда не ссорятся.